

ISSN 2587-9715 (Print)
ISSN 2658-3585 (Online)

Том 22. № 2
Volume 22. No. 2

LOGOS ET PRAXIS

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

2023

ISSN 2587-9715 (Print)
ISSN 2658-3585 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

LOGOS ET PRAXIS

2023

Том 22. № 2

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

LOGOS ET PRAXIS

2023

Volume 22. No. 2

LOGOS ET PRAXIS

2023. Vol. 22. No. 2

Academic Periodical

Since 1996

4 issues a year

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПН № ФС77-69699** of May 5, 2017)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Russian Science Citation Index**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat**® (USA), **ProQuest** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Editorial Staff:

Dr. Sc., Assoc. Prof. *S.B. Tokareva* – Chief Editor (Volgograd)

Dr. Sc., Assoc. Prof. *E.N. Vasilyeva* – Deputy Chief Editor (Volgograd)

Cand. Sc. *M.B. Poltavskaya* (Volgograd)

Cand. Sc. *T.S. Gorina* – Executive Secretary and Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Sen. Res. *Aksadi Yudit* (Budapest, Hungary); Dr. Sc., Prof. *L.V. Baeva* (Astrakhan); Dr. Sc. *N.V. Dulina* (Volgograd); Dr. Sc., Prof. *N.N. Lebedeva* (Volgograd); Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.R. Lychkovskaya* (Odessa, Ukraine); Dr. Sc., Prof. *A.I. Pigalev* (Volgograd); Dr. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Sergeeva* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Prof. *A.L. Strizoe* (Volgograd); Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Tereshchenko* (Minsk, Belarus); Dr. Sc., Prof. *V.B. Ustyantsev* (Saratov)

Editor of English texts *E.A. Eltanskaya*
Making up *E.S. Reshetnikova*
Technical editing *E.S. Reshetnikova*,
I.V. Smetanina

Passed for printing July 5, 2023.

Date of publication: Sept. 21, 2023.

Format 60×84/8. Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 12.5. Published pages 13.4.

Number of copies 500 (1st printing 1–27 copies).

Order 96. «C» 22.

Open price

Address of the Printing House:
Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House

of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.

Tel.: (8442) 46-02-72. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: jvolsu7@gmail.com

Journal website: <https://psst.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://psst.jvolsu.com/index.php/en/>

LOGOS ET PRAXIS

2023. Т. 22. № 2

Научный журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации **ПИ № ФС77-69699** от 5 мая 2017 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базу **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat®** (США), **ProQuest** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 46-02-72. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: jvolsu7@gmail.com
Сайт журнала: <https://psst.jvolsu.com>
Англояз. сайт журнала:
<https://psst.jvolsu.com/index.php/en/>

Редакционная коллегия:

д-р филос. наук, доц. *С.Б. Токарева* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р социол. наук, доц. *Е.Н. Васильева* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
канд. социол. наук *М.Б. Полтавская* (г. Волгоград)
канд. филос. наук *Т.С. Горина* – ответственный и технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

ст. науч. сотр. *Аксади Юдит* (г. Будапешт, Венгрия);
д-р филос. наук, проф. *Л.В. Баева* (г. Астрахань);
д-р социол. наук *Н.В. Дулина* (г. Волгоград); д-р экон. наук, проф. *Н.Н. Лебедева* (г. Волгоград); канд. социол. наук, доц. *О.Р. Лычковская* (г. Одесса, Украина);
д-р филос. наук, проф. *А.И. Пигалев* (г. Волгоград);
д-р социол. наук, доц. *О.В. Сергеева* (г. Санкт-Петербург); д-р филос. наук, проф. *А.Л. Стризов* (г. Волгоград); канд. социол. наук, доц. *О.В. Терещенко* (г. Минск, Беларусь); д-р филос. наук, проф. *В.Б. Устьянцев* (г. Саратов)

Редактор английских текстов *Е.А. Елтанская*
Верстка *Е.С. Решетниковой*
Техническое редактирование *Е.С. Решетниковой*,
И.В. Сметаниной

Подписано в печать 05.07 2023 г.
Дата выхода в свет: 21.09 2023 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 12,5. Уч.-изд. л. 13,4.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–27 экз.).
Заказ 96. «С» 22.

Свободная цена

Адрес типографии:
400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Почтовый адрес:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство Волгоградского государственного университета.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

<i>Самарина Т.С.</i> Нейротеология: истоки, идейный фон и проблема эвристичности	5
<i>Плужникова Н.Н.</i> Концепция человека и его духовности в современных нейронаучных исследованиях: философский анализ	16
<i>Голубинская А.В.</i> Мотивированное незнание как философская категория: теоретический и практический потенциал	22
<i>Еретин А.В., Кузнецова М.А.</i> Циклическое развитие проектно-технологической культуры: проблемы методологии	31
<i>Балаклеец Н.А.</i> Героическое измерение постгероического общества	39
<i>Кирякин А.В.</i> Вина и ответственность за преступление в философских взглядах Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского	49
<i>Горьков А.Е.</i> Идеи постмодернизма как инструмент репрезентации социальной реальности в кинокартинах Л.И. Гайдая	60

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

<i>Ростовская Т.К., Васильева Е.Н.</i> Стратегии формирования благополучия студенческих семей (по результатам глубинного интервью)	67
<i>Артамонова Я.С.</i> Технологии социальных медиа в политической социализации студенческой молодежи ...	81
<i>Светличная Т.Г., Смирнова Е.А.</i> Теоретико-концептуальные подходы и результаты эмпирического изучения феномена толерантности (обзор литературы)	94
<i>Фурсаев Л.В., Полтавская М.Б.</i> Развитие теоретических представлений о городе: картография и ментальные карты в социологическом дискурсе	109

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Букин Д.Н., Кольчев П.М., Токарева С.Б.</i> Обзор Международной научно-практической конференции «Современная онтология – XI: онтология и религия» (Санкт-Петербург, Волгоград, 26–30 июня 2023 г.)	122
--	-----

CONTENTS

PHILOSOPHY

<i>Samarina T.S.</i> Neurotheology: Origins, Ideological Background and the Heuristic Problem	5
<i>Pluzhnikova N.N.</i> The Concept of Man and His Spirituality in Modern Neuroscientific Research: A Philosophical Analysis	16
<i>Golubinskaya A.V.</i> Motivated Ignorance as a Philosophical Category: Theoretical and Practical Potential	22
<i>Eretin A.V., Kuznetsova M.A.</i> Cyclic Development of Design and Technology Culture: Problems of Methodology	31
<i>Balakeets N.A.</i> Heroic Dimension of Post-Heroic Society	39
<i>Kiryakin A.V.</i> Guilt and Responsibility for Crime in the Philosophical Views of L.N. Tolstoy and F.M. Dostoevsky	49
<i>Gorkov A.E.</i> Ideas of Postmodernism Philosophy as a Tool for Social Reality Representation in Leonid Gaidai Movie Films	60

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

<i>Rostovskaya T.K., Vasilieva E.N.</i> Strategies for Forming the Well-Being of Student Families (By the Results of In-Depth Interview)	67
<i>Artamonova Ya.S.</i> Social Media Technologies in the Political Socialization of Students	81
<i>Svetlichnaya T.G., Smirnova E.A.</i> Theoretical and Conceptual Approaches and Results of Empirical Study of the Phenomenon of Tolerance (Literature Review)	94
<i>Fursaev L.V., Poltavskaya M.B.</i> Development of Theoretical Ideas About the City: Cartography and Mental Maps in Sociological Discourse	109

SCIENTIFIC LIFE

<i>Bukin D.N., Kolychev P.M., Tokareva S.B.</i> Review of the International Scientific and Practical Conference “Modern Ontology – XI: Ontology and Religion” (Saint Petersburg, Volgograd, June 26–30, 2023)	122
---	-----

www.volsu.ru

ФИЛОСОФИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.1>

UDC 1:2
LBC 87.000.4

Submitted: 11.05.2023
Accepted: 26.06.2023

NEUROTHEOLOGY: ORIGINS, IDEOLOGICAL BACKGROUND AND THE HEURISTIC PROBLEM

Tatiana S. Samarina

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. In the paper a critical analysis of the neurotheological concept of Andrew Newberg is provided. In the beginning, the specifics of the reception of his legacy in the Russian and foreign research literature are analyzed, a conclusion is made about many prejudices which obscure Newberg's legacy. Then the reconstruction of the origins of the Newberg concept in the work of his teacher E. d'Aquili and the circle of the Zygon journal is carried out. The innovativeness of d'Aquili's ideas regarding the role of the parietal lobe in the formation of religion and his theory of ritual behavior are considered. Then the analysis of the ideological foundations of Newberg's concept is carried out, his criticism of the empirical foundations of new atheism and cognitive religious studies is investigated. It is demonstrated that despite the declared sympathy, Newberg is not an apologist for a religious worldview. He distinguishes two forms in religion: mystical and fundamentalist. The existence of both is associated with the process of brain evolution. The structures responsible for fundamentalism, according to Newberg, arose at the early stages of human development and were directly related to his survival, and those responsible for mysticism are the most recent and are the pinnacle of brain evolution. These data allow Newberg not to recognize fundamentalist elements in religion and suggest that mystical ones should be used by secular consciousness. The article shows that these ideas are based on the humanistic psychology of E. Fromm and the conclusion is made that Newberg's attitude to religion is not so unambiguous as it is commonly believed in the circles of his critics.

Key words: psychology of religion, cognitive religious studies, evolutionary psychology, new atheism, neurobiology, mysticism.

Citation. Samarina T.S. Neurotheology: Origins, Ideological Background and the Heuristic Problem. *Logos et Praxis*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 5-15. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.1>

УДК 1:2
ББК 87.000.4

Дата поступления статьи: 11.05.2023
Дата принятия статьи: 26.06.2023

НЕЙРОТЕОЛОГИЯ: ИСТОКИ, ИДЕЙНЫЙ ФОН И ПРОБЛЕМА ЭВРИСТИЧНОСТИ

Татьяна Сергеевна Самарина

Институт философии РАН, г. Москва, Российская Федерация

© Самарина Т.С., 2023

Аннотация. В статье дается критический анализ нейротеологической концепции американского нейробиолога Эндрю Ньюберга. Анализируется специфика рецепции его наследия в российской и зарубежной исследовательской литературе, делается вывод о поверхностной оценке наследия Ньюберга, выявляются причины такого отношения. Проводится реконструкция истоков концепции Ньюберга в творчестве его учителя Ю. д'Аквилы и круга участников журнала «Zygon». Рассматривается инновационность идей д'Аквилы в

отношении роли теменной доли в формировании представлений о религии и его теория ритуального поведения, в которой религиозные ритуалы предстают как производная от брачного поведения животных. Осуществляется анализ мировоззренческих оснований концепции Ньюберга, исследуется его критика эмпирических основ нового атеизма и когнитивного религиоведения. Демонстрируется, что несмотря на декларируемую симпатию, Ньюберг не апологет религиозного мировоззрения. Он выделяет в религии две формы: мистическую и фундаменталистскую. Существование обеих связывается им с процессом эволюции мозга. Отвечающие за фундаментализм структуры, согласно Ньюбергу, возникли на ранних этапах развития человека и напрямую были связаны с его выживанием, а отвечающие за мистицизм – наиболее поздние и являются вершиной эволюции мозга. Эти данные позволяют Ньюбергу не признавать фундаменталистские элементы в религии и предположить, что мистические должны быть использованы секулярным сознанием. В статье показывается, что эти идеи Ньюберга базируются на гуманистической психологии Э. Фромма, и делается вывод о том, что отношение к религии Ньюберга вовсе не так однозначно, как о том принято считать в кругах его критиков.

Ключевые слова: психология религии, когнитивное религиоведение, эволюционная психология, новый атеизм, нейробиология, мистицизм.

Цитирование. Самарина Т. С. Нейротеология: истоки, идейный фон и проблема эвристичности // *Logos et Praxis*. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 5–15. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.1>

Для отечественных ученых творчество Эндрю Ньюберга представляет непростую научную проблему. С одной стороны, это единственный американский нейробиолог, фокусирующийся на исследовании религии, книги которого переводятся на русский язык и издаются большими тиражами, о котором пишут в научных статьях [Кирьянов 2011; Малевич 2014], а предложенный им термин «нейротеология» уже давно стал использоваться как сам собой разумеющийся для обозначения большого поля нейропсихологических исследований, выявляющих структуры мозга, ответственные за религиозный опыт [Бажанов 2018]. С другой, концепции Ньюберга зачастую не уделяют достаточного внимания, обычно его перечисляют наряду с другими исследователями-экспериментаторами, такими как Майкл Персингер, или сравнивают с популяризаторами религиозного взгляда в науке, такими как автор гипотезы о гене Бога Дин Хаммер. Если и пытаются разобрать его теорию, то практически всегда этот разбор ограничивается общим анализом представлений о мистическом опыте, построенном на основании трех известных экспериментов: изучение буддийской медитации, центрирующей молитвы монахинь-трапписток и пятидесятнической глоссолалии. Вместе с тем почти всегда от Ньюберга отмахиваются, считая его философским эссенциалистом, развивающим идеи Уильяма Джеймса и полагающим религиозную способность существующей самостоятельно как явление *sui generis* [Агаджанян 2013, 20]. Такие характеристики, особенно на фоне активно пропагандирующихся успехов когнитив-

ного религиоведения, затеняют достижения Ньюберга. Хочется отметить, что отечественных исследователей не смущает, что, рассуждая о Ньюберге, они используют лишь данные трех его экспериментов, самому свежему из которых (исследованию глоссолалии) 19 лет, хотя за это время им были проведены сотни крупномасштабных исследований в различных сферах нейропсихологии, также не тревожит и то, что мистицизм в концепции Ньюберга является вершиной многоуровневой системы изучения религии, полностью соответствующей современным научным стандартам и во многом сформированной параллельно и в диалоге с когнитивным религиоведением.

Мы не будем в данной статье подробно останавливаться на том, что фрагменты этой концепции излагаются ими неточно, а порой толкуются и вовсе превратно. Но все эти неприятные факты заставляют нас обратить пристальное внимание на концепцию Ньюберга, отдав тем самым должное одному из ведущих современных религиоведов-нейротеологов. Очевидно, что для полноценной реконструкции его теории потребуется не одна статья, здесь мы хотели бы показать истоки концепции Ньюберга и критически проанализировать вопрос о том, насколько его работы являются прорелигиозными.

Проблема рецепции концепции Ньюберга

Но прежде чем переходить к этому, укажем несколько причин неточной рецепции.

Отчасти виной тому сама специфика творчества Ньюберга. Уже с самых первых своих работ его статьи, и в особенности книги, отличались легким стилем подачи материала, благодаря этому превращая научные исследования в увлекательные повествования с героем (которым почти всегда был ищущий исследователь, Альтер Эго самого Ньюберга) и закольцованной композицией, когда вопрос, поставленный в начале, раскрывался в завершении текста. Эта особенность в определенный момент стала сочетаться с популяризацией нейротеологии, так из трех книг, изданных в России, две работы написаны Ньюбергом в соавторстве с известным коучем Марком Уолдманом и направлены прежде всего на внедрение нейротеологических разработок посредством инновационных тренингов, в которых благодаря нейропсихологии медитативные и молитвенные практики и опыт обретения просветления превращаются в упражнения для поддержания внутреннего равновесия, борьбы со стрессом, депрессией или элементы тренингов личностного роста и успеха.

Неудивительно, что такая коммерциализация и популяризация научных исследований вполне оправдано может вызывать скептицизм в среде академических критиков. Кроме того, основополагающий труд Ньюберга по нейротеологии, который им самим был несколько раз переписан с учетом новых данных, в России опубликован не был, а наиболее известной у нас из его англоязычных трудов остается «Мистический мозг», первая монография, хоть и получившая широкую популярность, но в значительной степени спекулятивная и скорее стремящаяся обосновать новое научное направление¹, нежели представить сложную и обоснованную концепцию религиозной жизни. Все это в совокупности и придало образу Ньюберга черты популяризатора, а не исследователя.

Как известно, Ньюберг именуется свою концепцию *нейротеологией*². Нейротеология – неоднозначный и противоречивый термин, уже по самому образованию слова предлагающий совмещение современных нейробиологических открытий и традиции теологической рефлексии. Сам по себе этот термин вызывал вполне справедливую критику у коллег-нейропсихологов еще на этапе становления концепции. Ведь он предполагал существование некоей теологии, тогда как в работах Ньюберга

теологические вопросы не затрагивались, а сочетание теологии и нейробиологии вызывало опасение, «что нейротеология может быть попыткой удержаться одной ногой в религии, а другой – в науке» [Hood, Hill, Spilka 2018, 74].

На наш взгляд, этот термин был выбран им намеренно с целью выделить его концепцию среди массива нейропсихологических исследований религии. Несмотря на очевидные плюсы такого позиционирования, у него есть и изрядные минусы. Ньюберг считает нейротеологию мультидисциплинарной сферой научных исследований, органично совмещающей антропологию, когнитивную неврологию, психологию, социологию, религиоведение и теологию. Ее задачами являются: совмещение современных научных данных, полученных при изучении мозга с классическими религиозными представлениями, выявленными психологией и антропологией; изучение и апроприация для секулярного сознания религиозных практик; экспериментальное обоснование влияния религиозных убеждений и действий на психологическое и физическое здоровье. Когда Ньюберг придумывал наименование для своей концепции, он рассмотрел немало альтернатив (биотеология, нейрорелигия, психодуховность) [Newberg 2018, 36], но именно нейротеология устроила его больше всех. Это произошло во многом из-за того, что ему всегда хотелось, чтобы разработки нейропсихологов могли найти себе путь в жизнь верующих людей и даже больше: он убежден, что нейробиологические открытия фундаментальных основ религиозной жизни и опыта могут трансформировать современные разрозненные теологические системы в мегатеологию³, общность всех систем, в которой будет выделена лишь общезначимая как с биологической, так и с духовной точек зрения основа религии, тогда как сеющие раздор частности будут убраны. Понятно, что этот романтический проект вряд ли может восприниматься всерьез, но необходимо оценить те достижения, которые Ньюбергу удалось получить на пути к созданию нейротеологии.

Идейные истоки концепции

Обычно истоки творчества Ньюберга видят в развитие когнитивного подхода в исследовании религии⁴, во многом запущенно-трудом С. Лоусона и Р. Маккалея «Пере-

думывая религию: Связывая познание и культуру» [Lawson, McCauley 1990], вышедшего в 1990 году. При таком рассмотрении концепция Ньюберга становится побочной ветвью когнитивного религиоведения, причем, по мнению критики, ветвью тупиковой. Исторически все выглядит совсем иначе, ведь истоком творчества Ньюберга стали труды его учителя Юджина д'Аквили (1940–1998), признательность которому Ньюберг всегда подчеркивал [Ньюберг, д'Аквили, Рауз 2013, 24].

Д'Аквили был психиатром, получившим также образование антрополога, благодаря этому достаточно рано он стал интересоваться проблемой связи ритуального поведения и функций мозга. Его задачей стало совмещение структуралистской теории Клода Леви-Стросса с нейронауками. Он был одним из первых исследователей, проложивших путь будущим когнитивным исследованиям. В 1970-е гг. д'Аквили вместе с коллегами Чарльзом Лафлиным – младшим и Джоном МакМанусом написал две книги, посвященные связи ритуала и мозговых функций: «Биогенетический структурализм» (1974) [Laughlin, D'Aquili 1974] и «Спектр ритуала» (1979) [D'Aquili, Laughlin, McManus 1979]. В те же 1970-е гг. д'Аквили и его коллега Ч. Лафлин создали целое направление – нейроантропологию, школу, чьей целью было совмещение антропологии и нейронаук. Сам д'Аквили, как позднее и Ньюберг, симпатизировал религии и много лет был членом «Института религии в век науки»⁵, общественного объединения, чьей целью является развитие равноправного диалога религии и науки.

Д'Аквили и Лафлин с немалым трудом смогли инициировать научное обсуждение перспектив совместимости нейронаук и теологии, площадкой для него стал журнал «Zygon: Journal of Religion and Science», в котором в 1984 г. Джеймс Эшбрук впервые предложил термин нейротеология [Ashbrook 1984], позднее избранный Ньюбергом для обозначения своей концепции. В разные годы эта дискуссия вовлекала таких известных ученых, как нобелевский лауреат нейропсихолог Роджер Сперри [Sperry 1985], известнейший антрополог Виктор Тёрнер [Turner 1983], психобиолог Колвин Тревартен [Trevarthen 1986] и др.

В своих ранних работах д'Аквили предвосхитил те темы, вокруг которых будут стро-

ится нейробиологические исследования религии в дальнейшем. Одним из первых он указал на определяющую роль теменной доли в формировании представления о Боге в человеческом мозге, утверждая, что «вера в сверхъестественные силы... как и все универсальные формы человеческого поведения... берет свое начало в функционировании нейронных структур» [D'Aquili 1978, 258], которые назвал «нейрогностическими» или «нейронными операторами» [D'Aquili 1978, 258] в мозге. Д'Аквили, вполне в духе современных ему антропологических исследований, был убежден, что ритуал играет ключевую роль в формировании всего религиозного комплекса, а его развитие стало продуктом эволюции, следовательно, религиозный ритуал современного человека имеет своим прототипом ритуальное поведение животных. С помощью изучения реконструкций неандертальских погребений д'Аквили предположил, что возникшее в ходе эволюции развитие лобных долей, отвечающих за сложную умственную деятельность, в частности концентрацию на конкретных задачах, и теменной доли, формирующей представление о Я, было напрямую связано с возникновением сложного ритуального поведения, выразившегося как в групповых действиях, направленных на объединение и формирование религиозной общины, так и на погребения, центром которых стало представление о загробной жизни.

Позднее идея о роли эволюции лобных долей в процессе становления религии будет развита в трудах Патрика Макнамара, показавшего, что их развитие связано с появлением кооперативных поведенческих стратегий, просоциального поведения и торможением антисоциальных импульсов⁶. Макнамара сам называет модель анализа религиозного опыта, разработанную Ньюбергом и д'Аквили, не имеющей аналогов [McNamara 2009, 129–130]. Исследования Макнамара опирались на труды Ньюберга и д'Аквили, а сам Ньюберг впоследствии усовершенствовал гипотезу о роли лобных долей.

Для д'Аквили эволюция мозга и развитие религии были взаимообусловленными процессами. Ритуалы, изначально возникшие у животных как часть брачного поведения в ходе эволюции, с развитием мозга у человека приобрели иной более глубокий смысл, при этом не потеряв своей

адаптивной функции. Именно на основе осмысления ритуального поведения позднее возник религиозный миф, оформивший идеологическую систему религии. Систематизируя ритуальное поведение, д'Аквилли установил следующие его составляющие: ритуалы структурированы посредством движений и вокализаций; ритуалы ритмичны и до определенной степени повторяемы с минимальной степенью изменчивости; с нейрорпсихологической стороны ритуалы направлены на синхронизации аффективных, перцептивно-когнитивных и двигательных процессов в центральной нервной системе отдельных участников, а при выполнении их группой эти процессы синхронизируются у ее членов между собой; в конечном итоге ритуалы способны привести к ощущению группового единства и, возможно, даже единства с Богом или иным центром религиозной жизни.

Читатель первых книг Ньюберга «Мистический мозг» и «Тайна Бога и наука о мозге» не может не отметить значительные параллели в концепциях двух ученых. Действительно обе эти книги были написаны Ньюбергом в соавторстве с д'Аквилли, который умер незадолго до выхода первой из печати. Первая книга «Мистический мозг» получила премию за выдающиеся достижения в сфере диалога теологии и науки калифорнийского «Центра теологии и естественных наук»⁷. Легшие в ее основу идеи впервые были высказаны в совместной статье Ньюберга и д'Аквилли, вышедшей в «Zygon» в 1993 г. [D'Aquili, Newberg 1993]. В рассуждениях Ньюберга о ритуальном поведении, истоках мифа, мистицизме легко угадывается влияние теории д'Аквилли, а концепция единого мистического бытия, предложенная в этой книге, так и вовсе была их общей разработкой. Но этот труд был лишь первым шагом научной карьеры Ньюберга как исследователя религии, хотя во всем последующем его творчестве заложенные д'Аквилли основы будут играть значительную роль.

Работы д'Аквилли и Ньюберга связаны не только на концептуальном уровне, но и на мировоззренческом: в отличие от многих коллег оба автора с симпатией и заинтересованностью относятся к религии. Поэтому принципиальный интерес представляет реконструкция мировоззренческой основы концепции Ньюберга, для этого далее последовательно коснемся двух вопросов: отношение к научно-кри-

стическому рассмотрению религиозного опыта и отношение к теологическому дискурсу.

Критика религиоведения

В сфере научно-критических исследований Ньюберг достаточно часто говорит о трудах новых атеистов, оценивая их скептически. Так, анализируя мысль Докинза о том, что у верующих нет никаких серьезных доказательств, подтверждающих их веру, он замечает, что нейрологическая перспектива заставляет смотреть на проблему доказательств в ином свете, нежели общенаучный мейнстрим. Возможно, у верующих и нет верифицируемых и фальсифицируемых гипотез, подтвержденных богатым эмпирическим материалом, выполненным по требованиям современной науки, но у каждого из них есть глубокий внутренний опыт переживания того, что они считают центром своей веры, и именно он убеждает их в ее истинности. Да, этот опыт субъективен, но для мозга именно он обладает абсолютной объективностью, а с точки зрения нейрологии истинно лишь то, что таковым признается мозгом, ведь все наши суждения, опыты и доказательства функционируют и создаются лишь в его пространстве, и таким образом любое верифицированное доказательство уравнивается с личным субъективным переживанием. И именно поэтому это переживание может признаваться равным, а порой и превосходящим множество доказательств. Ведь среди известных скептиков и людей, близких к атеизму, мы всегда можем найти примеры восхищения глубиной и загадкой жизни, трепет перед тайнами космоса, представление о мистереии, которая превосходит пределы человеческого познания, это неверифицируемые убеждения, но для них (и это легко доказать, почитав А. Эйнштейна или К. Сагана) они составляли основу мировоззрения.

С интересом Ньюберг относится к исследованиям Д. Деннета, иногда используя их, но при этом подвергает сомнению его общетеоретические рассуждения. Например, его известное определение религий как «социальных систем, участники которых признают веру в сверхъестественного агента или агентов, чьего одобрения следует добиваться» [Dennett 2006, 9]⁸, Ньюберг находит неточным, поскольку «...было бы трудно получить одоб-

рение Бога, если бы Он оставался далеким...» [Newberg 2018, 76]. Ведь под сверхъестественными агентами в когнитивном религиоведении понимаются все отличные и превосходящие человека существа, таким образом основным маркером теории агентности является принципиальный разрыв между человеком и агентом, на что и указывает Ньюберг⁹.

В сложных отношениях Ньюберг находится и с когнитивным религиоведением. С одной стороны, он часто привлекает их гипотезы, а они в свою очередь используют его исследования. С другой – многие основополагающие когнитивистские положения вызывают у него скепсис. Например, одна из основ когнитивного религиоведения, предположение о склонности человеческого разума к антропоморфизации, впервые обоснованное Стюартом Гатри¹⁰, оказывается достаточно сомнительным при его экспериментальной проверке. Исследования изображений Бога, созданных детьми, имеет долгую историю в психологии религии, впервые оно было проведено в 1944 г. в США Э. Хармсом, где он изучил 4000 рисунков детей в возрасте от 3 до 18 лет. Позднее эти исследования повторялись тремя различными группами: Г. Зигенталером – в 1980 г., Г. Ханишем – в 1996, тремя американскими профессорами – в 1998. В этих исследованиях Ньюберг заметил значимую тенденцию: с увеличением возраста детей из верующих семей изображения Бога становились все менее антропоморфными, в то время как дети из семей атеистов вне зависимости от возраста были склонны к антропоморфным картинкам.

Здесь очевидно, что первичной реакцией является желание связать представление о Боге с конкретным образом. Ориентируясь на эту традицию, Ньюберг провел собственное объемное исследование, но уже не на детях, и привлек 400 респондентов. Результаты получились необычными: лишь 20 процентов изображали Бога антропоморфно, тогда как остальные рисовали абстрактные картины или то, что ассоциировалось у них с Богом¹¹. Это показывает, что антропоморфизация вовсе не является неотъемлемой частью религиозных верований. Конечно, когнитивисты могут возразить, что здесь немалую роль играют не интуитивные, а рефлексивные представления, но пробле-

ма в том, что и в детских рисунках предыдущих экспериментов определенный процент неантропоморфных изображений присутствовал.

Среди других нейропсихологов также существует определенный скептицизм в отношении бесспорного приписывания антропоморфизму первенствующего когнитивного механизма. Так, в исследовании А. Норензаяна и А. Виллард было показано, что антропоморфизм не связан с религиозными представлениями, но является частью паранормальных идей, не имеющих четкой религиозной прописки [Norenzayan, Willard 2013].

Сходная ситуация и с представлениями о дуализме души и тела, который якобы объясняет возникновение духов и иных сверхъестественных агентов, эта концепция предложена Гатри. В нейропсихологии нет никаких объективных данных, доказывающих, что такой дуализм есть неотъемлемая черта когнитивных процессов.

Вообще говоря, Ньюберг и когнитивные религиоведы методологически строят свои исследования на разных основаниях. Это особенно заметно, если сравнить идеи Ньюберга с утверждением Паскаля Буайе о том, что для изучения религии «не нужно предполагать, что существует особый способ функционирования, который возникает только при обработке религиозных мыслей» [Boyer 2001, 311]. Буайе развивает эту идею применительно к концепции У. Джеймса, основой которой он видит рассмотрение религии как уникального явления. Ньюберг о таком не говорит, напротив, все его исследования показывают, что религиозное поведение работает по тем же механизмам, что и любое другое. Но идея Буайе заключается в том, что религиозность должна как выводиться из обычных когнитивных процессов, так и сворачиваться до них. Ньюберг же считает, что эти процессы служат трамплином для возникновения религиозных переживаний, выводящих когнитивные процессы на иной более высокий уровень.

Критика религии

В еще более сложных отношениях Ньюберг находится с религией, вернее – с ее фундаменталистскими формами. Самой основной разрушительной эмоцией человека он считает гнев,

а цель эволюционного процесса видит в его искоренении, поэтому все формы религиозных идей и практик, направленные на его подавление, признаются положительными и способствующими эволюции, практики, провоцирующие гнев, напротив, вредны и тормозят развитие. С нейрологической точки зрения гнев как сильная эмоция напрямую связан с лимбической системой. Так, «... чтение эмоциональных и экспрессивных текстов стимулирует миндалевидное тело и гиппокамп тем же образом, которым кодируются травмирующие воспоминания. Когда мы слушаем гневные речи на собрании прихожан или политическом форуме, определенные отделы нашего мозга начинают отображать гневное настроение оратора» [Ньюберг, Уолдман 2012, 247]. Поскольку механизм эмпатии хорошо отлажен, то наш мозг умеет очень быстро реагировать на чувства других людей, в особенности если они сильные и резкие, именно поэтому возможно «эмоциональное заражение» [Ньюберг, Уолдман 2012, 249], когда чувства одного человека почти мгновенно вызывают реакцию у других, часто заставляя их ненавидеть то, что ненавидит он.

Любопытно, что этот механизм лучше всего работает с негативными переживаниями, польку они имеют долгую эволюционную историю, получается, что ненавидят все одинаково, тогда как любовь выражается у каждого уникальным образом. Именно эти механизмы лежат в основании феномена религиозного экстремизма, который, по мысли Ньюберга, является «...самым негативным психологическим аспектом религии» [Newberg 2018, 133]. Религиозный экстремизм – прямое поощрение гнева, выплескивающегося против людей с иными убеждениями, но не менее вредит благополучию человека и представление о гневном карающем Боге, стремящемся наказать человека за его проступки.

Согласно Ньюбергу, сама идея такого Бога вызывает у верующих тяжелые психические нарушения. Вот как он пишет об этом: «Если вера в Бога вызывает у вас ощущение комфорта и уверенности, значит, Бог улучшает вашу жизнь. Но если вы воспринимаете Бога как карающую, мстительную силу, оправдывающую вред, который вы причиняете окружающим, это убеждение может нанести ущерб вашему мозгу», и далее: «...религии,

основанные на страхе, могут даже порождать симптомы посттравматического стрессового расстройства» [Ньюберг, Уолдман 2012, 16]¹².

Но, согласно Ньюбергу, фундаментализм не чуждая мозгу функция. Это естественный механизм, защищающий наш мозг от резких изменений, ведь главная функция мозга давать нам возможность свободно ориентироваться в окружающем мире, следовательно, любая неуверенность вредит ему. Благодаря фундаментализму мы всегда с трудом принимаем новые идеи, нам проще противостоять им, вне зависимости от того, насколько эти идеи осмыслены, и уж тем более это противостояние усиливается, когда мы встречаем эмоциональное сопротивление, так что до какого-то уровня каждый человек является фундаменталистом. Именно поэтому людей, страдающих тревожностью, привлекают такие религиозные учения, они успокаивают мозг, создавая ему упорядоченную систему истинных правил. Это усугубляется тем, что лимбические части нашего мозга, связанные с эмоциями, менее пластичны, чем лобные доли. Кроме того, активность амигдалы способна привести к убеждению, что приверженцы иного мировоззрения и религии не только неправы, но и злы. Такое фундаменталистское мировоззрение для Ньюберга напрямую связано с представлением о Боге как личности, он пишет: «Если мы не понимаем этого и цепляемся за утешительные образы познаваемого Бога, наделенного свойствами личности, – радикальным образом иного относительно творения отдельного индивидуального существа, – мы преуменьшаем наивысшую реальность Бога и сводим его божественность к статуе маленького “глухого идола”...» [Ньюберг 2013, 242].

Здесь Ньюберг, как это обычно и делают, вспоминает крестовые походы, инквизицию, охоту на ведьм, ксенофобию, шовинизм и т.п., подчеркивая, что личностный Бог всегда связан с эксклюзивистским взглядом на свою религию, и поэтому «Бог с личными свойствами представляет для людей опасность» [Ньюберг 2013, 247]. Фактически Ньюберг разрабатывает модель двух религиозных традиций: индивидуалистско-монотеистической и мистической. Для него в религии существуют два вектора: стремление к единению всех в общем самотрансцендирующем переживании любви и мира или гневное устремление под-

черкнуть свою собственную исключительность, направленное на разрыв отношений с инакомыслящими. По нему, Бог монотеизма – препятствие к миру и единению всех людей, поэтому для всеобщего блага его место должен занять любящий Бог, который в тоже время является «безличным принципом наивысшего состояния сознания» [Ньюберг 2013, 245].

В описании мистических переживаний хорошо видно, что христианская *Unio Mystica* ставится Ньюбергом ниже восточных представлений о безличном единстве Абсолюта именно потому, что в ней сохраняется (хоть и в очень малой степени, без фундаменталистского эксклюзивизма и с интенцией всеобщей любви) ограниченность, присущая Богу-личности, которая порождена «состоянием нейробиологической трансцендентности, не достигшим своей полноты» [Ньюберг, д'Аквили, Рауз 2013, 250]. Поэтому лишь пантеистические в своей основе системы могут претендовать на выражение этой тенденции полностью. Именно на этой идее базируются популярные работы Ньюберга о Боге и медитации, в них он доказывает, что Бог и мозг связаны друг с другом, и Бог никогда не покинет мозг, если же философы и наука говорят о смерти Бога, то речь может идти лишь о персоналистическом образе монотеистического эксклюзивизма, который, по Ньюбергу, действительно не согласуется с состоянием современных научных исследований. Ведь появление милующего и любящего Бога, превосходящего все возможные пределы обособленности, вполне согласуется с идеей эволюции, отражающейся прежде всего в развитии мозга, ведь «...цепочки, порождающие образы гневного Бога, тесно связаны с самыми древними структурами мозга, а цепочки, позволяющие нам представить себе милосердного и мистического Бога, сосредоточены в самых молодых отделах мозга» [Ньюберг, Уолдман 2012, 219].

Как пишет Ньюберг, мы вполне можем построить историю религии, ранжировав образы Бога в соответствии с развитием человеческого мозга. Так, трансформация Бога в Ветхом и Новом Заветах есть следствие перехода человечества от религии гнева и страха к моральной религии, что напрямую связано с активацией различных участков мозга.

Как ни странно, в этих рассуждениях эмпирик Ньюберг во многом повторяет известную

концепцию двух типов религии психолога-философа Эриха Фромма. Как известно, Фромм предлагает делить религии на два типа: авторитарный и гуманистический. В авторитарном типе человек подчиняется некоей высшей подавляющей его силе, себя он считает рабом, стремящимся этой силе угодить. Как пишет Фромм, «...главная добродетель этого типа религии – послушание, худший грех – непослушание. Насколько божество признается всемогущим и всезнающим, настолько человек считается бессильным и незначительным, он добивается благоволения или помощи от божества только в случае полного подчинения» [Фромм 2018, 41]. В то же время гуманистическая религия ставит в центр самого человека, ее целью становится саморазвитие и самораскрытие скрытого в нем потенциала. Согласно Фромму, «... в случае если гуманистические религии теистичны, бог в них является символом сил самого человека, реализуемых им в жизни, а не символом насилия и господства, не символом власти над человеком» [Фромм 2018, 42].

Фактически Бог посяной извилины и гнева Ньюберга – это авторитарный Бог, а Бог любви и лобных долей – гуманистический. Причем целью религиозной жизни как у Ньюберга, так и у Фромма провозглашается самопознание. В системе Фромма все мировоззрение человека, в том числе и формально не связанное с религией, несет отпечаток гуманистического или авторитарного настроения. Гуманистический настрой напрямую выражается в практиках саморазвития, в свою очередь сопряженных с аморфным, но популярным понятием безрелигиозной духовности. Этот тип мировоззрения как раз и был инициирован психологами гуманистами, такими как Фромм.

Итак, как показывает наш обзор, концепцию Ньюберга нельзя считать побочной отраслью когнитивного религиоведения, ее истоки кроются в едином процессе становления когнитивных и нейробиологических исследований религии, получивших импульс в трудах наставника Ньюберга Юджина д'Аквили. У д'Аквили Ньюберг наследовал установку на необходимость эмпатии по отношению к жизни верующих. Порой такая эмпатия переходит у Ньюберга в откровенную симпатию, что приводит его к планомерной защите религиозных идей и представлений как от при-

тязаний нового атеизма, так и от чрезмерного редуционизма когнитивного религиоведения. Обоим традициям Ньюберг противопоставляет свои эмпирические исследования, показывая ограниченность и неоправданность претензий критических теорий на абсолютность выводов. Но несмотря на такую расположенность к религии, Ньюберга нельзя считать верующим исследователем или автором, стремящимся провести теологический настрой в современные нейробиологические исследования. По убеждениям он гуманист, близкий по духу Э. Фромму, религия для него – средство самораскрытия человека, инструмент, помогающий развить наиболее положительные качества (милосердие, любовь, сострадание), поэтому ему наиболее симпатичны мистические элементы монотеизма и инклюзивная направленность восточных религий. Ньюберг считает, что только гуманистический тип религии подходит для современного человека. Фундаментализм, присущий прежде всего монотеистическим религиям, ему чужд, он даже находит в его основании неврологические корреляты, определяя их как рудиментарные проявления эволюционного процесса.

Таким образом, Ньюберг с помощью своих исследований конституирует образ правильной, на его взгляд, религии, именно его он и защищает от критики, при этом исторические религии оказываются слишком широкими, требующими сужения до базовой гуманистической проблематики. Отсюда можно сделать вывод, что концепция Ньюберга не так уж прорелигиозна, как зачастую можно услышать об этом, скорее это новый вариант гуманистической психологии, только построенный на базе современных нейробиологических исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Недаром значительная часть книги отводится рассуждениям о том, что такое *нейротеология* и *мегатеология* [D'Aquili, Newberg 1999, 145–212].

² В русскоязычной литературе существует традиция именовать концепцию Ньюберга *нейротеологией*.

³ В своих работах Ньюберг по-разному раскрывает смысл этого термина. Так, во второй монографии он определяет ее следующим образом:

«Мегатеология – подход к изучению религии, при котором акцент делается на универсальных элементах, общих для всех религий» [Ньюберг 2013, 266], а в программном труде по нейротеологии он пишет, что «...мегатеология определяется как теологическая система, вмещающая настолько широкое содержание, что оно может быть общепринятым и включенным в систему веры каждого человека» [Newberg 2018, 286].

⁴ Наиболее показательной в этом плане является статья из сборника, вышедшего в издательстве «Рутледж», где автор определяет два лагеря исследователей: современных когнитивных религиоведов и христианизировавшихся нейротеологов [Day 2009, 115–116]. Автор статьи М. Дей стоит на позициях, враждебно настроенных в отношении религии, и противопоставляет проект Ньюберга когнитивному религиоведению. Дей отзывается о некоторых трудах Ньюберга достаточно резко, заявляя, что они характеризуются «концептуальной путаницей, устаревшей ученостью, неуклюжей ловкостью рук и необузданными спекуляциями» [Day 2009, 122]. Поскольку Дей в выражениях, что называется, не стесняется, то в свою очередь не можем не заметить, что для того, чтобы назвать концепцию нейротеологии христианизированным когнитивным религиоведением, нужно ничего не знать ни о христианстве, ни о нейротеологии.

⁵ IRAS – The Institute on Religion in an Age of Science. Подробнее об институте см.: <http://www.iras.org>

⁶ Подробнее об этом см.: [McNamara 2009]. Краткое резюме его теории на стадии ее становления есть и на русском языке: [Макнамара 2017]

⁷ Подробнее о центре см.: <https://www.ctns.org>

⁸ В книге Деннета все определение дано курсивом.

⁹ Если формулировать определение агентности точнее, то, согласно идее П. Буайе, «...успешно передающиеся сверхъестественные агенты, как правило, имеют две общие черты. Во-первых, они похожи на обычных агентов, то есть на людей. Иными словами, в них есть что-то родственное, и на первый взгляд они кажутся обычными людьми. Боги, призраки, ведьмы и т. д. удивительно похожи на нас. Во-вторых, они обладают особыми свойствами, такими как изменение физического ландшафта без прикосновения к нему, способность насыщать болезни с помощью разума, хождение сквозь стены, это и делает их сверхъестественными» [White 2021, 197]. То есть, чтобы некий агент стал сверхъестественным, в нем обязательно должна быть черта, нарушающая его тождество с нами.

¹⁰ Гатри так определяет эту центральную особенность религии: «Как религиозные, так и нерелигиозные мысли и действия антропоморфизируются.

Религия отличается от других систем главным образом тем, что ставит во главу угла человекоподобных существ. Она делает их более сложными и более похожими на людей, воспринимает их серьезнее и всему процессу антропоморфизации придает систематичность» [Guthrie 1993, 197]. А завершая свое исследование, он объясняет антропоморфизацию естественной психологической склонностью человека: «Выбирая между интерпретациями мира, мы остаемся обреченными на смысл, а величайший смысл имеет человеческое лицо» [Guthrie 1993, 204].

¹¹ Подробнее с результатами исследования можно ознакомиться в работе: [Ньюберг, Уолдман 2012, 162–181].

¹² В работах Ньюберга общим местом стала идея о пользе медитации и молитвы для физического здоровья, почти столь же часто встречаются у него и пассажи о вреде для здоровья фундаменталистского образа Бога, например такие: «Жаль, что Министерство здравоохранения не может делать предупреждающие надписи на отдельных отрывках из Библии или Корана, – особенно тех, которые поощряют насилие по отношению к приверженцам другой веры» [Ньюберг, Уолдман 2012, 116].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агаджанян 2013 – *Агаджанян А.* Религия и теория: современные тенденции: Размышления по поводу одной книги // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. № 3 (31). С. 7–31.
- Бажанов 2018 – *Бажанов В.А.* Нейротеология: религия в фокусе современной культурной нейронауки // Религиоведение. 2018. № 1. С. 118–125.
- Кирьянов 2011 – *Кирьянов Д., прот.* Нейронаука и богословие // Северный регион: Наука. Образование. Культура. 2011. № 1. С. 37–40.
- Макнамара 2017 – *Макнамара П.* Лобные доли и эволюция общества и религии // Современная западная психология религии: хрестоматия. М.: ПСТГУ, 2017. С. 614–632.
- Малевич 2014 – *Малевич Т.В.* Теории мистического опыта: историография и перспективы. М.: ИФРАН, 2014.
- Ньюберг, д'Аквили, Рауз 2013 – *Ньюберг Э., д'Аквили Ю., Рауз В.* Тайна Бога и наука о мозге. М.: Эксмо, 2013.
- Ньюберг, Уолдман 2012 – *Ньюберг Э., Уолдман М.* Как Бог влияет на ваш мозг. М.: Эксмо, 2012.
- Фромм 2018 – *Фромм Э.* Психоанализ и религия: Дзен-буддизм и психоанализ. М.: АСТ, 2018.
- Ashbrook 1984 – *Ashbrook J.B.* Neurotheology: The Working Brain and the Work of Theology // *Zygon*. 1984. Vol. 19, iss. 3. P. 331–350.
- Boyer 2001 – *Boyer P.* Religion Explained: The Evolutionary Origins of Religious Thought. N. Y.: Basic Books, 2001.
- D'Aquili 1978 – *D'Aquili E. G.* The Neurobiological Bases of Myth and Concepts of Deity // *Zygon*. 1978. Vol. 13, iss. 3. P. 247–269.
- D'Aquili, Laughlin, McManus (eds.) 1979 – *D'Aquili E.G., Laughlin C., McManus J. (eds.)*. The Spectrum of Ritual: A Biogenetic Structural Analysis. N. Y.: Columbia University Press, 1979.
- D'Aquili, Newberg 1993 – *D'Aquili E., Newberg A.* Religious and Mystical States: A Neuropsychological Model // *Zygon*. 1993. Vol. 28, iss. 2. P. 177–200.
- D'Aquili, Newberg 1999 – *D'Aquili E., Newberg A.* The Mystical Mind. Minneapolis: Fortress Press, 1999.
- Day 2009 – *Day M.* Exotic Experience and Ordinary Life // *Stausberg M. (ed.)*. Contemporary Theories of Religion: A Critical Companion. N. Y.: Routledge, 2009.
- Dennett 2006 – *Dennett D.* Breaking the Spell. N. Y.: Viking, 2006.
- Guthrie 1993 – *Guthrie S.E.* Faces in the Clouds: A New Theory of Religion. Oxford: Oxford University Press, 1993.
- Hood, Hill, Spilka 2018 – *Hood R.W., Hill P.C., Spilka B.* The Psychology of Religion: An Empirical Approach. N. Y.: The Guilford Press, 2018.
- Laughlin, D'Aquili 1974 – *Laughlin C.D., D'Aquili E.G.* Biogenetic Structuralism. N. Y.: Columbia University Press, 1974.
- Lawson, McCauley 1990 – *Lawson S., McCauley R.N.* Rethinking Religion: Connecting Cognition and Culture. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- McNamara 2009 – *McNamara P.* The Neuroscience of Religious Experience. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Newberg 2018 – *Newberg A.* Neurotheology: How Science Can Enlighten Us About Spirituality. N. Y.: Columbia University Press, 2018.
- Norenzayan, Willard 2013 – *Norenzayan A., Willard A.K.* Cognitive Biases Explain Religious Belief, Paranormal Belief, and Belief in Life's Purpose // *Cognition*. 2013. Vol. 129, iss. 2. P. 379–391.
- Sperry 1985 – *Sperry R.* Changed Concepts of Brain and Consciousness: Some Value Implications // *Zygon*. 1985. Vol. 20, iss. 1. P. 41–57.
- Trevarthen 1986 – *Trevarthen C.* Brain Science and the Human Spirit // *Zygon*. 1986. Vol. 21, iss. 2. P. 161–200.
- Turner 1983 – *Turner V.* Body, Brain and Culture // *Zygon*. 1983. Vol. 18, iss. 3. P. 221–245.
- White 2021 – *White C.* An Introduction to the Cognitive Science of Religion: Connecting Evolution, Brain, Cognition, and Culture. N. Y.: Routledge, 2021.

REFERENCES

- Agadjanian A., 2013. Religion and Theory: Current Trends. *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no. 3 (31), pp. 7-31.
- Bazhanov V.A., 2018. Neurotheology: Religion in the Focus of Modern Cultural Neuroscience. *Religiovedenie*, no. 1, pp. 118-125.
- Kiryanov D., 2011. Neuroscience and Theology. *Severnyj region: Nauka. Obrazovanie. Kul'tura*, no. 1, pp. 37-40.
- McNamara P., 2017. The Frontal Lobes, and the Evolution of Cooperation and Religion. *Sovremennaya zapadnaya psihologiya religii: hrestomatiya*. Moscow, PSTGU, pp. 614-632.
- Malevich T.V., 2014. *Theory of the Mystical Experience*. Moscow, IPhRAS Publ.
- Newberg A.B., d'Aquili E.G., Rause V., 2013. *The God's Secret and the Science of Brain*. Moscow, Eksmo Publ.
- Newberg A., Waldman M., 2012. *How God Changes Your Brain*. Moscow, Eksmo Publ.
- Fromm E., 2018. *Psychoanalysis and Religion: Zen Buddhism and Psychoanalysis*. Moscow, AST Publ.
- Ashbrook J.B., 1984. Neurotheology: The Working Brain and the Work of Theology. *Zygon*, vol. 19, iss. 3, pp. 331-350.
- Boyer P., 2001. *Religion Explained: The Evolutionary Origins of Religious Thought*. New York, Basic Books.
- D'Aquili E.G., 1978. The Neurobiological Bases of Myth and Concepts of Deity. *Zygon*, vol. 13, iss. 3, pp. 247-269.
- D'Aquili E.G., Laughlin C., McManus J. (eds.), 1979. *The Spectrum of Ritual: A Biogenetic Structural Analysis*. New York, Columbia University Press.
- D'Aquili E., Newberg A., 1993. Religious and Mystical States: A Neuropsychological Model. *Zygon*, vol. 28, iss. 2, pp. 177-200.
- D'Aquili E., Newberg A., 1999. *The Mystical Mind*. Minneapolis, Fortress Press.
- Day M., 2009. Exotic Experience and Ordinary Life. *Contemporary Theories of Religion: A Critical Companion*. New York, Routledge.
- Dennett D., 2006. *Breaking the Spell*. New York, Viking.
- Guthrie S.E., 1993. *Faces in the Clouds: A New Theory of Religion*. Oxford, Oxford University Press.
- Hood R.W., Hill P.C., Spilka B., 2018. *The Psychology of Religion: An Empirical Approach*. New York, The Guilford Press.
- Laughlin C.D., D'Aquili E.G., 1974. *Biogenetic Structuralism*. New York, Columbia University Press.
- Lawson S., McCauley R.N., 1990. *Rethinking Religion: Connecting Cognition and Culture*. Cambridge, Cambridge University Press.
- McNamara P., 2009. *The Neuroscience of Religious Experience*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Newberg A., 2018. *Neurotheology: How Science Can Enlighten Us About Spirituality*. New York, Columbia University Press.
- Norenzayan A., Willard A.K., 2013. Cognitive Biases Explain Religious Belief, Paranormal Belief, and Belief in Life's purpose. *Cognition*, vol. 129, iss. 2, pp. 379-391.
- Sperry R., 1985. Changed Concepts of Brain and Consciousness: Some Value Implications. *Zygon*, vol. 20, iss. 1, pp. 41-57.
- Trevarthen C., 1986. Brain Science and the Human Spirit. *Zygon*, vol. 21, iss. 2, pp. 161-200.
- Turner V., 1983. Body, Brain and Culture. *Zygon*, vol. 18, iss. 3, pp. 221-245.
- White C., 2021. *An Introduction to the Cognitive Science of Religion: Connecting Evolution, Brain, Cognition, and Culture*. New York, Routledge.

Information About the Author

Tatiana S. Samarina, Doctor of Sciences (Philosophy), Senior Researcher, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Goncharnaya St, 12, Bld. 1, 109240 Moscow, Russian Federation, t_s_samarina@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9888-0872>

Информация об авторе

Татьяна Сергеевна Самарина, доктор философских наук, старший научный сотрудник, Институт философии РАН, ул. Гончарная, 12, стр. 1, 109240 г. Москва, Российская Федерация, t_s_samarina@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9888-0872>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.2>

UDC 130.3
LBC 87.52

Submitted: 09.03.2023
Accepted: 26.06.2023

THE CONCEPT OF MAN AND HIS SPIRITUALITY IN MODERN NEUROSCIENTIFIC RESEARCH: A PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Natalia N. Pluzhnikova

Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to a critical review of a qualitatively new project of human understanding, which has been developed in modern scientific interdisciplinary research. The latter refers to neuroscience research that affects not only neurophysiology, but also claims to revolutionize the philosophical understanding of human nature and spirituality. This revolution concerns, first of all, the interpretation of spirituality as a special subjective reality, as well as the solution of the so-called “hard mind problem” (“complex problem of consciousness”). The author turns to the analysis of the concept of spirituality, which is interpreted in the context of neuroscientific research on subjective reality. Spirituality in these studies is identified with subjective reality. In the neurosciences, spirituality as a sphere of human existence, aimed at transcendental values, is replaced by subjective reality, which ultimately comes down to the activity of brain neurons. The author gives a critical assessment of this interpretation of spirituality. A special place in understanding the subjective reality of neuroscience is assigned to the problem of consciousness. The author analyzes the solution of the “complex problem of consciousness” from the standpoint of modern neuroscience. In this regard, special attention is paid to the concept of neuropsychology by Mark Solms. The author considers the concept of Mark Solms as one of the many reductionist projects that exist in modern science, reducing human nature to biological and neurophysiological processes occurring in the brain. The author points out that such reductionism leads not only to a rethinking of human nature, but also to a new vector in the development of modern philosophical anthropology – as a secondary doctrine of man that complements neuroscience.

Key words: human, spirituality, subjective reality, consciousness, brain, neuroscience, reductionism.

Citation. Pluzhnikova N.N. The Concept of Man and His Spirituality in Modern Neuroscientific Research: A Philosophical Analysis. *Logos et Praxis*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 16-21. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.2>

УДК 130.3
ББК 87.52

Дата поступления статьи: 09.03.2023
Дата принятия статьи: 26.06.2023

КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО ДУХОВНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ НЕЙРОНАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Наталья Николаевна Плужникова

Московский политехнический университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья посвящена критическому рассмотрению качественно нового проекта понимания человека, получившего развитие в современных научных междисциплинарных исследованиях. Под последними понимаются нейронаучные исследования, которые затрагивают не только нейрофизиологию, но и претендуют на революцию в области философского понимания природы человека и его духовности. Эта революция касается, прежде всего, трактовки духовности в качестве особой субъективной реальности, а также решения так называемой «сложной проблемы сознания» («hard mind problem»). Автор обращается к анализу понятия духовности, которая трактуется в контексте нейронаучных исследований как особый психический феномен. Духовность в данных исследованиях отождествляется с субъективной реальностью. В нейронауках духовность как сфера бытия человека, направленная на трансцендентные ценности, заменяется

на субъективную реальность, которая в конечном счете сводится к деятельности нейронов головного мозга. Автор дает критическую оценку данной трактовки духовности. Особое место в понимании субъективной реальности нейронауки отводят и проблеме сознания. Автор анализирует решение «сложной проблемы сознания» с позиций современных нейронаук. Отдельное внимание в связи с этим уделяется концепции нейропсихоанализа Марка Солмса. Автор рассматривает концепцию Марка Солмса в качестве одного из множества редукционистских проектов, существующих в современной науке, сводящих природу человека к биологическим и нейрофизиологическим процессам, протекающим в головном мозге. Автор указывает, что подобный редукционизм приводит не только к переосмыслению природы человека, но и к новому вектору развития современной философской антропологии – в качестве второстепенного, дополняющего нейронауку учения о человеке, что упрощает философские исследования человека.

Ключевые слова: человек, духовность, субъективная реальность, сознание, мозг, нейронауки, редукционизм.

Цитирование. Плужникова Н. Н. Концепция человека и его духовности в современных нейронаучных исследованиях: философский анализ // *Logos et Praxis*. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 16–21. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.2>

Философская антропология, которая возникла в начале XX в. благодаря усилиям одного из ее основоположников – немецкого философа и социолога М. Шелера [Шелер 2007, 179–190], создала в лице ее основателей новую область философского исследования – бытие человека. При этом человек как главный предмет философской антропологии рассматривался в качестве сложного и глубокого феномена, несводимого к каким-либо телесным или психическим проявлениям.

Согласно М. Шелеру, уникальность человека и его онтологическая свобода связаны с уникальным принципом организации человеческого бытия – Духом. Человек является исключительно духовным и любящим существом [Шелер 1999, 98], что задает особое положение его в мире по сравнению с животными. Идеи М. Шелера были развиты в экзистенциально-диалогической философии М. Бубера [Buber 1990], а также оказали влияние на философско-антропологические взгляды австрийского философа и психиатра В. Франкла [Batthyány (ed.) 2016].

Опираясь на взгляды М. Шелера, В. Франкл разработал новую антропологическую концепцию, которая была названа им «димензиональной онтологией» [Лукас 2020, 16–21]. Согласно данной концепции, сущность человека и его природа может быть понята в качестве единства соматического, психического и духовного. Эти уровни вплетены друг друга, пронизывают друг друга подобно длине, широте и высоте. Можно сказать, что в каждый момент времени и в каждой точке человеческого существования, в каждом событии все эти измерения присутствуют.

Таким образом, человек, согласно концепции димензиональной онтологии, представляет собой сложное единство соматического, психического и духовного. Соматический уровень организации человеческой природы определяет органические процессы в клетках, биологические и физиологические функции тела, химические и физические процессы, которые происходят в организме человека. Психический уровень организации человеческой природы включает в себя душевное состояние человека: его эмоции и чувства, аффекты, умственные способности, приобретенные в процессе жизни модели поведения, социальные особенности; сюда же могут быть включены когнитивные искажения. Третий уровень организации человеческой природы является духовным и может быть представлен как интенция наполнить свою жизнь чем-то большим, чем физиологические или эмоциональные потребности. Духовное измерение выводит человека на новый уровень осмысления действительности, поскольку связано с поиском смысла жизни. Человек, по В. Франклу, удивительное существо: он понимает, что смертен, что он исчезнет со временем, и его труды тоже исчезнут вместе с ним; он понимает, что он теряет близких и любимых ему людей в течение жизни. Однако человек живет, живет, несмотря ни на что, проявляя удивительное стремление жить и говорить жизни «Да!». Это стремление отличается от биологических, естественных потребностей человека и делает человека человеком, создает в нем «человеческое».

Духовное в человеке это и есть собственно человеческое измерение, поэтому оно трактуется как Дух и называется у В. Франкла «ноэтическим» измерением [Франкл 2018, 26]. Человек является уникальным бытием, в котором пересекаются эти три измерения. Они же входят и в противоречие друг с другом, образуя сложное диалектическое единство. Однако это противоречивое единство и придает человеческому бытию уникальность. Противоречия проявляются в человеке в том, что В. Франкл называет «упрямством духа» например, тогда, когда человек сопротивляется объективным условиям внешней среды или социальному окружению.

Ноэтическое измерение человеческого бытия проявляет себя в двух сферах или пространствах, с которыми приходится сталкиваться человеку на протяжении всей его жизни: пространстве судьбы и пространстве свободы. С одной стороны, у личности есть пространство судьбы это пространство с нулевой степенью свободы. В него входит то, что человек не в силах изменить, удары судьбы, которым он не может противостоять. Например, прошлое, события внешнего мира, действия и мысли других людей. Однако у человека есть и другое измерение его духовного бытия это пространство свободы. Каждый человек уникален и неповторим. И в каждый момент времени он может вырабатывать свой личный свободный ответ в пространстве судьбы, то есть формировать свое отношение к тому, что изменить невозможно.

Пространство свободы всегда меньше по размерности, чем пространство судьбы. Однако оно более ценное для человека. Судьба это реальность, свершившееся бытие, а свобода это возможность, то, чего еще нет, но что может быть, если человек сделает свой выбор и будет нести ответственность за этот выбор. Тогда этот выбор станет его судьбой, но это будет осмысленный выбор. Человек всегда может быть тем, кем он выбирает быть в каждый момент времени. Этот выбор создает для человека уникальное личностное свободное бытие.

Поскольку эти три уровня одновременно присутствуют в человеческом бытии, их невозможно не только отделить друг от друга, но и представить какой-либо уровень в качестве ведущего.

«Димензиональная онтология» В. Франкла повлияла не только на современную экзистенциальную философию, она заложила качественно новое направление и в психологии – экзистенциальную ветвь, которая до недавнего времени считалась одной из ведущих в психологической науке. Вплоть до начала 90-х гг. XX в. отличительной характеристикой человека считалась его психическая и духовная организация [Ялом 1999]. Однако вопрос о том, на чем основана эта организация, не давал покоя ученым из области нейронаук, которые стремились экстраполировать нейронаучные исследования, в частности исследования в области нейрофизиологии мозга, в область гуманитарных наук. Как известно, в 90-е гг. XX в. в зарубежной науке происходит бум развития нейронаук. Ряд научных исследований, связанных с изучением биологических и физиологических процессов, происходящих в головном мозге, дали импульс развитию широкой междисциплинарной научной области – нейронаукам, которые объединяет изучение нейронных процессов. К этой области активно подключились физика, медицина, когнитивистика, психология. При этом сегодня нейронауки научному сообществу видятся чуть ли не панацеей не только от всех бед человечества, но и достоверным методом разрешения ряда психологических и философских проблем, в частности проблемы происхождения эмоций и определения сознания.

Что касается этих двух проблем, то наиболее полное выражение они приобретают в концепции американского ученого, нейрофизиолога М. Солмса, которого называют автором нового направления – нейропсихоанализа [Solms 2017, 90–97]. Нейропсихоанализ в трактовке проблемы генезиса эмоций опирается на позицию Я. Панксеппа [Panksepp 2013], согласно которой эмоции генетически присущи головному мозгу и буквально встроены в него. Ни социальное окружение, ни культура не влияют на существование и развитие фиксированных эмоций. Фиксированных или базовых эмоций, которые встроены в человеческий мозг, семь. Однако следует отметить, что эмоции не только являются частью мозга, они образуют прикрепленные к мозгу нейроаффективные системы или конструкции. При этом, этими же самыми аффективными конструкциями оперируют и

животные, поэтому ничего уникального в природе человека эмоции не вносят.

Что касается известной еще со времен Р. Декарта проблемы психофизического дуализма, то М. Солмс пишет о том, что эта проблема снята благодаря нейропсихоанализу. Согласно М. Солмсу, мозг и субъективный мир человека является двумя сторонами одной и той же реальности, которую М. Солмс называет «психическим аппаратом» [Солмс 2023, 55]. Естественные законы существования психического аппарата для мозга аналогичны субъективному миру человека. Вопрос лишь состоит в том, как изучить этот психический аппарат. М. Солмс предлагает изучение психического аппарата, который, как мы понимаем, и определяет природу человека, исключительно с позиций исследования головного мозга. Получается, что выводы о существовании субъективной реальности будут экстраполяцией выводов, полученных в результате изучения конкретных мозговых процессов, что, по сути, ведет к редукционизму субъективной психической, или духовной реальности в смысле М. Шелера и В. Франкла, к данным нейрофизиологии. В итоге духовное измерение игнорируется и по большому счету вообще исчезает. Человек предстает как результат функционирования исключительно нейрофизиологических процессов.

При этом нейронауки претендуют на точность и достоверность исследований в области работы головного мозга, организации и функционирования в нем нейронных связей. Однако, как показывает в ряде примеров отечественный исследователь Д.А. Узланер, эти исследования еще далеки от объективности и точности [Узланер 2021]. Нейропсихоанализ, опираясь на такое понимание человека и его природы, грезит создать настоящий искусственный интеллект, то есть роботов, наделенных «человеческим сознанием». Однако что понимается под «человеческим сознанием» – этот вопрос требует детальных разъяснений, которые не смогла веками разрешить ни одна наука. Поэтому выводы имеющих двадцатилетнюю историю нейронаук относительно создания человеческого искусственного интеллекта выглядят, по меньшей мере, самонадеянными.

В результате подобных нейронаучных изысканий намечается серьезная тенденция и

в трактовке духовности человека в качестве специфической субъективной реальности, которую также можно свести к деятельности нейрофизиологических процессов. При этом философская антропология в качестве науки о человеке должна быть переориентирована в науку о мозге и о человеке как исключительно биологическом и инстинктивном существе. Если в это существо встроены эмоции и определенный психический аппарат (субъективная реальность = духовность), то, следовательно, человека можно сделать «запрограммированным роботом», то есть обучить его специальным программам выживаемости и адаптации в мире. И чем жестче будет реальность, тем более жесткими будут методы обучения. По большому счету, речь идет в первом приближении, об особом реформировании философского знания о человеке в качестве области его духовного изучения, а в дальнем приближении – об атаке на духовное бытие, вплоть до его нивелирования и замены искусственным бытием – запрограммированным искусственным интеллектом, в котором не может быть ничего человеческого.

Согласно В. Франклу, одним из способов чувствовать себя человеком является страдание. Бытие человека – это присутствие, то есть включенность в отношения с другими людьми, искреннее глубокое соучастие и сопереживание, способность быть вместе с другим человеком и создавать совместное диалогическое пространство. Бытие человека интенционально, то есть направлено на что-либо вовне. Способами реализации интенциональности являются потребности и желания человека, его взаимодействия с другими людьми: «По существу, способность переносить страдания зависит от внутреннего настроения и представляет собой проявление того качества, которое я называю пониманием. Смысл жизни раскрывается не только в труде, то есть за счет реализации трудоспособности и проявления созидательности, и не только в переживаниях, душевной близости и любви, то есть за счет реализации способности наслаждаться жизнью и проявления эмоциональности, но и в страданиях, причем в страданиях смысл жизни раскрывается полнее всего. Страдания дают человеку возможность проявить свои лучшие душевные качества и постичь глубочайший смысл жизни» [Франкл 2011, 184–185].

Неотъемлемые характеристики человеческого бытия, согласно современному философу и экзистенциальному психологу Дж. Бьюдженталю, тревога и чувство вины [Бьюдженталь 2017, 32]. Наиболее высокую тревогу человек испытывает по отношению к смерти. Благодаря переживанию тревоги человек как бы «просыпается» перед лицом возможности собственного бытия. Тревога есть ключ к подлинности бытия, его экзистенции. Согласно М. Хайдеггеру, Dasein (бытие) раскрывается в своей подлинности именно благодаря тревожному состоянию ума в качестве особого состояния, позволяющего человеку осуществлять движение к подлинности как к возможности. Благодаря тревоге возможно движение человека к Dasein, которое представляет собой потенциальную возможность для человека быть собственным бытием, осуществлять собственное бытие как возможность и нести за это бытие ответственность: «Тревога уединяет и тем размыкает присутствие как «solus ipse». Этот экзистенциальный «солипсизм» однако настолько не переносит изолированную субъекто-вещь в безобидную пустоту безмирного бытия, что наоборот как раз ставит присутствие в экстремальном смысле перед его миром как миром и тем самым его самого перед ним самим как бытием-в-мире» [Хайдеггер 2003, 98].

Вина это болезненное для человека состояние сознания, в котором человек вопрошает самого себя: «Как я мог совершить то, что я сделал?» Это вина, обращенная к самому себе, ответственность перед самим собой за свою жизнь и за то, как человек обошелся с теми возможностями, которые у него были. Осознание и переживание экзистенциальной вины и ответственности за свою жизнь приводит человека к внутренним изменениям и качественно изменяет его восприятие мира и других людей. Таким образом, подлинное существование человека возможно как интенция по отношению к таким феноменам, как свобода, смерть, одиночество и осмысленность жизни.

В противоположность экзистенциальному подходу, реформация понимания природы человека и его духовности, проводимая сегодня в нейронауках, приводит к конструированию новой концепции человека: человека без-

духовного, лишённого тревоги и чувства вины, не стремящегося к солидарности и эмпатии по отношению к другим людям. Не сложно догадаться, к каким проблемам может привести, и уже приводит, данное понимание. Безусловно, сегодня гуманитарные науки, и, в первую очередь, философская антропология находятся перед лицом экзистенциальных угроз, идущих от нейронаук и любых форм научного редукционизма. Итогом реализации данной угрозы станет нивелирование человеческого бытия в качестве уникального, специфического и наделенного каким-либо глубоким содержанием, а также превращение философской антропологии, философского знания в нечто второстепенное и не нужное человечеству в будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бьюдженталь 2017 – *Бьюдженталь Дж.* Наука быть живым. М.: Корвет, 2017.
- Лукас 2020 – *Лукас Э.* Учебник логотерапии: Представление о человеке и методы. М.: Когито-Центр, 2020.
- Солмс 2023 – *Солмс М.* Мозг и внутренний мир. Введение в нейробиологию. М.: Акад. проект, 2023.
- Узланер 2021 – *Узланер Д.А.* Объективная субъективность: психоаналитическая теория субъекта. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2021.
- Франкл 2011 – *Франкл В.* Страдание от бессмысленности жизни. Актуальная психотерапия. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2011.
- Франкл 2018 – *Франкл В.* Воля к смыслу. М.: Альпина нон-фикшн, 2018.
- Хайдеггер 2003 – *Хайдеггер М.* Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003.
- Шелер 2007 – *Шелер М.* Философские фрагменты из рукописного наследия. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2007.
- Шелер 1999 – *Шелер М.* Ресентимент в структуре моралей = *Das ressentiment im aufbau der moralen.* СПб.: Наука: Унив. кн., 1999.
- Ялом 1999 – *Ялом И.* Экзистенциальная психотерапия. М.: Независимая фирма «Класс», 1999.
- Batthyány (ed.) 2016 – *Batthyány A. (ed.).* Logotherapy and Existential Analysis: Proceedings of the Viktor Frankl Institute Vienna. Cham: Springer International Publishing: Imprint : Springer, 2016.
- Buber 1990 – *Buber M.* Oerdistantie en relatie. Bijdragen tot een filosofische antropologie. Utrecht: Bijleveld, 1990.

Panksepp 2013 – *Panksepp J. Toward a Cross-Species Understanding of Empathy // Trends in Neurosciences*. 2013. Vol. 36, № 8. P. 489–496.
Solms 2017 – *Solms M. What is “the Unconscious,” and Where is It Located in the Brain? A Neuropsychanalytic Perspective // Annals of the New York Academy of Sciences*. 2017. Vol. 1406, № 1. P. 90–97.

REFERENCES

Bugental J., 2017. *The Science of Being Alive*. Moscow, Corvette Publ.
Lucas E., 2020. *Textbook of Logotherapy: Human Concept and Methods*. Moscow, Kogito-Tsentr Publ.
Solms M., 2023. *The Brain and the Inner World. Introduction to Neuroscience*. Moscow, Akad. proekt Publ.
Uzlaner D.A., 2021. *Objective Subjectivity: A Psychoanalytic Theory of the Subject*. Moscow, Izd. dom Vyssh. shk. ekonomiki.
Frankl V., 2011. *Suffering from the Meaninglessness of Life. Current Psychotherapy*. Novosibirsk, Sib. univ. izd-vo.

Frankl V., 2018. *The Will to Meaning*. Moscow, Alpina non-fiction Publ.
Heidegger M., 2003. *Being and Time*. Kharkov, Folio Publ.
Scheler M., 2007. *Philosophical Fragments from the Manuscript Heritage*. Moscow, In-t filosofii, teologii i istorii sv. Fomy.
Scheler M., 1999. *Resentment in the Structure of Morals = Das ressentiment im aufbau der moralen*. Saint Petersburg, Nauka Publ., Univ. kn. Publ.
Yalom I., 1999. *Existential Psychotherapy*. Moscow, Nezavisimaya firma “Klass”.
Batthyány A. (ed.), 2016. *Logotherapy and Existential Analysis. Proceedings of the Viktor Frankl Institute Vienna*. Cham, Springer International Publishing, Imprint, Springer.
Buber M., 1990. *Oerdistantie en relatie : bijdragen tot een filosofische antropologie*. Utrecht, Bijleveld.
Panksepp J., 2013. *Toward a Cross-Species Understanding of Empathy. Trends in Neurosciences*, vol. 36, no. 8, pp. 489-496.
Solms M., 2017. *What is “the Unconscious,” and Where is It Located in the Brain? A Neuropsychanalytic Perspective. Annals of the New York Academy of Sciences*, vol. 1406, no. 1, pp. 90-97.

Information About the Author

Natalia N. Pluzhnikova, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Humanitarian Disciplines, Moscow Polytechnic University, Bolshaya Semyonovskaya St, 38, 107023 Moscow, Russian Federation, pluzhnikova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4143-1216>

Информация об авторе

Наталья Николаевна Плужникова, кандидат философских наук, доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины», Московский политехнический университет, ул. Большая Семеновская, 38, 107023 г. Москва, Российская Федерация, pluzhnikova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4143-1216>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.3>

UDC 165.5
LBC 87.22

Submitted: 06.03.2023
Accepted: 26.06.2023

MOTIVATED IGNORANCE AS A PHILOSOPHICAL CATEGORY: THEORETICAL AND PRACTICAL POTENTIAL¹

Anastasia V. Golubinskaya

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the study of the consequential model of ignorance as an epistemic state of a non-expert subject. Ignorance remains one of the least developed and ambiguous categories in contemporary philosophy and theory of knowledge. Nevertheless, motivated ignorance as one of its forms can be found everywhere in everyday life, in particular, in healthcare, consumer behavior, political preferences, and most often in legal conceptions. Generalization of life situations of motivated ignorance makes it possible to detect its manifestations as a cognitive and socially determined phenomenon. The cognitive manifestation of motivated ignorance refers to the peculiarities of experiencing situations of uncertainty, the social one – to the consequences that come as a result of accepting the knowledge. The latter follows from philosophy of law and doctrine of ignorance and specifically intentional ignorance motivated by an attempt to manage risks. Combining the experience of philosophical and legal research of ignorance with agnotology, i.e. the study of the social production of ignorance, and the epistemology of ignorance, which examines the factors of distribution of knowledge in the social system, we find that in this case ignorance is not the absence of knowledge or the lack of process of cognition per se, but the conclusion of causal reasoning about the interaction with the social environment, the result of which is the onset of undesirable consequences. The research shows that the ignorance motivation can be determined by pragmatically, existentially, altruistically, doxastically justified statements that the subject adheres to, as well as the subjects desire to choose the simplest ways to solve problems. The article notes the perspective in which such studies of ignorance seem to be an effective way to deepen our understanding of the factors of acceptance of scientific knowledge by non-expert people, in particular the need to resist the strengthening of anti-scientific beliefs in society.

Key words: uncertainty, ignorance, motivated ignorance, intentional ignorance, unavoidable ignorance, agnotology, epistemology of ignorance, anti-scientific beliefs.

Citation. Golubinskaya A.V. Motivated Ignorance as a Philosophical Category: Theoretical and Practical Potential. *Logos et Praxis*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 22-30. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.3>

УДК 165.5
ББК 87.22

Дата поступления статьи: 06.03.2023
Дата принятия статьи: 26.06.2023

МОТИВИРОВАННОЕ НЕЗНАНИЕ КАК ФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ¹

Анастасия Валерьевна Голубинская

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию консеквенциональной модели незнания как эпистемического состояния неэкспертного субъекта. Незнание остается одной из самых наименее разработанных и неоднозначных категорий современной философии и теории познания. Тем не менее мотивированное незнание как одна из его форм встречается повсеместно в повседневной жизни, в частности в здравоохранении, потребительском поведении, политических предпочтениях, наиболее часто – в праве. Обобщение жизненных ситуаций мотивированного незнания позволяет обнаружить его проявления как когнитивно и социально детерминированного явления. Когнитивное проявление мотивированного незнания заключается в

особенностях переживания ситуаций неопределенности, а социальное – в последствиях, которые наступают в результате знания. Последнее следует из философско-правовой доктрины незнания, а именно умышленного незнания, мотивированного попыткой управления рисками. Объединяя опыт философско-правового исследования незнания с агнотологией, то есть учением о социальном производстве незнания, и эпистемологией незнания, исследующей факторы дистрибуции знания в социальной системе, мы обнаруживаем, что в данном случае незнание – это не отсутствие знания или процесса познания как такового, а вывод причинно-следственного рассуждения о таком взаимодействии с социальной средой, результатом которого является наступление нежелательных последствий. Показано, что в качестве мотивации могут выступать прагматически, экзистенциально, альтруистически, доксистически обоснованные утверждения, которых придерживается субъект, а также стремление к выбору наиболее простых путей решения задач. В статье отмечена перспектива, в которой подобные исследования незнания кажутся эффективным способом углубления нашего понимания факторов принятия научного знания обывателями, а именно потребность в противостоянии укреплению антинаучных убеждений в обществе.

Ключевые слова: неопределенность, незнание, мотивированное незнание, умышленное незнание, неизбежное незнание, агнотология, эпистемология незнания, антинаучные убеждения.

Цитирование. Голубинская А. В. Мотивированное незнание как философская категория: теоретический и практический потенциал // *Logos et Praxis*. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 22–30. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.3>

Традиционно человек представляется искателем правды по своей природе. Научное и философское познание основаны именно на этом свойстве нашей культуры и на способности человека отличать истинное от ложного, сомневаться в достоверности имеющихся убеждений, подвергать суждения о мире критическому анализу, искать и находить ошибки в своих рассуждениях. Охота за истиной объединяет древних мудрецов и современных ученых, восточные и западные цивилизации, а также научные и ненаучные формы познания. Человека, имеющего доказательства против адекватности своих выводов, но продолжающего придерживаться их, даже представить непросто. В период модерна стремление охватить человеческим умом весь мир, его законы и закономерности казалось универсальным ориентиром для любого из людей. Ф. Бэкон описывал концепцию «идолов познания» как систему ошибок, препятствий на пути к истине, как ту часть природы, которую необходимо победить, преодолеть. Однако, с развитием когнитивных наук и концепций неэкспертной рациональности (например, таких как психоэпистемология [Campbell 2020], персональная [Hofer 2008] и фолк-эпистемология [Gerken 2017]) приписывание научных критериев познания обыденному мышлению стало казаться высокопарным. Сегодня вполне естественными кажутся вопросы о том, как именно человек распоряжается знанием, каковы психологические механизмы принятия знания, его обо-

снования. Признавая, что знание является одной из высших ценностей человеческой культуры, можем ли мы сказать, что знание является безусловной ценностью для каждого отдельного взятого человека?

Рассмотрим один кейс. В 1973 году в США проходили судебные слушания по делу об использовании подслушивающих устройств в президентской гонке Р. Никсона и Дж. Макговерна («Уотергейтский скандал»). Исследование [Sweeney, Gruber 1984] трех социальных групп, – сторонников Никсона, сторонников Макговерна и неопределившихся избирателей, – показало, что сторонники Никсона уделяли меньше внимания слушаниям и были менее осведомлены по сравнению со сторонниками Макговерна и неопределившимися избирателями. Психологи обнаружили [Sweeney et al. 2010], что сторонники Никсона избегали информации, которая могла бы показать, что предпочитаемый ими политик участвовал в незаконных действиях и получил кресло президента недобросовестным путем. Представить себя на месте сторонников Никсона не трудно, поскольку избегание свидетельств, указывающих на необходимость пересмотреть свои взгляды, встречается повсеместно: чем больше симптомов указывает на наличие болезни, тем больше оказывается желание человека оставаться в неведении о результатах теста на наличие заболевания [Oster, Shoulson, Dorsey 2013], или чем выше ощущение вины за неправильное питание, тем больше желание

не узнавать калорийность блюда [Thunström 2016]. Люди часто не хотят знать, что кто-то другой получил более выгодную сделку по недавней дорогой покупке [Vohs, Baumeister, Chin 2007], узнавать пол ребенка до рождения [Gigerenzer, Garcia-Retamero 2017], предпочитают игнорировать свидетельства, дискредитирующие близкого человека [Simpson, Ickes, Blackstone 1995] и вообще всего, что может повлечь переживание негативных эмоций [Wilson et al. 2005]. Это только некоторые из огромного числа иллюстраций, которые опровергают, казалось бы, очевидное предположение, что вероятность получить потенциально полезную информацию влечет желание ее получить, и подтверждают, что в определенных условиях люди оказываются гораздо более мотивированными на незнание, даже имея доступ к релевантной для их убеждений информации, чем на знание.

Что говорит по этому поводу современная теория познания?

На протяжении долгого времени незнание оставалось «странной» и «неинтересной» проблемой философии. Несколько десятилетий назад историк науки из Стэнфордского университета Роберт Проктор предложил термин «агнотология» [Proctor, Schiebinger 2008] для исследования социального неприятия научных фактов о вреде табака и уловок, совершенных табачной индустрией в поддержку неопределенности вокруг вполне однозначных, но коммерчески невыгодных результатов научных исследований. Сегодня же утверждение о том, что незнание может быть рукотворным, что за ним могут стоять политические, экономические, производственные интересы вряд ли способно кого-либо удивить, а идея о том, что незнание может быть активной конструкцией в системе общественных отношений, применима не только для анализа рынка.

Несмотря на то, что формулировка «эпистемология незнания» выглядит оксюморон, литература по этому вопросу довольно обширна. У Л. Алькофф (Городской университет Нью-Йорка, США) «эпистемология незнания» – это проблема групповой идентичности угнетенных слоев населения [Alcoff 2007], у Э. Малевски и Н. Джарамилло (Государственный университет Кеннесо, США) – «исследовательская платформа, которая куль-

тивирует работу по деколонизации, продвигаемую критикой западной метафизики» [Malewski, Jaramillo 2011], которая создается для поддержки сохранения социального статуса [Malewski, Jaramillo 2011], у Ч. Миллса (Городской университет Нью-Йорка, США) и ряда основанных на его теории работ – элемент «расового договора» [Mills 1997]; предметом исследований «эпистемологии незнания» обозначаются то, как незнание активно конструируется и поддерживается в целях эксплуатации, как оно спонсируется и регулируется [Brandt 1998], используется сознательно или невольно для искажения, подавления или сокрытия знаний [O'Neil 2016]. Заметно, что речь идет ни о чем ином, как о социальных отношениях, о циркуляции информации в социальных группах и мотивированном невежестве как особом эпистемическом состоянии.

И агнотология, и «эпистемология невежества» указывают на то, что если мы каким-то образом можем включить незнание в эпистемологию, то сделать это возможно через социально-эпистемологические проекты: незнание – это один из способов существования отношений между человеком и знанием, который детерминируется не только когнитивной деятельностью субъекта (не знать, потому что не понимать, не иметь доступа, забыть), но и социальными факторами, возникающими как следствие особенностей процессов производства, трансляции, принятия знания обществом и конкретным субъектом социальных отношений.

Вернемся к упомянутым примерам объектов современных исследований незнания (нежелание знать пол ребенка, калорийность блюда, исход сделки, свидетельства против близких и пр.). Они собраны из самых разных источников: семья, политические убеждения, здравоохранение, питание, потребительские предпочтения. Однако, их объединяет две специфические характеристики. Первая, которую можно отнести к когнитивным особенностям переживания мотивированного незнания, – это неопределенность. Само по себе переживание неопределенности, за исключением игровых практик, является в некотором смысле травмирующим опытом. Э. Остер, И. Шаулсон и Э. Дорси [Oster, Shoulson, Dorsey 2013] показывают, что количество меняющихся

жизнь неопределенностей будет абсолютно разным для человека до того, как он узнал, что имеет высокий риск опасного (неизлечимого) заболевания, и после. Так, устранение одного вида незнания (о наличии заболевания) влечет принятие большего количества незнаний (о том, как организовать жизнь, преодолеть стресс, финансировать лечение или принять невозможность его получения). Незнание становится не отсутствием знания, а формой неэкспертной рациональности: затраты на приобретение знаний перевешивают выгоды от их обладания [Williams 2021]. Мотивированное незнание сторонников Никсона из приведенного ранее кейса тоже в некотором смысле рационально: для отдельных избирателей от изучения политической информации не так много пользы, сколько от чувства сохранения социальной общности с единомышленниками [Somini 2021]. Необычность примера с заболеванием, напротив, заключается в том, как через мотивированное незнание субъект защищает те знания, которые ему необходимы для сохранения психического или даже эпистемического благополучия (в смысле – способности продолжать верить в те убеждения, на которых базируется вся деятельность человека).

Затем, все упомянутые случаи объединены общим мотивом, который имеет уже не столько когнитивное, сколько социальное происхождение, а именно – попыткой управлять последствиями, наступающими от получения того или иного знания. Однако здесь необходимо добавить замечание об объективности этих последствий, и целесообразно применить социологическую теорему Томаса, согласно которой анализу подлежит не то, что реально, а то, что субъект полагает реальным. Таким образом, социальным фактором мотивированного незнания является избегание как действительно вероятных или неминуемых последствий, так и последствий, которые субъект полагал таковыми.

Виды мотивированного незнания можно классифицировать, опираясь на специфику нежелательных последствий. Анализ литературы позволяет предложить по меньшей мере пять таких классов. Первый – это прагматически обоснованное незнание, которое связано с избеганием необходимости выполнять какие-либо нежелательные действия или уве-

личивать нагрузку (к примеру, умышленно оставаться в неведении относительно новых правил, чтобы не переделывать работу, сделанную по старым правилам). Вторым классом можно назвать экзистенциальным, чтобы описать случаи избегания переживания неопределенности, изменить которую человек не в силах (например, предпочтение незнания о наличии неизлечимого заболевания знанию о нем или нежелание отслеживать новости о катастрофах, военных конфликтах, трагедиях). Можно выделить альтруистически обоснованное незнание, связанное с неизбежностью причинения вреда близким людям в случае получения избегаемой информации (например, игнорирование свидетельств, дискредитирующих близкого человека). Четвертым классом – это доксистически обоснованное избегание знания, которое отражается в нежелании человека пересматривать имеющиеся убеждения и перестраивать сложившуюся картину мира (например, игнорирование опровержения теорий учеными, чье исследование зависит от истинности этих самых теорий, или нежелание сторонников Никсона знакомиться с информацией, раскрывающего предпочитаемого ими политического кандидата в неприятном свете). В конце концов, примеры указывают на существование еще одного класса, – маргинально обоснованного незнания, поддерживаемого неготовностью упустить возможность получить нечто желаемое более простым путем (например, нежелание знать, откуда приятель принес коробку с ноутбуками, один из которых хочет подарить вам в подарок, когда все указывает на то, что техника была украдена, – об этом примере см. далее). Все эти измерения мотивированного невежества указывают на то, что сами мотивы могут быть различными, эгоистическими или альтруистическими, инструментальными и прагматическими, а незнание способно выражать определенную рациональность, а не необученность, как это обычно полагается.

Пример с подарком мы позаимствовали из доктрины умышленного незнания философа права А. Сарча (Университет Суррей, Великобритания): «Перед вами появляется ваш друг детства и говорит, что хочет сделать вам подарок на память в виде новой модели ноутбука. Его машина набита коробками с элект-

роникой, и вы подозреваете, что он, возможно, приобрел их не самым честным путем. Ваш друг начинает рассказывать вам сложную историю о том, откуда она взялась, но вы прерываете его, говоря: «Нет, не рассказывай мне, я не хочу знать». Вы с радостью соглашаетесь с уже услышанным, думая, что, поскольку вы не знаете, что он украден, вы имеете защиту, если власти проведут расследование» [Sarch 2018]. Данным примером А. Сарч решает важную задачу, а именно – разграничение тех форм незнания, которые являются неизбежными, от тех, которые являются умышленными. Если в первом случае субъект уверен, что сделал все, что было в его силах, чтобы остаться добросовестным гражданином, то во втором случае субъект умышленно останавливает сбор свидетельств о преступности планируемых действий, хотя осознает, что дополнительные свидетельства могут быть получены, и продолжает действовать так, как будто сделал все, что было в его силах. В экономике это обстоятельство иногда описывается понятием «равновесие незнания», под ним понимаются методы принятия решений агентов, которые не очень альтруистичны, но заботятся о том, как их представляют другие [Grossman, Van Der Wee 2017]. Незнание в данном случае служит для того, чтобы скрыть выбор, который субъект сделал бы в такой среде, и может быть использовано для получения более благоприятного распределения ресурсов, что касается как конструктивных социальных практик вроде торговой игры, так и деструктивных, в том числе мошенничества. Можно отметить, что в правовой системе США преступления, основанные на умышленном незнании, ведут к таким наказаниям, как если бы субъект обладал знаниями, то есть доктрина исходит из тезиса о равной виновности знания и умышленного незнания и о возможности вменять недостающие психические состояния обвиняемым [Sarch 2019]. Этот тезис отражен, например, в решении по делу «Соединенные Штаты против Брэндона» (1994), или по делу «Соединенные Штаты против Габриэле» (1995). Последнее, помимо прочего, устанавливает условия для квалификации умышленного незнания: ответчик заявляет об отсутствии знаний и доказательства подтвержда-

ют вывод о том, что обвиняемый предпринял преднамеренные действия, чтобы формально не узнать об этом факте.

Для сравнения уместно привести и другой пример. В 1980-х годах Падуанский пре-тор обратился в суд с просьбой пересмотреть наказание Марина Джачинто, обвиненного в использовании радиоприемников и игровых автоматов в своем баре без лицензии, поскольку в данном случае обвиняемый добросовестно полагал, что лицензия не была необходима. Нарушение, убеждал он, произошло из неясности уголовного закона и отсутствия конкретной возможности узнать его, и незнание Джачинто было неизбежным. Из-за отсутствия литературы, за исключением описания данных событий в Постановлении Конституционного Суда Италии от 24.03.1988 № 364, где статья 5 была частично признана нелегитимной, разобраться в обстоятельствах дела затруднительно, однако, концепция неизбежного незнания с отсылкой к этому постановлению (под сокращенным наименованием 364/1988) до сих пор встречается в аналитических документах по уголовному законодательству. Под «неизбежным незнанием» подразумеваются ситуации исключительного невежества, в которой оказывается субъект, например, когда отсутствует условие приобретения знания, или когда существует настолько серьезная неясность законодательного текста, что невозможно понять его обязательный объем, или в присутствии «крайне хаотической интерпретирующей позиции судебных органов» (см. официальные комментарии к толкованию статьи 5 Уголовного кодекса Италии). Философы Р. Чуни и Дж. Тузет (Университет Боккони, Италия), предложившие вариант философского анализа юридической концепции неизбежного незнания, убеждены, что понятие неизбежности, представленное в решении 364/1988, является эпистемологическим понятием [Tuzet, Ciuni 2021, 4]. Оно указывает на четыре условия: 1) субъект придерживается ложного мнения о норме; 2) субъект проверил все доказательства, которые мог; 3) доказательства, которые субъект получил или предполагал, что они уже получены, подтвердили ложное убеждение; 4) субъект был рационален в принятии доказательств, и последние заслужили доверия.

Попробуем по аналогии вынести на обсуждение описание умышленного незнания: 1) субъект осознает наличие доступа к информации, потенциально значимой для его убеждений и действий; 2) субъект полагает, что осведомлен о последствиях, возникающих в результате получения этой информации; 3) эти последствия определены им как нежелательные; 4) субъект предпочитает избегать данную информацию.

Теперь, опираясь на данную структуру, становится возможным вывести рассматриваемую форму незнания на более общий уровень. К примеру, незнанием долгосрочных последствий клонирования человека, страхом непредсказуемости этих последствий руководствуется запрет на соответствующие эксперименты. Если выше были рассмотрены те примеры консеквенциональной модели незнания, которые были построены на идее стремления агнотологического субъекта уйти от предвидимого вреда, то данный пример имеет свойство предупреждения вреда, спектр которого предвидеть сложно. В этом смысле консеквенциональная модель незнания, предлагаемая в данной статье, – это модель рисков. Для У. Бека управление риском означало сделать непредсказуемые последствия решений предсказуемыми и контролируруемыми: «из-за наших прошлых решений об атомной энергии и наших нынешних решений об использовании генетических технологий, генетики человека, нанотехнологий и компьютерных наук мы вызываем непредсказуемые, неконтролируемые, фактически даже некоммуникабельные последствия, которые угрожают жизни на земле» [Beck 2003, 257]. Известный вопрос о том, должен ли инженер нести моральную ответственность за изобретение оружие массового поражения, также наглядно иллюстрирует эту идею.

Подведем итог. Социальные факторы, связанные с тем, как существует знание в обществе, сегодня составляют один из главных интересов философии. Однако, точно так же как специфика научного познания обнаруживается через его сравнение с ненаучными формами, исследовать знание можно и через «обратные стороны», в том числе через незнание. Тот факт, что состояние незнания имеет символическое содержание (социальный характер) и разные формы указывают на то, что подобные исследования в принципе воз-

можны. Имеют ли они прикладной потенциал? Мы полагаем, что да. Одна из актуальных на сегодняшний день проблем, в рамках которой подобный анализ позволил бы нам уточнить социальный характер научного знания, – это «климатический скептицизм». Со стороны кажется, что с учетом рисков, которые несет изменение климата относительно благополучия планеты, хватило бы согласия и половины климатологов, чтобы ограничить выбросы парниковых газов. Однако, на деле почти единогласный консенсус экспертов сопровождается мотивированным незнанием и безразличием к научному факту в неэкспертных сообществах [Bowden, Nyberg, Wright 2021]. Это говорит об одном: по некоторым причинам то, что артикулируется активистами антинаучных убеждений, – это именно то, что обычные люди больше всего хотят услышать, поскольку несогласие с учеными позволяет проигнорировать необходимость масштабных изменений, возможных экономических жертв и отказ от привычного материального комфорта современного человека. В этих обстоятельствах, а также с учетом роста дезинформации и кризиса доверия между экспертным и неэкспертным сообществами, игнорировать незнание как часть современной познавательной культуры – это практически объявлять капитуляцию перед невежеством. Способен ли философский анализ незнания противостоять этим процессам? На сегодняшний день отвечать на этот вопрос преждевременно, однако, очевидно, что разработка новых исследовательских перспектив способствует поиску необходимых решений, вместе с тем помогая нам углубить наше понимание проблемы и раскрыть новые особенности циркуляции научного знания в современном мире.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена в рамках НИР Н-490-99_2021-2023 «Образы будущего и креативные практики: антропологический анализ социального проектирования и научного творчества в условиях неопределенности» на базе Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского по заказу Министерства образования и науки Российской Федерации (Программа стратегического академического лидерства «Приоритет 2030»).

The research was carried out within the project “Images of Future and Creative Practices: Anthropological Analysis of Social Design and Scholar Creativity under Uncertainty” at Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (theme No. H-490-99_2021-2023) with financial support of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Strategic Academic Leadership Program “Priority 2030”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Alcoff 2007 – *Alcoff L.M.* Epistemologies of Ignorance: Three Types // *Race and Epistemologies of Ignorance*. N. Y.: Suny Press, 2007. P. 39–58.
- Beck 2003 – *Beck U.* The Silence of Words: On Terror and War // *Security Dialogue*. 2003. Vol. 34, № 3. P. 255–267.
- Bowden, Nyberg, Wright 2021 – *Bowden V., Nyberg D., Wright C.* “I Don’t Think Anybody Really Knows”: Constructing Reflexive Ignorance in Climate Change Adaptation // *The British Journal of Sociology*. 2021. Vol. 72, № 2. P. 397–411. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-4446.12818>
- Brandt 1998 – *Brandt D.* Sponsors of Literacy // *College Composition and Communication*. 1998. Vol. 49, № 2. P. 165–185.
- Campbell 2020 – *Campbell R.L.* Something That Used to Be Objectivism: Barbara Brandens Psycho-Epistemology // *The Journal of Ayn Rand Studies*. 2020. Vol. 20, № 2. P. 301–327. DOI: <https://doi.org/10.5325/jayrandstud.20.2.0301>
- Gerken 2017 – *Gerken M.* On Folk Epistemology: How We Think and Talk About Knowledge. Oxford: Oxford University Press, 2017.
- Gigerenzer, Garcia-Retamero 2017 – *Gigerenzer G., Garcia-Retamero R.* Cassandras Regret: The Psychology of Not Wanting to Know // *Psychological Review*. 2017. Vol. 124, № 2. P. 179–196. DOI: <https://doi.org/10.1037/rev0000055>
- Grossman, Van Der Weele 2017 – *Grossman Z., Van Der Weele J.J.* Self-Image and Willful Ignorance in Social Decisions // *Journal of the European Economic Association*. 2017. Vol. 15, № 1. P. 173–217. DOI: <https://doi.org/10.1093/jeaa/jvw001>
- Hofer 2008 – *Hofer B.K.* Personal Epistemology and Culture // *Knowing, Knowledge and Beliefs*. Berlin: Springer: Dordrecht, 2008. P. 3–22.
- Malewski, Jaramillo 2011 – *Malewski E., Jaramillo N.* Epistemologies of Ignorance in Education. Charlotte: Information Age Publishing Inc., 2011.
- Mills 1997 – *Mills C.* The Racial Contract. N. Y.: Cornell University Press, 1997.
- O’Neil 2016 – *O’Neil C.* Weapons of Math Destruction: How Big Data Increases Inequality and Threatens Democracy. N. Y.: Crown Publishers, 2016.
- Oster, Shoulson, Dorsey 2013 – *Oster E., Shoulson I., Dorsey E.* Optimal Expectations and Limited Medical Testing: Evidence from Huntington Disease // *American Economic Review*. 2013. Vol. 103, № 2. P. 804–830. DOI: <https://doi.org/10.1257/aer.103.2.804>
- Proctor, Schiebinger 2008 – *Proctor R.N., Schiebinger L.* Agnotology: The Making and Unmaking of Ignorance. Redwood City: Stanford University Press, 2008.
- Sarch 2018 – *Sarch A.* Willful Ignorance in Law and Morality // *Philosophy Compass*. 2018. Vol. 13, № 5. Art. e12490. DOI: <https://doi.org/10.1111/phc3.12490>
- Sarch 2019 – *Sarch A.* Criminally Ignorant: Why the Law Pretends We Know what We Don’t. Oxford: Oxford University Press, 2019.
- Somin 2021 – *Somin I.* Is Political Ignorance Rational? // *The Routledge Handbook of Political Epistemology*. Abingdon: Routledge, 2021. P. 241–252.
- Simpson, Ickes, Blackstone 1995 – *Simpson J.A., Ickes W., Blackstone T.* When the Head Protects the Heart: Empathic Accuracy in Dating Relationships // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. Vol. 69, № 4. P. 629–641. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.69.4.629>
- Sweeney, Gruber 1984 – *Sweeney P.D., Gruber K.L.* Selective Exposure: Voter Information Preferences and the Watergate Affair // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1984. Vol. 46, № 6. P. 1208–1221. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.46.6.1208>
- Sweeny et al. 2010 – *Sweeny K., Melnyk D., Miller W., Shepperd J.A.* Information Avoidance: Who, What, When, and Why // *Review of General Psychology*. 2010. Vol. 14, № 4. P. 340–353. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0021288>
- Thunström et al. 2016 – *Thunstrom, L., Nordstrom, J., Shogren J.F., Ehmke M., Veld van’t K.* Strategic Self-Ignorance // *Journal of Risk and Uncertainty*. 2016. Vol. 52, № 2. P. 117–136. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11166-016-9236-9>
- Tuzet, Ciuni 2021 – *Tuzet G., Ciuni R.* Inevitable Ignorance as a Standard for Excusability: An Epistemological Analysis // *Synthese*. 2021. Vol. 198, № 6. P. 5047–5066. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11229-019-02388-2>
- Vohs, Baumeister, Chin 2007 – *Vohs K.D., Baumeister R.F., Chin J.* Feeling Duped: Emotional, Motivational, and Cognitive Aspects of Being Exploited by Others // *Review of General Psychology*. 2007. Vol. 11, № 2. P. 127–141. DOI: <https://doi.org/10.1037/1089-2680.11.2.127>

- Williams 2021 – *Williams D.* Motivated Ignorance, Rationality, and Democratic Politics // *Synthese*. 2021. Vol. 198, № 8. P. 7807–7827. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11229-020-02549-8>
- Wilson et al. 2005 – *Wilson T.D., Centerbar D.B., Kermer D.A., Gilbert D.T.* The Pleasures of Uncertainty: Prolonging Positive Moods in Ways People Do Not Anticipate // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2005. Vol. 88. P. 5–21. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.88.1.5>

REFERENCES

- Alcoff L.M., 2007. Epistemologies of Ignorance: Three Types. *Race and Epistemologies of Ignorance*. New York, Suny Press, pp. 39-58.
- Beck U., 2003. The Silence of Words: On Terror and War. *Security Dialogue*, vol. 34, no. 3, pp. 255-267.
- Bowden V., Nyberg D., Wright C., 2021. “I don’t Think Anybody Really Knows”: Constructing Reflexive Ignorance in Climate Change Adaptation. *The British Journal of Sociology*, vol. 72, no. 2, pp. 397-411. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-4446.12818>
- Brandt D., 1998. Sponsors of Literacy. *College Composition and Communication*, vol. 49, no. 2, pp. 165-185.
- Campbell R.L. 2020. Something That Used to Be Objectivism: Barbara Brandens Psycho-Epistemology. *The Journal of Ayn Rand Studies*, vol. 20, no. 2, pp. 301-327. DOI: <https://doi.org/10.5325/jayrandstud.20.2.0301>
- Gerken M. 2017. *On Folk Epistemology: How We Think and Talk About Knowledge*. Oxford, Oxford University Press.
- Gigerenzer G., Garcia-Retamero R., 2017. Cassandras Regret: The Psychology of Not Wanting to Know. *Psychological Review*, vol. 124, no. 2, pp. 179-196. DOI: <https://doi.org/10.1037/rev0000055>
- Grossman Z., Van Der Weele J.J., 2017. Self-Image and Willful Ignorance in Social Decisions. *Journal of the European Economic Association*, vol. 15, no. 1, pp. 173-217. DOI: <https://doi.org/10.1093/jeaa/jvw001>
- Hofer B.K., 2008. Personal Epistemology and Culture. *Knowing, Knowledge and Beliefs*. Berlin, Springer, Dordrecht, pp. 3-22.
- Malewski E., Jaramillo N., 2011. *Epistemologies of Ignorance in Education*. Charlotte, Information Age Publishing Inc.
- Mills C., 1997. *The Racial Contract*. New York, Cornell University Press.
- O’Neil C., 2016. *Weapons of Math Destruction: How Big Data Increases Inequality and Threatens Democracy*. New York, Crown Publishers.
- Oster E., Shoulson I., Dorsey E., 2013. Optimal Expectations and Limited Medical Testing: Evidence from Huntington Disease. *American Economic Review*, vol. 103, no. 2, pp. 804-830. DOI: <https://doi.org/10.1257/aer.103.2.804>
- Proctor R.N., Schiebinger L., 2008. *Agnology: The Making and Unmaking of Ignorance*. Redwood City, Stanford University Press.
- Sarch A., 2018. Willful Ignorance in Law and Morality. *Philosophy Compass*, vol. 13, no. 5, art. e12490. DOI: <https://doi.org/10.1111/phc3.12490>
- Sarch A., 2019. *Criminally Ignorant: Why the Law Pretends We Know what We Don’t*. Oxford, Oxford University Press.
- Somin I. 2021. Is Political Ignorance Rational? *The Routledge Handbook of Political Epistemology*. Abingdon, Routledge, pp. 241-252.
- Simpson J.A., Ickes W., Blackstone T. 1955. When the Head Protects the Heart: Empathic Accuracy in Dating Relationships. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 69, no. 4, pp. 629-641. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.69.4.629>
- Sweeney P.D., Gruber K.L., 1984. Selective Exposure: Voter Information Preferences and the Watergate Affair. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 46, no. 6, pp. 1208-1221. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.46.6.1208>
- Sweeney K., Melnyk D., Miller W., Shepperd J.A., 2010. Information Avoidance: Who, What, When, and Why. *Review of General Psychology*, vol. 14, no. 4, pp. 340-353. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0021288>
- Thunstrom, L., Nordstrom, J., Shogren J.F., Ehmke M., Veld van’t K., 2016. Strategic Self-Ignorance. *Journal of Risk and Uncertainty*, vol. 52, no. 2, pp. 117-136. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11166-016-9236-9>
- Tuzet G., Ciuni R., 2021. Inevitable Ignorance as a Standard for Excusability: An Epistemological Analysis. *Synthese*, vol. 198, no. 6, pp. 5047-5066. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11229-019-02388-2>
- Vohs K.D., Baumeister R.F., Chin J., 2007. Feeling Duped: Emotional, Motivational, and Cognitive Aspects of Being Exploited by Others. *Review of General Psychology*, vol. 11, no. 2, pp. 127-141. DOI: <https://doi.org/10.1037/1089-2680.11.2.127>
- Williams D., 2021. Motivated Ignorance, Rationality, and Democratic Politics. *Synthese*, vol. 198, no. 8, pp. 7807-7827. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11229-020-02549-8>
- Wilson T.D., Centerbar D.B., Kermer D.A., Gilbert D.T., 2005. The Pleasures of Uncertainty: Prolonging Positive Moods in Ways People Do Not Anticipate. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 88, pp. 5-21. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.88.1.5>

Information About the Author

Anastasia V. Golubinskaya, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Social Security and Humanitarian Technologies, Researcher, Laboratory of Social Anthropology, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Prosp. Gagarina, 23, 603022 Nizhny Novgorod, Russian Federation, golub@unn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7119-3968>

Информация об авторе

Анастасия Валерьевна Голубинская, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий, научный сотрудник лаборатории социальной антропологии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, просп. Гагарина, 23, 603022 г. Нижний Новгород, Российская Федерация, golub@unn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7119-3968>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.4>

UDC 130.2
LBC 87.823

Submitted: 23.02.2023
Accepted: 26.06.2023

CYCLIC DEVELOPMENT OF DESIGN AND TECHNOLOGY CULTURE: PROBLEMS OF METHODOLOGY

Aleksandr V. Eretn

Samara State Institute of Culture, Samara, Russian Federation

Majja A. Kuznetsova

Volgograd State Agrarian University, Volgograd, Russian Federation

Annotation. The article analyzes approaches to understanding the essence of technological culture and the patterns of its development from the methodological positions of the design culture and the theory of self-organization. The phenomenon of technological culture is studied in the unity of the conceptual, praxeological and organizational aspects. The process of formation and development of technological culture is cyclical. Cyclicity is appearing in the periodic reiteration of the stages of cultural reproduction and cultural variability. The study gives a description of the three-phase structure of the cultural cycle, taking into account the role of self-organization processes at each formative stage. At the first formative stage the specificity of the self-organization mechanism is reduced to the formation of rigid links (structures) that measure and fasten images, signs and objects that are useful for the cultural formation. At the second stage a fundamental livelihood of the developing object as a whole is created. Usually this is a fundamental principle that sets coherence, synchronization of processes in a sociocultural system. At the third stage the processes of self-organization provide a livelihood for the components of the object which leads to the achievement of morphological and axiological integrity and uniqueness of the object, the system enters into symbiotic relationships with objects of another type, completes development and prepares the transition to a new three-part cycle of shaping. The article deals with the first historical cycle of formation and development of technological culture: “Hellenism – Ancient Rome – Byzantium”. Each phase of the cultural cycle is characterized by the originality of subject, target and organizational factors. In future the undertaken research will reveal the features of technological culture on its modern “digital” stage basing on the logic of cyclic patterns developed within the framework of the proposed methodology.

Key words: philosophy of culture, project culture, technological culture, sociocultural dynamics, cultural formation, cyclicity, self-organization.

Citation. Eretn A.V., Kuznetsova M.A. Cyclic Development of Design and Technology Culture: Problems of Methodology. *Logos et Praxis*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 31-38. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.4>

УДК 130.2
ББК 87.823

Дата поступления статьи: 23.02.2023
Дата принятия статьи: 26.06.2023

ЦИКЛИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРОЕКТНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ

Александр Владимирович Еретин

Самарский государственный институт культуры, г. Самара, Российская Федерация

Майя Анатольевна Кузнецова

Волгоградский государственный аграрный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются подходы к пониманию сущности технологической культуры и закономерностей ее развития с методологических позиций проектной культуры и теории самоорганизации. Феномен технологической культуры исследуется в единстве концептуального, праксеологического и

организационного аспектов. Процесс становления и развития технологической культуры имеет циклический характер. Цикличность проявляется в периодической повторяемости стадий культурного воспроизводства и культурной изменчивости. В работе дается описание трехфазной структуры культурного цикла с учетом роли процессов самоорганизации на каждой формообразующей стадии. На первой формообразующей стадии специфика действия механизма самоорганизации сводится к образованию жестких связей (структуры), измеряющих и скрепляющих полезные для культурной формации образы, знаки и предметы. На втором этапе создается фундаментальное средство существования развивающегося объекта в целом. Как правило, это фундаментальный принцип, который задает когерентность, синхронизацию процессов в социокультурной системе. На третьем этапе процессы самоорганизации обеспечивают средствами существования составляющие части объекта, благодаря чему происходит достижение морфологической и аксиологической целостности и уникальности объекта, система вступает в симбиотические отношения с объектами другого вида, завершает развитие и подготавливает переход к новому трехчастному циклу формообразования. В статье рассматривается первый исторический цикл становления и развития технологической культуры: «Эллинизм – Древний Рим – Византия». Каждая фаза культурного цикла характеризуется своеобразием предметных, целевых и организационных факторов. Предпринятое исследование в перспективе позволит выявить особенности технологической культуры на ее современном «цифровом» этапе, исходя из логики циклических закономерностей, разработанных в рамках предложенной методологии.

Ключевые слова: философия культуры, проектная культура, технологическая культура, социокультурная динамика, культурная формация, цикличность, самоорганизация.

Цитирование. Еретин А. В., Кузнецова М. А. Циклическое развитие проектно-технологической культуры: проблемы методологии // *Logos et Praxis*. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 31–38. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.4>

Философия ориентирует нас на осмысление сущности и закономерностей развития культуры с тем, чтобы прояснить сущность самого человека, понять, как и почему меняются его ценностные предпочтения и принципы взаимодействия с окружающим миром. Культура определяет уровень развития общества и создает возможности для творческой самореализации личности. В современной техногенной цивилизации складывается специфический тип мышления человека как субъекта преобразовательной, культуротворческой деятельности, а именно – проектное мышление, возрастает интерес к феномену технологической культуры, закономерностям ее развития.

В зависимости от факторов, определяющих развитие культуры и общества, а также характера протекания процесса социокультурных изменений, в науке определяются два типа социокультурной динамики – эволюционный и циклический [Sorokin 1957]. Эволюционизм, как известно, предполагает линейное поступательное развитие системы в процессе ее адаптации к внешним условиям среды, а циклизм акцентирует внимание на устойчивой повторяемости стадий исторической культурной социодинамики [Демин 2012]. Как справедливо заметил А.Я. Флиер, «культурологической наукой еще не создано фундаменталь-

ной теории культурного воспроизводства, как и фундаментальной теории культурной изменчивости... Эти теории могли бы ответить на многие вопросы; но они еще ждут своих разработчиков» [Флиер web]. Методология системного исследования, на наш взгляд, позволяет сочетать оба подхода, рассматривая линейность и цикличность как две взаимодополняющие тенденции в функционировании и развитии сложных систем. Рассмотрим это на примере технологической культуры.

С одной стороны, технологическая культура может трактоваться как разновидность универсальной культуры, обладающая своим ценностным измерением и специфической структурой. Понятие «технологическая культура» введено в научный оборот в середине XX в. А. Модем как констатация возросшего влияния науки и техники на все сферы жизнедеятельности человека. Активность человека, подкрепленная арсеналом технических средств, должна быть соизмерима с уровнем ответственности за свои преобразования, поэтому актуализируется задача разработки социально-культурных регуляторов научно-технической и экономической деятельности человека.

С другой стороны, технологическую культуру можно рассматривать как составляющую

общей, универсальной культуры. Например, в работах М.С. Кагана культурой выступает вся полнота биологически не детерминированных качеств человека, способов его деятельности и их предметное воплощение [Каган 2003]. Тогда область технологической культуры – все знания и технологии, с помощью которых осуществляется преобразовательная деятельность человека. И в данном контексте можно выделить три направления исследований технологической культуры.

Первое направление считает технологическую культуру «фундаментальным компонентом общей культуры на современном этапе общественного развития, определяющим мировоззрение и самопонимание человека и общества» [Баженов 2011, 338]. Второе направление рассматривает технологическую культуру как совокупность достигнутых технологий в материальном и духовном производстве, определенную фазу цивилизационного развития человечества. Третье направление характеризует технологическую культуру как уровень взаимодействия проектировщиков, практиков, теоретиков и организаторов, объединенных в комплексный объект, исследующих явления действительности с экономических, проектно-технологических позиций в рамках понятий проектной культуры [Archer 1979].

Философ и теоретик проектной культуры К.М. Кантор рассматривал проектность в качестве атрибутивного свойства бытия. Проект при таком подходе «выступает «хранителем формы», образованной системой структурных отношений, более или менее безразличных к их вещественному наполнению. А проектирование есть тот «механизм», который поддерживает «вечное» существование определенной формы бытия в бесконечной смене ее неустойчивых индивидуальных проявлений» [Кантор 2001, 42].

Ученые научно-проектной школы ВНИИ технической эстетики Л.А. Кузьмичев, В.Ф. Сидоренко, А.Л. Дижур, Л.Б. Переверзев, А.Г. Устинов, Д.Н. Щелкунов и др. в понятии «комплексный объект» дизайна представили «форму-структуру» через координацию результатов профессиональной деятельности трех типов проектировщиков [Кузьмичев и др. 1987, 152]. Теоретик-концептуалист формулирует творческую идею благодаря

умению охватить и синтезировать интеллектом разрозненные части. Предметник-практик чувственно переживает явления вещного мира, подготавливая содержание проекта. Дизайнер-оргпрограммист осуществляет погружение проектного мышления в так называемую «программирующую среду», в которой личность получает накопленный человеческим духовный опыт в процессе диалога и коммуникации. Расплывчатость определения «дизайнер-оргпрограммист» устраняет В.И. Пузанов, представив в роли организатора культурных обменов между теоретиками и практиками дизайна творческий коллектив, сплоченный по типу ансамбля и способного к саморазвитию по аналогии с этносом.

В.И. Пузанов, анализируя динамику развития мирового дизайна, выявил существование трех циклов в структуре проектной деятельности, определяемых характером взаимных обменов профессиональной информацией между теоретиками, практиками и организаторами. Три проектно-культурные формации образуют полный культурный цикл развития дизайна. При этом каждый цикл оформляет динамику предметных, целевых и организационных факторов, составляющих структуру комплексного объекта [Пузанов 1992, 1]. Считаем целесообразным применить трехфазную структуру культурного цикла при изучении динамики технологической культуры в целом.

В циклическом развитии технологической культуры можно выделить несколько фаз или по аналогии с жизненным циклом биологических систем, или с позиции господствующего мировоззрения, мы же предлагаем рассмотреть в качестве критерия цикличности роль самоорганизации в формирующемся процессе. Целевые, предметные и организационные факторы развития отличаются обилием признаков и переменны, но механизм самоорганизации универсально влияет на процессы формирования в сложных системах (как биологических, так и социокультурных).

На первой формирующей стадии специфика действия механизма самоорганизации сводится к образованию жестких связей (структуры), измеряющей и скрепляющей полезные для системы образы, знаки и предметы. На втором этапе создается фундаментальное средство существования развиваю-

щегося объекта в целом. Как правило, это фундаментальный принцип, который задает когерентность, синхронизацию процессов в социокультурной системе. На третьем этапе процессы самоорганизации обеспечивают средствами существования составляющие части объекта, благодаря чему происходит достижение морфологической и аксиологической целостности объекта, система вступает в симбиотические отношения с объектами другого вида, завершает развитие и подготавливает переход к новому трехчастному циклу формообразования.

В соответствии с выбранным критерием рассмотрим трехфазный исторический цикл становления технологической культуры: «Эллинизм – Древний Рим – Византия».

Технологическая культура берет начало в культуре Эллинизма, где вещь впервые стала восприниматься как результат действия не только богов, но и человека. В предшествующий исторический период общей культуры люди считали вещи богами, приходиться в мир которым помогают человеческие руки. В этот период быт был сакрализованным, мифологическим. В оболочке старого, сакрального зарождается новое мировоззрение – представление о мире вещей человека. Формируется смысловое равенство человека и вещи, при котором они могли оказывать судьбоносное влияние друг на друга. По замечанию Л.И. Акимовой, «вещи-герои», наполовину божественные, вторую половину отдавали человеку, превращая его в «человека-героя», придавая ему созидательные силы [Акимова 1994, 53].

В культуре Древнего Рима сакральные функции вещей перешли к стихиям природы, носителями которых являлись умершие предки римлян. «Вечным хранителем порядка вещей, – пишет Л. Акимова, – выступали именно те потусторонние силы, которые олицетворены в домашних святынях атриума. Их представляли маски предков» [Акимова 1994, 69]. Домашний атриум имел комплювий, из которого вода стекала в цистерну под полом, и имплювий, проем в крыше дома, что в совокупности представляло собой «мировую ось», или «древо жизни». Центр римского дома, таким образом, имел контакты и с миром богов, и с подземным миром умерших предков.

«Божественная смерть» вещей, однако, подарила им земную жизнь: теперь человек мог наслаждаться естественной красотой плода, мягкой одеждой, радоваться удобной посуде. Период приобретения вещей исключительно потребительских свойств для человека справедливо считать технологическим истоком проектной культуры.

В Византийской культуре произошла персонификация стихий природы в единый образ Бога-Человека и создание Церкви как Дома Божьего на земле. «Мировую ось» теперь представляла система Домов: «Дом человека – Церковь – Небесный Иерусалим». Маска предка уступила место иконе с ликами святых. Вещи стали подразделяться на плотские, материальные предметы, на душевные, ценностные символы и на культовые, духовно-образные вещи. Деятельность «деловых» людей была управляема единым сводом божественных законов, содержащихся в профессиональных кодексах и уставах, которые регламентировали всю производственную, административную и идеологическую жизнь сообщества. Кроме широко известных цеховых ремесленных и монастырских монашеских объединений, появившихся в IX в., аналогичные организации имели правоведа, воины, землевладельцы и другие трудовые сообщества византийских граждан.

I. Эллинистическая культурная формация:

1. Концептуальная (целевая) фаза.

В эпоху Эллинизма происходит понимание того, что человек после смерти не исключается полностью из мира живых, как это было в предшествующие эпохи, он теперь только наполовину принадлежит земле, которой отдадут его тело в урне с прахом, а дух же, рожденный небом, к нему же и возвращается. Божественная сущность человека воплощается в новое искусственное тело – памятник. Весь вещный мир, все семь чудес Света, появившиеся в эпоху Эллинизма, представляют собой памятник, в котором живет бессмертный дух человека, в теле, создаваемом самим человеком. Знания и технологии становятся интеллектуальным памятником духовности человека. В военном деле македонская фаланга была непобедима не только из-за своей технической эффективности, но, в основе своей, благодаря вере солдат в то, что

новый порядок есть памятник их совокупному боевому духу.

2. Предметная (практическая) фаза.

Чувственная сфера деятельности человека была скована присутствием и влиянием на него божественных вещей. Человек даже при развлечениях общался не с другим человеком, а с вещами. Вещь и человек были связаны между собой единым циклом мифологического бытия, где нет смерти, а есть смена старой формы на новую жизнь. Поэтому греки даже в своих развлечениях и отдыхе были собраны и ответственны, так как общались, по сути, с вещью сакральной.

3. Организационная (предметно-целевая) фаза.

У бога смерти и возрождения Диониса маска выполняла и организационную функцию, указывая на сопричастность к миру посвященных. Тема «человек-маска» раскрывалась в знаках и геометрических фигурах, построенной на них речи. Открытие так называемых «конических сечений» (пересечение плоскостью конуса) и обнаружение с помощью этой операции множества уже известных фигур (окружности, эллипса, гиперболы, параболы, перспективы, возможность преобразования в полусферу и цилиндр) и их символическое выражение в евклидовой и неевклидовой (проективной) геометрии получило широкое развитие в культовой архитектуре. Геометрия конических сечений явилась той проектной «формой-структурой», которая дала возможность организовать непротиворечивую связь божественного и человеческого, заложив основы освобождения человека от космологического давления вещей.

II. Древнеримская культурная формация

1. Концептуальная (целевая) фаза.

Жизнь древнего римлянина, особенно в период военных походов, была тяжела и изнурительна. Отношение к своему труду и его результатам было напряженным и ответственное – «не посрамить бы предков», поэтому все делалось добросовестно и аккуратно. Благодаря этой идее римляне вносили рациональное начало во все продуктивные сферы своей жизни, не только в военное и строительное дело, но и в религию, повседневность, быт, образование и воспитание. В частности, римляне были прекрасными мастерами, инжене-

рами и архитекторами, смогли создать строения (многоярусную аркаду, амфитеатр, крестово-купольную архитектуру), которые до них не видел мир, а также были ловкими политиками и юристами, построили гибкую и прочную систему «римского права», адекватно регулирующую изменчивость событий общественной жизни.

2. Предметная (практическая) фаза.

С другой стороны, в чувственной деятельности, в развлечениях и отдыхе римляне были эмансипированы и распущены, капризны и избирательны, ведь самое лучшее со всего мира стекалось в Рим. Высокие художественные ценности не пленяли, но возбуждали, приятно раздражая пресытившиеся чувства римлян. Из удавшихся речей греческих философов составлялись попури, греческие танцы, скульптуры, кувшины были легки для восприятия и создавались для хорошего настроения. Впервые создана индустрия развлечений для самой персоны человека, которая нашла свое наиболее яркое воплощение в термах и амфитеатрах.

3. Организационная (предметно-целевая) фаза.

Маска обеспечила возможность организовать продуктивные связи между обремененным культом предков трудом и беззаботной жизнью в мире чувственных развлечений. «В Риме маска, – пишет Л. Акимова, – становится неременной принадлежностью быта и знаком всеобщих превращений в мире, где царят Фортуна и Рок... в этом взаимопереплетении культа и быта предстают все явления римской жизни, и в том числе такие фундаментальные, как восприятие мира в виде театра, где люди-актеры разыгрывают драму жизни» [Акимова 1994, 69].

Тема «мир в маске» раскрывалась например, в превращении одних вещей в другие (вареная свинья была начинена живыми дроздами), естественное сделать искусственным (подаваемые кушанья и приборы делались из камня, глины, а сидящие за столом гости делали вид, что они обедают) и пр. Тема «мир в маске» сопрягалась с темой «мир без маски» и темой «связи двух миров». По этой причине особо ценным у римлян становиться стеклянный сосуд, через который одновременно видны две его стороны – внешняя и внутренняя.

Мы считаем, что графическая разметка на фресках стен римских домов, в так называемых «помпейских стилях», сделанная в четырех вариантах изображения пространства интерьера, является прямым смысловым аналогом стеклянной прозрачной стенки сосуда, которая соединяет два мира – «мир в маске» и «мир без маски». Эта графическая разметка двух пространств, связывающая в целом внешнюю форму и вещество ее заполняющее получила название «перспектива». Происходит технологическое воплощение открытых в предшествующем цикле сакральной геометрии «конических сечений» в пространственной структуре зданий и сооружений, таких как, многоярусная аркада, амфитеатр, крестово-купольная храмовая архитектура. В Древнем Риме «перспектива» является проектной «формой структурой» и канонизирована в храмовой архитектуре.

III. Византийская культурная формация.

1. Концептуальная (целевая) фаза.

Жизнь в Византии регулировалась строгим соответствием внутреннего императива поведения гражданина социальным нормам мирового порядка, определенным, в свою очередь, Библией, императивом поведения Бога-Человека – Иисуса Христа. Каждый верующий осознал духовную часть своей жизни, у него появилась возможность оперировать религиозными идеями в поисках справедливых и продуктивных отношений между собой и обществом. Прежние римские специализированные трудовые сообщества стали превращаться в цеховые предприятия с единым нравственно-правовым законом поведения мастера и подмастерья. Цеховой устав регламентировал и внешние отношения с другими цехами. Общей концепцией производственных цеховых коллективов был поиск религиозно оправданных средств существования.

Появились первые ученые – ими стали монахи-алхимики. Византийцы впервые изобрели и усовершенствовали строительные технологии (например, при возведении храма Св. Софии). Впервые использована сила пара, широко употреблялись водяные мельницы, появились механические часы и блочные механизмы, гвоздяные подковы и стремена, был изобретен «греческий огонь», организовано производство шелка, Лев Математик изобрел

систему маяков, для чего впервые использовал язык алгебраических выражений, началось изготовление бумаги и транслитерация текстов и еще много других фундаментальных инженерно-технических открытий, скрытно подготовившие основания для широкого движения технологической культуры [Кривов 2017].

2. Предметная (практическая) фаза.

Чувственно-образная деятельность византийца была направлена на саморазвитие и духовное совершенство своей личности через постижение божественной красоты. На место внерационального опыта проявления эмоций пришла первая эмпирическая эстетическая система Августина, в которой мир представляется «произведением Бога, высшего Художника», а «в онтологической иерархии прекрасное выступает одним из главных показателей бытийственности» [Бычков 2018, 141]. Ремесленник стал понимать различие между внеэстетическим утилитарным производством вещей и созданием изделий по законам красоты. В порождении красивой предметной среды он находил удовлетворение от волнующего его чувства радости.

3. Организационная (предметно-целевая) фаза.

Организационная субкультура византийских императоров и епископов стала иметь дело с целостными духовно-профессиональными сообществами граждан. Римские актеры стали византийскими чиновниками. Изменилась и «перспектива» как форма-структура связей между практиками и учеными. В новом графическом выражении она стала называться «обратной перспективой», так как состояла из двух римских концентрических перспективных разметок (схем), скоординированных между собой так, что между ними возникал эффект расширения размеров в глубину изображения, при соблюдении правил прямой перспективы внутри самих разметок. Этот эффект особенно заметен во фресковой живописи и иконописи. Новое понимание «перспективы» представлено в храмовом пространстве в виде двух ярусов куполов, как, например, в соборе Св. Софии в Константинополе. Римская космическая тема «мир в маске – мир без маски – связь двух миров» получила свое развитие в системе отношений «мир

Бога – мир под Богом – связь двух миров». Вертикаль «Вознесения» человека из мира земного к миру горнему некоторые исследователи рассматривают как новое выражение «мировой оси» и как исходную абстракцию научной поступательной модели мира.

Завершает полный цикл проектно-культурных формаций, берущих начало от эллинизма и Древнего Рима, этап симбиоза культур христианских с культурой языческой, подготавливающий переход к новому культурному циклу.

Таким образом, исследование процесса становления технологической культуры с использованием формационной (верификационной) проектно-культурной теории В.И. Пузанова позволило выявить соответствие механизмов формообразования в дизайне принципам самоорганизации в универсальной культуре и определить дальнейшие перспективы в исследовании темы социокультурной цикличности. Прежде всего, это разработка в контексте данной методологии последующих культурных циклов «Итальянское Возрождение – Новое Время – Промышленная революция XVIII – сер. XX в», выявление особенностей технологической культуры на ее современном «цифровом» этапе и построение перспективной модели культурной динамики на ближайшее столетие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимова 1994 – *Акимова Л.И.* Античный мир: вещь и миф // Вопросы искусствознания. 1994. № 2. С. 53–93.
- Баженов 2011 – *Баженов В.М.* Технологическая культура как исторический тип культуры // *Фундаментальная наука вузам*. 2011. № 2. С. 336–340.
- Бычков 2018 – *Бычков В.В.* Имплицинтная эстетика. Патристика // *Вестник культурологии*. 2018. № 2. С. 139–149.
- Демин 2012 – *Демин И.О.* Статика и динамика культуры // *Аналитика культурологии*. 2012. № 2 (23). С. 149–152.
- Каган 2003 – *Каган М.С.* Введение в историю мировой культуры. В 2 кн. Кн. 1. *Историографический очерк, проблемы современной методологии*. СПб.: Петрополис, 2003.
- Кантор 2001 – *Кантор К.М.* Проектность мира, культуры, истории // *Декоративное искусство*. 2001. № 1. С. 41–46.

- Кривов 2017 – *Кривов М.В.* Византийская культура. СПб.: Алетея, 2017.
- Кузьмичев и др. 1987 – *Кузьмичев Л.А., Сидоренко В.Ф., Щелкунов Д.Н. и др.* Методика художественного конструирования. *Дизайн-программа*. М.: ВНИИТЭ, 1987.
- Пузанов 1992 – *Пузанов В.И.* Взаимодействие интеллекта и мастерства как проблема культурных формаций в дизайне: автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. М., 1992.
- Флиер web – *Флиер А.Я.* Культурная социодинамика: многообразие возможностей [Культура культуры. 2016. № 4] // <http://cult-cult.ru/culture-of-chaos/>
- Archer 1979 – *Archer B.* The Three Rs // *Design Studies*. 1979. Vol. 1, № 1. P. 17–20.
- Sorokin 1957 – *Sorokin P.* *Social and Cultural Dynamics: A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, Law and Social Relationships*. Boston: Sargent, 1957.

REFERENCES

- Akimova L.I., 1994. Ancient World: Thing and Myth. *Voprosy iskusstvoznaniya*, no. 2, pp. 53-93.
- Bazhenov V.M., 2011. Technological Culture as a Historical Type of Culture. *Fundamental'naja nauka vuzam*, no. 2, pp. 336-340.
- Bychkov V.V., 2018. Implicit Aesthetics. *Patristics. Vestnik kul'turologii*, no. 2, pp. 139-149.
- Demin I.O., 2012. Statics and Dynamics of Culture. *Analitika kul'turologii*, no. 2 (23), pp. 149-152.
- Kagan M.S., 2003. *Introduction to the History of World Culture. In 2 Books. Book 1. Historiographical Essay, Problem of Modern Methodology*. Saint Petersburg, Petropolis Publ.
- Kantor K.M., 2001. Design of the World, Culture, History. *Dekorativnoe iskusstvo*, no. 1, pp. 41-46.
- Krivov M.V., 2017. *Byzantine Culture*. Saint Petersburg, Aletejja Publ.
- Kuzmichev L.A., Sidorenko V.F., Shchelkunov D.N. et al., 1987. *Methods of Artistic Construct. Design Program*. Moscow.
- Puzanov V.I., 1992. *Interaction of Intelligence and Skill as a Problem of Cultural Formations in Design. Dr. of Art History abs. diss.* Moscow.
- Flier A.Ja., 2016. Cultural Sociodynamics: The Diversity of Possibilities. *Kul'tura kul'tury*, 2016, no. 4. URL: <http://cult-cult.ru/culture-of-chaos/>
- Archer B., 1979. The Three Rs. *Design Studies*, vol. 1, no. 1, pp. 17-20.
- Sorokin P., 1957. *Social and Cultural Dynamics: A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, Law and Social Relationships*. Boston, Sargent.

Information About the Authors

Aleksandr V. Eretin, Candidate of Sciences (Art History), Associate Professor, Department of the Design and Decorative Art, Samara State Institute of Culture, Shostakovicha St, 2, 443010 Samara, Russian Federation, eretin-a@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2275-9520>

Majja A. Kuznetsova, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Professor, Department of the Philosophy, History and Law, Volgograd State Agrarian University, Prosp. Universitetsky, 26, 400002 Volgograd, Russian Federation, MAKuznetsova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2626-6993>

Информация об авторах

Александр Владимирович Еретин, кандидат искусствоведения, доцент кафедры дизайна и декоративно-прикладного искусства, Самарский государственный институт культуры, ул. Шостаковича, 2, 443010 г. Самара, Российская Федерация, eretin-a@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2275-9520>

Майя Анатольевна Кузнецова, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, истории и права, Волгоградский государственный аграрный университет, просп. Университетский, 26, 400002 г. Волгоград, Российская Федерация, MAKuznetsova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2626-6993>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.5>

UDC 172.4+179.6
LBC 87.6

Submitted: 17.12.2022
Accepted: 26.06.2023

HEROIC DIMENSION OF POST-HEROIC SOCIETY

Natalia A. Balakleets

Samara State Technical University, Samara, Russian Federation

Abstract. The article studies the phenomenon of heroism in the context of socio-cultural transformations that modern society is experiencing. The ability of culture to produce heroic models and behavioral matrices, which is preserved in the post-heroic era, is substantiated. The author explicates the following characteristic features of heroism. Firstly, the need to include human being in the appropriate situation in which its heroic potential is revealed. The absence or lack of constitutive situations for the phenomenon of heroism leads to transformations of socially significant criteria of military and civil heroism. Secondly, heroism is interpreted as a gift that excludes the possibility of gifts in return. Heroic behavior does not fit into the exchange paradigm and constitutes the social and existential asymmetry that does not imply a symmetrical response. Thirdly, the mediation of the heroic event by the heroic narratives is substantiated. It is shown that the moral significance and world-historical meaning of heroism cannot be comprehended from the horizon of everyday life, which has lost access to the transcendent. The article substantiates that the heroic narratives can get the status of moral examples is their epistemological incompleteness, which contributes to the aestheticization and sacralization of the feat. Accordingly, the unknown soldier phenomenon serves as the apotheosis of the mystery of the feat. Fourthly, the heroism is conceptualized as a way of establishing a new paradigm of activity and mastering of a new dimension of the world. By asserting a new mode of activity, heroism destroys the existing forms of social interaction. The problem of appearance of heroic figures in a post-heroic society is compensated by the large-scale production of media pop heroic images that serve as mimetic models. According to the author, the hallmark of true heroism, which makes it possible to distinguish it from pseudo-heroic counterparts, is the possibility of its desacralization and ethical travesty. The possibility of preserving the gift-bearing and world-affirming potential of heroism in the post-heroic society as the realization of individual life strategies is substantiated.

Key words: heroism, hero, post-heroic society, war, mimesis, gift, risk, narrative.

Citation. Balakleets N.A. Heroic Dimension of Post-Heroic Society. *Logos et Praxis*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 39-48. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.5>

УДК 172.4+179.6
ББК 87.6

Дата поступления статьи: 17.12.2022
Дата принятия статьи: 26.06.2023

ГЕРОИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОСТГЕРОИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Наталья Александровна Балаклеец

Самарский государственный технический университет, г. Самара, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлено исследование феномена героизма в контексте социокультурных трансформаций, которые испытывает современное общество. Обоснована способность культуры продуцировать героические образцы и матрицы поведения, которая сохраняется и в постгероическую эпоху. Автор выявлены следующие характерные черты героизма. Во-первых, необходимость включения человеческого бытия в соответствующую ситуацию, в которой происходит раскрытие его героического потенциала. Отсутствие или недостаток конститутивных для феномена героизма ситуаций приводит к трансформациям социально значимых критериев военного и гражданского героизма. Во-вторых, героизм трактуется как дар, исключающий возможность отдаривания. Героическое поведение не вписывается в парадигму обмена и конституирует социальную и экзистенциальную асимметрию, которая не предполагает симметричного ответа. В-третьих, обоснована опосредованность героического события конструирующими его нарративами. Показано, что нравственное значение и всемирно-исторический смысл героизма не могут быть постигнуты

из горизонта повседневности, лишенной выхода к трансцендентному. Условием придания героическим нарративам статуса нравственных образцов является их эпистемологическая неполнота, которая способствует эстетизации и сакрализации подвига. Соответственно, апофеозом тайны подвига служит феномен неизвестного солдата. В-четвертых, раскрывается смысл героизма как способа утверждения новой парадигмы деятельности и освоения нового измерения мира. Утверждая новый способ деятельности, героизм разрушает существующие формы социального взаимодействия. Проблематичность появления в постгероическом обществе героических фигур компенсируется масштабным производством медийных поп-героических образов, служащих образцами для подражания. Отличительным признаком подлинного героизма, позволяющим отграничить его от псевдогероических аналогов, выступает возможность его десакрализации и этического травестирования. Обоснована возможность сохранения дароносного и мироутверждающего потенциала героизма в постгероическом обществе на уровне индивидуальных жизненных стратегий.

Ключевые слова: героизм, герой, постгероическое общество, война, мимесис, дар, риск, нарратив.

Цитирование. Балаклеец Н. А. Героическое измерение постгероического общества // *Logos et Praxis*. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 39–48. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.5>

...Почитание героев... не может исчезнуть, пока существует человек.

Томас Карлейль

Феномен героизма относится к социально значимым практикам, которые сохранили свою актуальность и в условиях трансформации ценностно-смысловых ориентиров развития современного общества. Несмотря на широкое распространение установок индивидуализма, гедонизма, нарциссизма в массовом сознании, современная культура продолжает порождать образцы и модели для подражания, транслировать образы значимых Других, которые становятся источником конституирования различных социокультурных идентичностей.

Героизм как утверждение образцов и моделей поведения, выходящих за рамки повседневного человеческого бытия, сохраняет свою значимость и в современную постметафизическую и постгероическую эпоху¹. Об этом свидетельствует неподдельный интерес наших современников к историческому прошлому, связанный с разочарованием в масштабных социальных проектах, ориентированных на конструирование совершенного будущего. Тяга к мифологическим или религиозным нарративам, включающим героические сюжеты, не изжита даже в эпоху сциентизации и технологизации всех областей социальной жизни. «Расколдовывание мира» (М. Вебер), которое было осуществлено силами науки и техники, отнюдь не привело к утрате веры в сверхъестественное, фантастическое, превосходящее пределы изученных человеческих возможностей. Своеобразным эрзацем

образцов подлинного героизма в гедонистическом обществе, ориентированном на массовое потребление, является возрастание интереса к экстраординарному: компьютерные игры и телесериалы, в которых фигурируют средневековые рыцари («Игра престолов» и др.), популярные литературные произведения в стиле фэнтези служат средством эскапизма, отторжения рутинной и унылой повседневности, сохраняющих индустриальный облик городских ландшафтов. Сказывается не только усталость от модернизации с ее рисками и побочными эффектами, рождающая желание перехода в иной пространственно-временной пласт бытия.

Потребность в героических образцах и нарративах, представленная в современных условиях в конструировании медийных псевдогероических персонажей, обусловлена, на наш взгляд, неизбывной способностью культуры и общества к выходу за границы привычных, повседневных моделей поведения. Конституирование границ и разрывов между различными формами человеческой активности приводит к утверждению социально значимых Других, задающих ценностные векторы социальной динамики. Героический акт как действие, в ходе которого происходит преодоление новых вызовов и расширение границ человеческих возможностей, служит образцом для основанных на нем миметических (подражательных) практик – видов социальной активности, основанных на готовности следовать героическим актам или, по меньшей мере, воспринимать таковые в качестве трансцендирующих наличное бытие.

Вместе с тем псевдогероические образы значимых Других, порождаемые массовой культурой и ориентированные на подражание (супергерои), не тождественны образцам подлинного героизма. Проблема, решению которой посвящено настоящее исследование, заключается в отсутствии в отечественной научно-исследовательской литературе специальных работ, которые были бы сфокусированы на анализе феномена героизма через призму его трансформаций и особенностей его бытования в постгероическом обществе. Целью настоящей статьи является экспликация характеристик подлинного героизма, которые позволяют отграничить его от разнообразных форм псевдогероизма, в изобилии рождаемых современным обществом.

На наш взгляд, феномену героизма присущи следующие характерные черты. Во-первых, героическое поведение не имманентно человеческому бытию. Оно может проявляться при условии включения наличного бытия в соответствующую ситуацию, которая, подводя его к грани небытия, вместе с тем раскрывает массу возможностей преодоления ограниченности человеческого существования и тем самым служит источником реализации витальных и духовных потенций человека, источником воплощения полноты человеческого бытия. Критерии героизма являются подвижными и задаются тем самым конститутивной для него ситуацией и ценностными ориентирами развития общества.

Героизм в целом, безусловно, не тождествен военному героизму, но именно в военное время возникает масса ситуаций, сопряженных со смертельным риском. Война как «образцовое место героизма» рождает два героических гештальта – *воин* как аристократическая фигура, чей подвиг овеян ореолом личной славы, и *солдат* как коллективная фигура, чья значимость определяется реалиями современных технизированных войн, участники которых – миллионы анонимных, безымянных комбатантов – отличаются терпением, выдержкой и упорством [Бадью 2013, 63–66, 75–76].

Тезис о том, что героями не рождаются, подтверждается выводами военной теории. Еще К. фон Клаузевиц связывал мужество армии с духом комплектующего ее на-

рода, тем не менее, подчеркивая, что воинская доблесть возвращается лишь в условиях войны в постоянной армии [Клаузевиц 1994, 205]. Приведенный вывод представляет собой эмпирическое обоснование умозрительной сентенции Платона о необходимости изолированного образа жизни стражей. Изоляция военных от гражданских лиц, обосновываемая Клаузевицем, представляется необходимой мерой с целью формирования в армии корпоративного духа и предотвращения негативных последствий влияния установок светского общества. Постоянная армия, которая сталкивается с многочисленными вызовами и проверками на прочность, закаляется в подобных конститутивных для героического поведения ситуациях.

Нравственное значение войны, раскрытое рядом философов [Бродский 2019], заключается в формировании у человека таких добродетелей, которые могут быть возвращены исключительно в ситуациях преодоления гигантского сопротивления собственной воле: «Ряд прекраснейших человеческих качеств – решительность, настойчивость, спокойствие в опасности, стойкость в несчастье, которые имеют огромное значение и для мирной жизни, и даже для индивидуального счастья, могли обрести свой истинный характер, свое полное развитие лишь в пылу сражения» [Генц 2003, 345–346]. Показательным в данном контексте является мысленный эксперимент, предложенный И.А. Ильиным. Философ предлагает помыслить новый антропологический тип – «человекообразных», появление которого стало бы возможным при условии утраты человечеством «дара страдания». Физическое и нравственное преобразование человеческого рода, пребывающего в состоянии «неразборчивого, первобытного сладострастия» и «всесторонней сытости», привело бы к катастрофическим последствиям. Новый антропологический облик («недифференцированные, невыразительные лица», «плоские, низкие лбы», «мертвые, мелкодонные гляделки вместо бывших глаз и очей», «бессмысленно чмокающие рты») сопровождался бы вошедшей в плоть и кровь порочностью, губительной для культуры и общества [Ильин 2011, 851–852].

Геймифицированное общество, в котором военные герои утрачивают свой симво-

лический статус референтного Другого, открывает иные модальности героизма. Конструирование в современной медийной культуре «супергероев», приобретших экстраординарные способности в силу мутации, обусловленной контактом с радиоактивными веществами, демонстрирует отказ от понимания героизма как личной заслуги, результата напряжения человеческих сил и преодоления границ человеческих возможностей. Появление у супергероя сверхспособностей в результате биологической мутации нивелирует смысл героических ситуаций, закаляющих волю, и сопряженных с ними испытаний.

Отсутствие или недостаток конститутивных для героизма ситуаций приводит к трансформации критериев военного героизма, порождаемых современным обществом: «Уже не воинствующему герою как образчику жертвенности, но во все большей степени травмированному солдату, как представляется, приписывается аура сверхъестественного» [Das Heroische... web, 51–52].

Стремление обезопасить себя в ситуациях, связанных со смертельным риском, было свойственно участникам военных действий начиная с далекой древности. Еще античная мифология сохранила образ своеобразной военной шапки-невидимки – шлема Аида, который делает своего обладателя неуязвимым для врага [Аполлодор 1972, 10, 29, 132]. Современные технологии ведения военных действий позволяют комбатантам в целом ряде ситуаций быть невидимыми для объектов своих атак, которые также далеко не всегда поддаются четкой визуализации. Операторы беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), невидимые для своих жертв, лишены необходимости рисковать жизнью в непосредственной схватке с врагом. Отсутствие ситуации смертельного риска, которая позволяла бы найти в действиях операторов БПЛА героическое содержание, компенсируется попытками стигматизации дистанционных бойцов, обоснования психических травм, причиняемых их деятельностью. По свидетельству Г. Шамаю, «раньше демонстрация психических травм солдат использовалась для протеста против их насильственной мобилизации государством, сегодня же она используется, чтобы придать новой форме одностороннего насилия

героическую окраску, которой оно было лишено» [Шамаю 2020, 118].

В современном обществе проявляется тенденция отказа отождествлять героизм с воинской доблестью или деятельностью выдающихся по своим достижениям, исключительных в нравственном отношении личностей. Происходит конструирование нарративов о неполитических или контрполитических формах героизма. Смысл героического поведения усматривается не в служении Отечеству, но в проявлении гражданской инициативы, борьбе за права человека, выполнении деятельности, связанной с угрозой здоровью или сохранением (восстановлением) общественной безопасности. В ряду современных героев исследователями упоминаются *in specie* борцы за мир, добровольцы, принимающие участие в восстановлении разрушенных населенных пунктов, правозащитники, информаторы, делающие достоянием общественности незаконные действия правительства или коммерческих организаций (Whistleblower), а также пожарные из службы 9/11, спасатели или борцы за политическую свободу [Das Heroische... web, 16].

В качестве «героев будней» (*Helden des Alltags*) в Германии чествуют людей, подчас проявляющих простую заботу о ближних [Балаклеец 2021, 76]. Подобная практика, низводящая героический поступок к бескорыстному альтруистическому поведению, не связанному со смертельным риском, характерна для «постгероических обществ» [Мюнклер 2018, 189]. «Парадигма обмена», предполагающая получение пропорционального ответа на любое затраченное во имя ближнего усилие, настолько глубоко укоренена на уровне повседневного бытия членов постгероического общества, что отклонение от этой парадигмы, связанное с проявлением способности к самопожертвованию, воспринимается ими как героический поступок. С этим связана следующая выделяемая нами характерная черта героизма.

Во-вторых, героизм трактуется нами как дар, не предполагающий возможности отдаривания. Показательно, что нивелирование бескорыстного смысла дарения характерно не только для современных постгероических обществ. Так, исследование такой архаичес-

кой практики, какой является потлач, проведенное М. Моссом, показывает, что жертва, принесенная богам, по сути является *покупкой* их расположения или *обменом*, призванным умиловить или умиротворить высшие силы. Дар не является односторонним социальным действием, он непременно должен быть возмещен [Мосс 2011, 159–160]. Следовательно, принесение жертвенного дара (на наш взгляд, более уместным было бы обозначать его как «подарок») в рассматриваемой теоретической парадигме можно трактовать как учреждение миметического ряда действий, основанного на социальной симметрии. Включение дара в парадигму обмена характеризует его с утилитарно-экономических позиций как механизм поддержания социальной стабильности в архаических обществах. Утилитарный смысл дарения обнаруживается и применительно к обществам эпохи модерна. Т. Гоббс в «Левиафане» определяет дарение как небескорыстный поступок, включая его в юридический дискурс. В качестве мотивов дара, понимаемого как одностороннее перенесение права, Гоббсом указываются надежда приобретения дружбы одариваемой стороны или какой-либо услуги от нее; надежда приобретения репутации «милосердного или великодушного человека»; желание избавления «от тяжелого чувства сострадания» или надежда на получение посмертной награды [Гоббс 2001, 92–93]. В целом дар представлен в «Левиафане» как частный случай или разновидность договорных отношений. Целью дарения как добровольного акта является «приобретение блага для себя» [Гоббс 2001, 105].

Впоследствии в теоретической мысли произошла кристаллизация оппозиции дара и обмена как двух парадигм социальных отношений. «Торгаш» (*der Händler*) и «герой» (*der Held*) как два семантически полярных гештальта, составляющих мировоззренческую оппозицию, воплощают различные типы организации социальной жизни. Если для «торгаша» жизнь являет собой череду торговых сделок, ведущих к материальному успеху, то «герой» рассматривает собственную жизнь как задачу, поставленную перед ним высшей силой, выполнение которой требует отречения от собственного Я [Зомбарт 2005, 15–16, 52–53].

На наш взгляд, героический поступок не может быть понят в качестве элемента отношений обмена и в этом заключается его дароносное содержание. Героизм конституирует социальную и экзистенциальную асимметрию, которая не предполагает симметричного ответа. Асимметричный характер героизма может быть понят амбивалентно. С одной стороны, асимметрия задается ситуацией противостояния заведомо более сильному в военно-технологическом отношении сопернику. (Героем невозможно стать, одолев слабого, лишенного возможности сопротивления: в этом смысле кощунственными представляются попытки героизации не только террористов, акты агрессии которых направлены на беззащитные жертвы, но и тех участников дистанционных военных действий, которые также имеют дело не с сопоставимыми по силам соперниками, но с живыми мишенями, подлежащими уничтожению.) С другой стороны, героический жертвенный дар есть феномен, который не может быть понят в логике симметричного обмена.

Симметричный характер *обмена* связан с необходимостью ответа на обретенные блага. Ценность *дара* заключается в изначальной невозможности отдаривания: дарящий, движимый надеждой на приобретение ответных благ, обесценивает акт дарения, обращая дар в подарок. Дар собственной жизни – высший из возможных даров – не должен быть бессмыслен. Риск героя – это не безрассудный риск авантюриста, который ищет удовольствие в приключении самом по себе. Жертва, принесенная героем ради спасения жизни других, не должна быть напрасной. В этом смысле «ответом» на героический *дар* может быть *благодарность* – посмертное воздаяние спасенных, чтущих жертву героя. Этическое обязательство выживших перед павшими героями заключается в межпоколенческой трансляции события героизма как элемента коллективной памяти.

В-третьих, следует различать героическое событие и конструирующие его нарративы. Героическое событие становится объектом знания посредством повествующих о нем нарративов, которые должны служить свидетельствами его онтологической свершенности. Потребность общества в исторических

свидетельствах героизма объясняется тем обстоятельством, что подлинный герой никогда не признает себя таковым (по крайней мере, публично). Подлинный героизм не может быть представлен в «я-героических» нарративах. Это связано не столько с отсутствием возможности дать слово самому герою (часто павшему) для рассказа о своем подвиге, сколько с травестированием подобными нарративами ценности и смысла подвига. «Я-героический» нарратив представляется кощунственным, циничным или ироничным в условиях наличия в обществе высоких героических образцов, и лишь в постгероическом обществе такие названия компьютерных игр или музыкальных групп, как «Я герой» или «Мы герои», воспринимаются как нечто естественное, не вызывая вербального и экзистенциального отторжения.

Героические нарративы, выступающие источником знания о героическом событии, конституируют его в качестве реального референта. Иными словами, нарратив конструирует двойную реальность: с одной стороны, знаково-символическую реальность (текст), с другой стороны – открываемое этим текстом событие. При этом эпистемологическая неполнота, свойственная героическим нарративам, и, более того, своеобразное этическое вето на их верификацию являются неотъемлемым условием формирования доверия к их содержанию и придания им статуса нравственных образцов. Героические нарративы, деликатно опускающие нелюбимые подробности жизни восплаемых ими персонажей, имеют воспитательное значение, на что указывает еще Платон: для воспитания стражей надобно исключить из «повествований и стихов» «сетования и жалобные вопли прославленных героев» [Платон 2015, 101]. Смакование физиологических или психологических подробностей подвига, критическая рефлексия над (не)возможностью его свершения лишают фигуру героя и героическую ситуацию ореола тайны. Сохранение в героическом нарративе элементов тайны подвига является условием эстетизации и сакрализации последнего.

Осмысливая известную поговорку «для камердинера нет героя», Г. Гегель отмечает, что дело заключается не в отсутствии героев

как таковых, но в неразличимости феномена героизма из перспективы камердинера: «Камердинер снимает с героя сапоги, укладывает его в постель, знает, что он любит пить шампанское и т. д.» [Гегель 2000, 83–84]. Таким образом, из перспективы камердинера нельзя *увидеть* героя. Очевидно, что слуга лишен возможности проживания героических ситуаций вместе со своим господином. Великий полководец или выдающийся политический деятель, приводящий в трепет целые армии, решающий судьбы миллионов, может приобрести из перспективы камердинера статус аморального лица, движимого низменными страстями и желаниями. Причем в качестве подобного «камердинера» может выступать отнюдь не только слуга, которому доступны самые интимные стороны жизни своего выдающегося господина. («Человек должен есть и пить, у него есть друзья и знакомые, он испытывает разные ощущения и минутные волнения» [Гегель 2000, 83].) Ниспровержение величия всемирно-исторических личностей, движимых, согласно Гегелю, не своими эгоистическими интересами, но воплощающих в своей деятельности «волю мирового духа», присуще и историческим нарративам, создаваемым «психологическими камердинерами» – историками, подводящими под великие исторические свершения низменные мотивы. Следовательно, вопрос заключается в том, как достигается видение героического. Как обыденные представления, так и исторические нарративы, реализующие эксплицированную Гегелем «перспективу камердинера», не позволяют увидеть в герое героя, ибо они акцентируют бытовую сторону и психологические детали его портрета. Нравственное значение и всемирно-исторический смысл героизма не могут быть постигнуты из горизонта повседневности, лишенной выхода к трансцендентному. Как справедливо замечает А. Бадью, «подлинная сущность символической фигуры солдата – в том, что он неизвестен» [Бадью 2013, 65–66]. Бадью делает акцент на анонимном и собирательном характере фигуры солдата, подчиненного коллективной дисциплине и противопоставляя его, как было отмечено выше, аристократической фигуре воина. Мы же полагаем, что значение культа неизвестного солдата заключается в

намеренном отсечении индивидуально-личностных черт, которые, несомненно, ему присущи. Героический нарратив, утверждающий рассматриваемый культ, препятствует его оповседневничанию и вульгаризации, способствуя сохранению нравственного значения и тайны подвига. В этом смысле феномен неизвестного солдата представляет собой апофеоз военной доблести и героизма.

В-четвертых, героизм есть утверждение новой парадигмы деятельности и связанное с ним освоение нового измерения мира. Правомерным в данном контексте представляется сравнение героической личности с узником, покинувшим узкие рамки платоновской пещеры. Человеческая активность, даже технологически сложная, но подчиняющаяся устоявшимся, апробированным маской предшественников схемам и алгоритмам, несет в себе заряд миметизма и отодвигает границу неизведанного и рискованного. Собственно, технологизация и алгоритмизация различных сфер социальной жизни могут быть рассмотрены в качестве попыток человека обезопасить себя от непредсказуемых последствий собственной деятельности, исключить из нее факторы риска и неопределенности. Напротив, утверждение нового способа деятельности в условиях неопределенности и риска для жизни содержит в себе героическое начало, даже если герой-первопроходец не найдет последователей.

Показательным является гегелевское определение героев как «индивидов, которые по самостоятельности своего характера и своей воли берут на себя бремя всего действия, и даже если они осуществляют требования права и справедливости, последние представляются делом их индивидуального произвола» [Гегель 2007, 244]. Век героев неслучайно связывается Гегелем с добродетелями древних греков, расцветшими в условиях отсутствия как четко оформленного законодательства, так и всеобъемлющего государственного порядка. Героем, согласно Гегелю, невозможно стать, подчиняясь всеобщему правовому порядку. Герой – это тот, кто учреждает закон в беззаконном мире; устанавливает государство в дополитическом состоянии, проявляя «свободную самостоятельную добродетель» [Гегель 2007, 244].

Условием героического поведения по Гегелю выступает несоответствие внешнего внутреннему, «несчастное сознание» [Валь 2006], когда нравственный идеал мыслится недостижимым в земном мире. Нравственный закон носит субъективный, внутренний характер, в то время как внешняя действительность безнравственна. Героизм, таким образом, существует лишь на стадии субъективного духа. На стадии объективного духа, когда нравственный закон получает выражение во внешнем мире, героизм уже невозможен или неуместен (случай Дон Кихота), поскольку отсутствуют необходимые для его осуществления условия. Соответственно, в условиях законодательной регламентации всех сфер социального бытия проблематичной становится возможность проявления индивидуального начала деятельности. Задолго до провозглашения постгероической эпохи [Люттвак 2012; Мюнклер 2018] Гегель приходит к выводу о проблематичности появления героев в обществе, где индивидуальное подчинено всеобщему. Разветвленная система социальных отношений, в которой переплетаются разнообразные формы человеческой активности, препятствует проявлению героизма в его индивидуальном мироутверждающем измерении.

С позиции феноменологической социологии, героический поступок может быть рассмотрен как внесение поведенческой асимметрии в привычные, освоенные формы социальной активности. Подвиг представляет собой феномен, нарушающий сложившуюся в социальном универсуме систему intersубъективных ожиданий. Экстраординарный характер подвига несовместим с привычной для повседневного человеческого бытия установкой «и так далее», согласно которой мир, каким я его знаю (и разделяю это знание с другими), будет сохранять свои свойства и в дальнейшем. Героизм разрушает социальную инерцию, основанную на существовании системы привычного знания и рутинных, алгоритмизированных способов взаимодействия, утверждая новый, непроторенный путь деятельности.

Проблематичность появления в современном обществе героев-учредителей, чья деятельность вносит парадигмальные изменения

в систему сложившихся форм человеческой активности, компенсируется нарративными стратегиями, направленными на конструирование (псевдо)героических фигур, репрезентирующих прошлое и настоящее. Наряду с ретроспективными нарративными стратегиями, направленными на поддержание в коллективной памяти феноменов, связанных с героическими страницами истории, следует отметить значимость нарративов о героях современности. При этом отличительной особенностью, позволяющей отграничить подлинный героизм от его псевдогероических аналогов, является, на наш взгляд, возможность его детрансцендирования, десакрализации и этического травестирования². По отношению к таким героическим фигурам, как воин или дароносец, возможно проявление кощунства, цинизма или иных способов этического нивелирования их ценности. Но невозможно лишить трансцендентного и сакрального измерения детрансцендированный и десакрализованный мир, переживший событие «смерти Бога». Соответственно, пародия или ирония в отношении таких фигур, рождаемых массовой культурой, как «супергерои», не воспринимается как кощунство или цинизм. Постгероическое общество, утратившее прорыв к трансцендентному, в изобилии тиражирует эпатажные поп-героические образы, которые лишены национально-культурных смыслов и исторических коннотаций. Выхолащивание сакрального содержания, присущего подлинному героизму, достигается путем наделения супергероев такой чертой, как бессмертие. Гектор в «Илиаде» погибает на поле сражения, как подобает герою. Но практически невозможно представить гибель супергероя – Бэтмена или Супермена. Кроме того, поп-героические фигуры воплощаются преимущественно в формах визуальной культуры, не требующих создания развернутых нарративов. Иными словами, лапидарное текстовое сообщение становится простым придатком к яркому зрительному образу.

Закономерен вопрос о возможности подлинно героического бытия в постгероическом обществе, продуцирующем псевдогероические образцы поведения в качестве миметических матриц. На наш взгляд, в условиях постгероического настоящего возможность дароносного и мироутверждающего потенци-

ала героизма сохраняется на уровне индивидуальных жизненных стратегий. Почвой для произрастания элементов героизма служат реликты трансцендентного, которые сохраняются и в разбожествленном и «расколдованном» (М. Вебер) мире. Ницшеанская метафора «тени Бога» [Ницше 2014, 427] может служить объяснительным механизмом человеческого поведения, обусловленного «инерциальными эффектами метафизики». Вопреки непрерывным попыткам детрансцендирования мира и профанации трагического пафоса культуры сохраняются возможности отыскания вечного в конечном, выбора мирозозидающей и мироутверждающей жизненной стратегии, которая возвышает человека над бренностью его повседневного бытия.

Проведенный анализ показал, что складывающиеся черты постгероического общества, которое задает стандарты беспроблемного индивидуализированного существования и конструирует медийные стратегии самореализации, вместе с тем позволяют и более глубоко проникнуть в суть героического измерения культуры. Выявленные в настоящей статье характеристики героизма (включенность в ситуацию; дароносный характер; явленность в героических нарративах; способность утверждать новую парадигму деятельности) отграничивают его от псевдогероических феноменов и демонстрируют спектр возможностей реализации героического начала человека.

Модели самоотверженного поведения, которые некогда были возведены на уровень коллективных социальных практик, в постгероическом обществе наделяются статусом девиации³ и утрачивают устойчивый миметический заряд. Псевдогероизм служит фоном, оттеняющим грани подлинного героизма, и одновременно симптомом неудовлетворенности общества своим наличным бытием. Отсутствие высоких смыслов и ценностей с избытком компенсируется эпатажными образами массовой поп-героической культуры. Таким образом, героическая стратегия существования в постгероическом обществе (будь то военный или гражданский героизм) предполагает преодоление гигантского сопротивления обстоятельств, не благоприятствующих взращиванию и культивированию героического духа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Понятие «постгероизм» распространяется, прежде всего, на высокотехнологичные западные общества, которые отказываются от массового рекрутирования солдат на поля сражений, избирая дистанционные способы ведения войны. В основе постгероического этоса лежит утрата «идеалов жертвоприношения и чести», понимание под жертвоприношением не подвига, а мученичества. Ключевыми факторами, способствующими переходу общества на постгероическую стадию, служат снижение демографического роста и утрата значения религии для социальной жизни [Мюнклер 2018, 189].

² Как отмечает Д.Э. Гаспарян: «Детрансцендирование («одномерность») в случае «смерти Бога» по Ф. Ницше означает именно десакрализацию – «расколдование мира», в котором уже нет места мистериальности и таинственности» [Гаспарян 2013, 33].

³ Причисление героического поведения к разновидностям девиантного, ставшее «общим местом» современной социологии, представляет собой, по нашему мнению, весьма типичный симптом постгероического общества, аналогичный приданию статуса полноценного героизма «героям будней». Если героизм воспринимается как девиация, то он утрачивает значение воспитательного образца и нравственного ориентира, задающего векторы совершенствования человека и общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аполлодор 1972 – *Аполлодор*. Мифологическая библиотека. Л.: Ленингр. отд-ние изд-ва «Наука», 1972.
- Бадью 2013 – *Бадью А.* Загадочное отношение философии и политики. М.: Ин-т общегуманитар. исслед., 2013.
- Балаклеец 2021 – *Балаклеец Н.А.* Пути трансформации героизма в постгероическом обществе // *Достоинство человека: актуальные измерения: коллектив. моногр.* М.: *Практ. медицина*, 2021. С. 66–80.
- Бродский 2019 – *Бродский А.И.* Неизвестный солдат: философская апология войны и ее истоки // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология.* 2019. Т. 35, № 4. С. 551–562. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.402>
- Валь 2006 – *Валь Ж.* Несчастное сознание в философии Гегеля. СПб.: Владимир Даль, 2006.
- Гаспарян 2013 – *Гаспарян Д.Э.* Стратегии детрансцендирования в современной континентальной философии // *Трансцендентное в совре-*

менной философии: направления и методы. СПб.: Алетейя, 2013. С. 23–47.

Гегель 2000 – *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 2000.

Гегель 2007 – *Гегель Г.В.Ф.* Эстетика. В 2 т. Т. 1. СПб.: Наука, 2007.

Генц 2003 – *Генц Ф.* О вечном мире // *Трактаты о вечном мире.* СПб.: Алетейя, 2003. С. 316–350.

Гоббс 2001 – *Гоббс Т.* Левиафан. М.: Мысль, 2001.

Зомбарт 2005 – *Зомбарт В.* Торгаши и герои: раздумья патриота // *Собрание сочинений.* В 3 т. Т. 2. СПб.: Владимир Даль, 2005. С. 8–104.

Ильин 2011 – *Ильин И.А.* Поющее сердце. Книга тихих созерцаний // Ильин И.А. *Путь духовного обновления.* М.: Ин-т рус. цивилизации, 2011. С. 740–906.

Клаузевиц 1994 – *Клаузевиц К.* О войне. М.: Логос: Наука, 1994.

Люттвак 2012 – *Люттвак Э.* Стратегия: Логика войны и мира. М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2012.

Мосс 2011 – *Мосс М.* Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // *Мосс М.* *Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии.* М.: КДУ, 2011. С. 134–285.

Мюнклер 2018 – *Мюнклер Г.* Осколки войны: Эволюция насилия в XX и XXI веках. М.: Кучково поле, 2018.

Ницше 2014 – *Ницше Ф.* Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 3. М.: Культ. революция, 2014.

Платон 2015 – *Платон.* Государство. М.: Акад. проект, 2015.

Шамаю 2020 – *Шамаю Г.* Теория дрона. М.: Ад Маргинем Пресс: Музей соврем. искусства «Гараж», 2020.

Das Heroische... web – *Das Heroische in der neueren kulturhistorischen Forschung: Ein kritischer Bericht* // <http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de/index.asp?id=2216&view=pdf&pn=forum&type=forschungsberichte>

REFERENCES

- Apollodor, 1972. *The Mythological Library.* Leningrad, Leningradskoe otdelenie izd-va «Nauka».
- Badiou A., 2013. *The Mysterious Relationship Between Philosophy and Politics.* Moscow, Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy Publ.
- Balakleets N.A., 2021. Ways of Transformation of Heroism in Post-Heroic Society. *Dostoinstvo cheloveka: aktual'nye izmereniya: kolektiv. monogr.* Moscow, Prakticheskaiia meditsina Publ., pp. 66-80.
- Brodsky A.I., 2019. An Unknown Soldier: Philosophical Apology of War and Its Origins. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict*

- Studies*, vol. 35, no. 4, pp. 551-562. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.402>
- Wahl J., 2006. *The Unhappy Consciousness in Hegel's Philosophy*. Saint Petersburg, Vladimir Dal' Publ.
- Gasparyan D.E., 2013. The Non-Transcendence Strategies in Contemporary Continental Philosophy. *Transtsendentnoe v sovremennoi filosofii: napravleniia i metody*. Saint Petersburg, Aleteiia Publ., pp. 23-47.
- Hegel G.W.F., 2000. *Lectures on the Philosophy of History*. Saint Petersburg, Nauka Publ.
- Hegel G.W.F., 2007. *Aesthetics*. In 2 Vols. Vol. 1. Saint Petersburg, Nauka Publ.
- Gentz von F., 2003. About Perpetual Peace. *Traktaty o vechnom mire*. Saint Petersburg, Aleteiia Publ., pp. 316-350.
- Hobbes Th., 2001. *Leviathan*. Moscow, Mysl' Publ.
- Sombart W., 2005. Traders and Heroes: Patriotic Reflections. *Sobranie sochinenii*. In 3 Vols. Vol. 2. Saint Petersburg, Vladimir Dal' Publ., pp. 8-104.
- Ilyin I.A. 2011. The Singing Heart. The Book of Silent Contemplation. Ilyin I.A. *Put' dukhovnogo obnoveniia*. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii Publ., pp. 740-906.
- Clausewitz von C., 1994. *On War*. Moscow, Logos Publ., Nauka Publ.
- Luttwak E., 2012. *Strategy: The Logic of War and Peace*. Moscow, Russkii fond sodeistviia obrazovaniu i nauke Publ.
- Mauss M., 2011. The Gift. Forms and Functions of Exchange in Archaic Societies. Mauss M. *Obshchestva. Obmen. Lichnost'*. *Trudy po sotsial'noi antropologii*. Moscow, KDU, pp. 134-285.
- Münkler H., 2018. *Shards of War. The Evolution of Violence in the 20th and 21st Centuries*. Moscow, Kuchkovo pole Publ.
- Nietzsche F., 2014. *Complete Works*. In 13 Vols. Vol. 3. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia Publ.
- Plato, 2015. *Republic*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ.
- Chamayou G., 2020. *A Theory of the Drone*. Moscow, Ad Marginem Press Publ, Muzei sovremennogo iskusstva «Garazh».
- Das Heroische in der neueren kulturhistorischen Forschung: Ein kritischer Bericht*. URL: <http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de/index.asp?id=2216&view=pdf&pn=forum&type=for schungsberichte>

Information About the Author

Natalia A. Balakleets, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy, Social Sciences and Humanities, Samara State Technical University, Molodogvardeyskaya St, 244, 443100 Samara, Russian Federation, bnatalja@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5191-3318>

Информация об авторе

Наталья Александровна Балаклеец, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Самарский государственный технический университет, ул. Молодогвардейская, 244, 443100 г. Самара, Российская Федерация, bnatalja@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5191-3318>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.6>

UDC 1(091)
LBC 87.3(2)

Submitted: 14.12.2022
Accepted: 26.06.2023

GUILT AND RESPONSIBILITY FOR CRIME IN THE PHILOSOPHICAL VIEWS OF L.N. TOLSTOY AND F.M. DOSTOEVSKY

Aleksandr V. Kiryakin

Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation

Abstract. The article explores the dispute about the nature of a crime (guilt) and a punishment (responsibility) in the literary heritage of the Great Russian writers – F.M. Dostoevsky and L.N. Tolstoy. In main task is to determine the difference in the approaches of writers to understanding crime and punishment. This problem is worked out by means of a comparative analysis on the views F.M. Dostoevsky and L.N. Tolstoy. They both provide original ideas about the source of a crime: a human soul or the social environment. It is revealed that Dostoevskys characters are searching for response to a question in the deepest foundations of a human soul, whereas, according to Tolstoy, the social environment – people themselves as the creators of their environment, lead other people to crimes and then punish them. It is revealed that F.M. Dostoevsky gives his own understanding of the essence of guilt and responsibility. Guilt is a consequence of the fall of man (the fall away from God). As long as a man is separated from God, he feels guilty about his free choice. It is stated that according to the writers, either a man punishes himself with a crime and then the crime becomes a punishment (Dostoevsky), or others punish him and commit a crime violating the Commandment: “Condemn not, and you shall not be condemned” (Tolstoy). Ultimately, a crimes as well as repentance always occur as a result of a change in a human soul. According to Dostoevsky, these actions require a man to change his spiritual nature. It turns out that at the same time, Tolstoy believed that a crime and a punishment cannot take place outside the social environment. This conclusion is confirmed in modern social practice. It is stated that modern society has mitigated punishments and demonstrated that partially limited rights and the positive social influence more effectively contribute to the correction of a man.

Key words: F.M. Dostoevsky, L.N. Tolstoy, destructive nature, essence of guilt, social environment, responsibility.

Citation. Kiryakin A.V. Guilt and Responsibility for Crime in the Philosophical Views of L.N. Tolstoy and F.M. Dostoevsky. *Logos et Praxis*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 49-59. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.6>

УДК 1(091)
ББК 87.3(2)

Дата поступления статьи: 14.12.2022
Дата принятия статьи: 26.06.2023

ВИНА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДАХ Л.Н. ТОЛСТОГО И Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Александр Викторович Кирякин

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуется спор о природе преступления (вины) и наказания (ответственности) в творчестве великих русских писателей Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Ставится задача определить разницу в подходах писателей к пониманию преступления и наказания. Данная задача решается на основе сравнительного исследования взглядов писателей. И Ф.М. Достоевский, и Л.Н. Толстой дают оригинальные суждения о том, где зарождается преступление: в душе человека или под влиянием социальной среды. Установлено, что герои Ф.М. Достоевского склонны искать ответ на поставленный вопрос в себе самих, доходя до глубинных основ человеческой души, тогда как у Л.Н. Толстого социальная среда, сами люди, как создатели этой среды, толкают других людей на преступления, за которые потом их наказывают. Определено, что Ф.М. Достоевский дает собственное понимание сущности вины и ответственности. Появление вины видится им следствием грехопадения (отпадения от Бога), и пока человек отделен от Бога, он обречен чувствовать вину

за свой свободный выбор. Согласно писателям, сущность наказания состоит в следующем: человек наказывает преступлением сам себя, и тогда преступление выступает наказанием (Ф.М. Достоевский), либо его наказывают другие, сами при этом совершая преступление – нарушая божественную заповедь «не судите да не судимы будете» (Л.Н. Толстой). В конечном итоге преступление всегда следствие изменения души человека, как и раскаяние – все эти действия, как полагал Ф.М. Достоевский, требуют от человека изменения своей духовной природы. Л.Н. Толстой полагал, что ни преступление, ни наказание, ни раскаяние не могут происходить вне социальной среды. Данный вывод находит подтверждение в современной социальной практике. Таким образом, современное общество пошло путем смягчения наказания. Это показало закономерность того, что частично ограниченные права при позитивном влиянии социума эффективнее способствуют исправлению человека.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, деструктивность, сущность вины, социальная среда, ответственность.

Цитирование. Кириякин А. В. Вина и ответственность за преступление в философских взглядах Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского // *Logos et Praxis*. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 49–59. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.6>

В книге Мишеля Фуко «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» отмечено, как процесс наказания за совершенное преступление в Новое время проходит определенную эволюцию: происходит переход с наказания тела к наказанию души, «наказание перестает быть театром», зрелищем на потеху публике. Вместе с этим постепенно уходят в прошлое публичные казни, где палачи разных стран как бы соревновались друг с другом в искусстве убийства своей жертвы [Фуко 2016, 9–12].

Одновременно это означает и известное внешнее смягчение наказания, которое на деле представляло собой смещение акцента: «искупление, которое некогда терзало тело» заменялось «наказанием, действующим в глубине, – на сердце, мысли, волю, наклонности» [Фуко 2016, 14–15]. Сам процесс установления обстоятельств по делу приобретал совершенно новые элементы. В частности, для правосудия стала важна личность преступника (например, что толкнуло его на совершение преступления), а также какого рода наказание может способствовать его исправлению [Фуко 2016, 15–16]. Обозначенные вопросы вызвали ожесточенные споры как в судебной практике, так и в общественной и философской мысли. Ярким примером этих споров стали диаметрально противоположные к ним подходы со стороны великих русских писателей – Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого.

О преступлении

Какова сущность преступления и природа закона, за нарушение которого полагается

наказание? Насчет преступления все кажется довольно очевидным (есть уголовное право, человек, преступивший его, совершает противоправное деяние, именуемое преступлением), как и на счет наказания (предусмотренное нормами уголовного права за совершенное противоправное деяние). Но эта очевидность является кажущейся, превратной: внешний формализм не позволяет проникнуть в сущность этих категорий. Первая сущность – природа закона.

В свое время Франц Кафка весьма остро поставил вопрос о природе закона, сведя его к абсурдистскому выводу: люди повинуются законам, которых не знают. А есть ли на самом деле эти законы, не плод ли они коллективной галлюцинации? Вторая же сущность касается души. В какой-то степени кафкианский «Процесс» можно свести к человеческой жизни: процесс открыт, и человек лишь его жертва. Человек умрет, как и жил: абсурдно, подчинив свою волю внешним обстоятельствам, не добившись ответов на вопросы, ни ради чего он жил, ни за что умирает. Человек даже не имеет права получить на них ответы, единственное, что у него осталось, это право их задать, и это право само под вопросом – таков вердикт Франца Кафки [Кафка 2007, 520–522].

Однако же мы таковы, каковы есть. А законы – суть внешние флажки, ограждающие наше бытие-в-мире от бытия-в-мире себе подобных. Они могут быть абсурдными в кафкианском смысле, греховными и ненужными в толстовском правовом нигилизме, необходимыми, несмотря на все свои изъяны, по

Ф.М. Достоевскому. Мы наделяем судей правом быть говорящим законом, надеясь, что он не коснется нас самих, мы создаем теорию разделения властей и окружаем ее системой сдержек и противовесов, чтобы власть законодательная, идущая от людских масс, имела возможность принимать те законы, которые люди считают для себя необходимыми, и не принимать иных, испытывая негативное давление других ветвей власти. Но при этом мы те, кем мы являемся. Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой ставят перед нами весьма сложный вопрос: душа или социальная среда источник преступления?

Среда или душа?

В «Дневнике писателя» за 1873 г. Ф.М. Достоевский относительно среды, то есть социального окружения личности, замечает, что, делая ответственной за все среду, мы руководствуемся учением, противоположным христианству. Тогда как христианство провозглашает единство свободы и ответственности, теория среды низводит «человека к зависимости от каждой ошибки в устройстве общественном» [Достоевский 2007, 62–63]. Христианство провозглашает достоинство личности, теория среды обезличивает и, тем самым, освобождает человека «от всякого нравственного личного долга, от всякой самостоятельности, доводит до мерзейшего рабства» [Достоевский 2007, 63].

Здесь интересно и то, что по Ф.М. Достоевскому русский народ жалостлив, и даже склонен оправдывать людей, совершивших преступление, сознавая и собственную греховную природу, разделяя, таким образом, вину преступника, а как может судить тот, кто сам не без греха? [Достоевский 2007, 62]. Здесь проходит важнейший водораздел между точками зрения Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Последний настаивает на том, что тот, кто сам греховен, не вправе судить другого человека. И, если Бог дал эту заповедь, то она не терпит исключений. А кто судит у нас? Люди, которые более заняты самими собою и своими личными интересами, а не истиной [Гольденвейзер 1911, 23].

Толкование Л.Н. Толстым заповеди «не судите да не судимы будете» максимально выхо-

дит за рамки традиционного церковного толкования: «Иисус говорит: Не судите и не судитесь, а прощайте, всё прощайте. Вы будете прощать, и вам будут прощать. А если вы будете судить, и вас будут судить, и зло никогда не кончится. И, как в прежних правилах, дав правило, Иисус с двух сторон объясняет его: с внутренней – для каждого, и с внешней – для всех. Для каждого он говорит: Как может кто-нибудь из людей судить другого? Ведь судящий должен видеть, что хорошо и что дурно, но как же ему видеть, что хорошо, что дурно, когда он сам судит, т. е. хочет мстить и наказывать; он тем самым, что судит, уже утверждает зло, и потому, если он судит, то он сам слепой, который хочет вести слепого... И потому, если они наказывают, – не верьте, что они добры. Вот смысл этого места» [Толстой 1957в, 242–243].

Как нельзя судить, так «нельзя и не должно... приговаривать к наказаниям». В этом вопросе Л.Н. Толстой радикален: «Если бы и не сказано было после этого: не судите и не приговаривайте к наказанию и тогда бы ясно было, что это само собою разумеется, потому что Иисус Христос учит всех прощать. Кто же будет наказывать, если он всех учит не противиться злу и не мстить... Кроме того, разве всё учение прощения, все притчи: о прощенной блуднице, о должнике, самая молитва, учащая прощать должникам нашим, разве всё не говорит то же самое? Но тут еще прямо двумя словами, такими, которым нельзя придать никакого другого смысла, сказано: Не судите судами, не приговаривайте к наказаниям. И что же? Все церкви, все толкователи говорят, что это значит: *évitez, lamédiance*, не сплетничай – и больше ничего. Не сплетничать и не говорить дурного о людях – недурно; но прежде всего надо их не судить судами, не наказывать, не исправлять, не мстить, – это главное и сказано» [Толстой 1957в, 245].

Суд

На генезис подобных взглядов Л.Н. Толстого повлияло одно важное событие его биографии. П.В. Басинский упоминает, как Л.Н. Толстой в 1866 г. согласился быть защитником писателя Василия Шабунина на суде, обвиняемого в том, что тот ударил по лицу

ротного командира Яцевича. По законам военного суда писарь был приговорен к смертной казни. Причем в этой истории симптоматично все: и нежелание назначенных судей сослуживцев осудить Шабунина на смертную казнь, но все равно «выполнивших свой долг», и нежелание самого Яцевича, чтобы писарь был приговорен именно к смерти. И даже долгая бюрократическая процедура, связанная с попыткой Л.Н. Толстого выхлопотать помилование Шабунина у императора. Пока она шла, «командующий войсками Московского военного округа утвердил приговор» [Басинский 2018, 83–84]. Очевидцы писали, что «у молодых солдат, которые стреляли в писаря Шабунина, тряслись от волнения руки», но и они честно выполнили свой долг [Басинский 2018, 85–86]. Все выполнили свой долг... Ряд описанных деталей Л.Н. Толстой в последствии включил в роман «Воскресенье», а сами они – лишь одно из свидетельств «банальности зла».

Похожий случай был и в жизни французского писателя экзистенциалиста Альбера Камю: «...я подал петицию о помиловании шестерых тунисцев, приговоренных к смерти за убийство во время беспорядков трех французских жандармов. Обстоятельства убийства затрудняли определение степени вины каждого из участников. Ответ, полученный мною из канцелярии Президента республики, гласил, что моя просьба является вмешательством в деятельность компетентных органов. За две недели до получения ответа я узнал из газет, что приговор по этому делу уже приведен в исполнение. Трое осужденных были казнены, трое других – помилованы. Причины осуждения одних и помилования других не определены. Просто нужно было казнить именно троих, поскольку жертв было столько же» [Камю 1998а, 142]. Альбер Камю сделал вывод, что «наказание карающее, но не предотвращающее и впрямь заслуживает имя мести» [Камю 1998а, с. 141–142].

Вина

По Альберу Камю чувство вины навязано обществом, а наказание выступает мстостью общества, которую приводят в исполнение: «Убийце или палачу приходится довольствоваться лишь тенью победы – ведь

они не могут чувствовать себя невиновными. Им нужно вызвать чувство вины у своих жертв, чтобы в том безысходном мире, где они оказались, всеобщая виновность послужила оправданием новых актов насилия. Когда понятие невиновности истребляется даже в сознании невинной жертвы, над этим обреченным миром окончательно воцаряется культ силы. Вот почему омерзительные и страшные ритуалы покаяния так распространены в этом мире, где разве что камни избавлены от чувства вины... Право на убийство и унижение спасает рабскую душу от небытия» [Камю 1998в, 237].

Процесс, суд, вина – одни из центральных проблем литературы модернизма. Но предтечами выступили Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой. А.С. Гольденвейзер неслучайно в моменте описания судебной процедуры в романах Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского сопоставляет двух великих писателей: оба они показывают, что люди, которым вменили в обязанность вершить суд, заняты чем угодно, но не разбором дела по существу, каждый из них руководствуется собственными страстями, и в обоих случаях суд заканчивается осуждением невиновного лица. И, если для Ф.М. Достоевского суд и осуждение бывают необходимы в грешном мире, более необходимы для исправления самого преступника (А.С. Гольденвейзер отмечает, что в романе «Братья Карамазовы» присяжные вынесли обвинительное решение не из-за того, что было доказано отцеубийство Дмитрия Карамазова, а за *распущенную жизнь обвиняемого*), то для Л.Н. Толстого «дело уголовного суда есть дело не только лишнее, напрасное и жестокое, но дело, противное человеческой натуре» [Гольденвейзер 1911, 24].

Для Л.Н. Толстого «теория среды» тесно связана как с социальным окружением человека, так и с местом его проживания. Джордж Стайнер описывает взгляды писателя на положение человека в обществе, как ситуацию с загнанным охотниками зайцем: и «высшее общество ходит на охоту стаей» (здесь – на «охоту» за чуждым обществом человеком), и город, как внешняя, чуждая по отношению к человеку, среда, противопоставлена ему «социальной несправедливостью, искус-

ственными сексуальными условностями, бездушной демонстрацией богатства...» [Стайнер 2019, 117]. Для Л.Н. Толстого описанные условия – суть отчуждение человека «от фундаментальных моделей природного существования», которые он видит в жизни на природе, добывании трудом «хлеба насущного» [Стайнер 2019, 117].

Чтобы освободиться, человек должен очиститься. Сделать это возможно только встав на путь того, что Л.Н. Толстой понимал, как «очистительная дорога» (например, для Пьера Безухова это путь вместе с другими пленными через сожженную Москву [Стайнер 2019, 121], для Нехлюдова – отъезд в свои поместья, и т. п.). Здесь Стайнер обнаруживает близость взглядов Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Оба они используют в своих произведениях этот «мотив отъезда навстречу спасению», но здесь же и видится различие во взглядах: «толстовским героям <спасение> дает земля», «великим грешникам» Ф.М. Достоевского спасение можно обрести лишь в Царствии Божьем [Стайнер 2019, 125], заслужив его поистине духовным подвигом раскаяния, которое невозможно без осознания вины.

Делая выбор в пользу души, Ф.М. Достоевский наказание трактует как часть духовного подвига, без которого невозможна μετάνοια. Так подлинное раскаяние по Ф.М. Достоевскому невозможно без санкционированного извне (со стороны государства) наказания. В подтверждение этой мысли писатель приводит свой опыт каторги. Каторжане «большую частью народ был мрачный, задумчивый. Про преступления свои никто не говорил. Никогда я не слышал никакого ропота. <...> Но, верно говорю, может, ни один из них не миновал долгого душевного страдания внутри себя, самого очищающего и укрепляющего... я видал их в церкви молящихся перед исповедью... помню их лица, – о, поверьте, никто из них не считал себя правым в душе своей!» [Достоевский 2007, 66–67].

Преступление, как феномен одновременно индивидуального и общественного бытия, рождается внутри человека, в его душе, и в душе же оно должно быть преодолено – таков вердикт Ф.М. Достоевского. Эту свою мысль писатель высказывал и ранее на

страницах своего романа «Преступление и наказание». Известно, что Родион Раскольников объясняя суть своего преступления, одновременно говорит, «что черт-то меня тогда потащил... Да ведь как убил-то? Разве так убивают?... Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку! Тут так-таки разом и ухлопал себя, навеки!.. А старушонку эту черт убил, а не я...» [Достоевский 1973, 322]. И так объясняет свои мотивы: «Я захотел, Соня, убить без казуистики, убить для себя, для себя одного!.. Смогу ли я переступить или не смогу! Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая или право имею» [Достоевский 1973, 321–322].

Исследователь творчества Ф.М. Достоевского Роуэн Уильямс отмечает, что в романе «Идиот» в одном из эпизодов происходит «взаимозамещение» «вины и невинности: Мышкин берет на себя бремя ответственности Рогожина и в тоже время – бремя ответственности за Рогожина» [Уильямс 2013, 81–82]. Мышкин в конечном итоге положительный персонаж, но невольно творящий зло. Выходит некое зло по незнанию, которое суть отсутствие жизненной позиции [Уильямс 2013, 82]. Есть и более точная интерпретация, которую дает Стайнер: «Рогожин – это первородный грех Мышкина. В той мере, в какой князь – человек, а значит, наследователь грехопадения, они оба должны оставаться одним целым» [Стайнер 2019, 201].

Уильямс утверждает, что в указанном эпизоде Ф.М. Достоевский проводит мысленный эксперимент. Краткая суть этого эксперимента состоит в следующем. В христианстве за нормативность берется состояние человека до грехопадения; важно отметить, что это состояние определяется, в том числе, и отсутствием вины, а сама вина – следствием необходимости постоянного выбора. Суть эксперимента – взять человека до грехопадения и перенести в нашу жизнь: «Попробуйте представить себе, как к представителю такого человечества отнесутся люди, которые в силу необходимости раз за разом вынуждены делать выбор, а, следовательно, и испытывать боль и тяжесть вины за причинение боли другим...» [Уильямс 2013, 82].

Абсурдный персонаж

Здесь мы очень близко подходим к определению абсурдного персонажа в литературе европейского экзистенциализма: он не концептуализирует мир, то есть видит его распавшимся, каким он и есть на самом деле. Такой персонаж не понимает мир, он должен быть лишен памяти прошлого, открытых эмоциональных связей с другими людьми, быть «человеком из ниоткуда», идиотом». Только в таком случае он будет лишен комплекса вины за сделанный выбор. Это наталкивает нас на одно сомнение: такой человек будет ли волен сделать любой выбор, либо его выбор будет детерминирован средой? Ответ едва ли может быть получен. По Ф.М. Достоевскому, свобода воли – равная возможность совершать добро и зло. Совсем другое – нести ответственность, или нести вину. Само это противопоставление может являться мнимым, и тогда выбор может быть свободным от вины. Так, Альбер Камю как-то заметил, что вины нет, есть только ответственность. Это определение должно приближать нас к подлинной экзистенции человека, мистически сближая религиозный и атеистический направления экзистенциализма¹.

Таков князь Мышкин – подлинно абсурдный персонаж, выбивающийся из ряда всех прочих персонажей Ф.М. Достоевского, которые испытывают и ответственность, и чувство вины. Странная фигура «князя-Христа» обладает только ответственностью. В контексте произведения – ответственностью за все нелепости, все зло, творимое прочими героями романа. Князь Мышкин, будучи невиновным ни в одном из грехов прочих персонажей, вместе с тем готов нести ответственность за эти грехи. Он как Христос – *лишен вины, но несет бремя ответственности*².

Если искать похожих персонажей в литературе европейского экзистенциализма, то на память приходит г-н Мерсо из романа Камю «Посторонний». Герой, неспособный испытывать вину, но несущий ответственность (подвергнутый смертной казни) за каждый грех среды, а не за собственное преступление. Героя осуждают на смертную казнь не за факт убийства другого человека; осуждается не сам герой, а концептуализация его образа проку-

рором на суде: перечисляется отправка героем матери в дом престарелых, «злонамеренность» убийства араба, дружба с сутенером, курение на похоронах, внебрачные половые связи, чужое ханжество, которое требует слез на похоронах матери и т.п. [Камю 19986]. Для XX в. г-н Мерсо, по признанию Камю, стал единственным Христом, которого мы заслуживаем.

Абсурдный герой что у Ф.М. Достоевского, что у Альбера Камю – не нормативность для общества, а некое зеркало, в котором это общество видит свои пороки, поэтому такие герои устаиваются от общества уничижительным «идиот», каторги (концептуализация образа персонажа происходит также в романе «Братья Карамазовы» – прокурор концептуализирует образ Дмитрия Карамазова. И сам же герой полагает, что наказан за свою прошлую греховную жизнь, и поэтому не испытывает злобы на то, что ему не верят и вынесли обвинительный приговор [Достоевский 2012, 758–761]), а порой и смерти.

К теме будущего суда и осуждения невиновного в «Братьях Карамазовых» нас загодя подводит спор о церковном суде. Сбравшиеся в келье персонажи обсуждают статью Ивана Карамазова, в которой он, помимо всего прочего, постулирует невозможность компромисса между государством и церковью в вопросе суда, а также заявляет, что не церковь должна занимать определенное ей место в государстве, а «напротив, церковь должна заключать сама в себе все государство, а не занимать в нем лишь некоторых угол» [Достоевский 2012, 64]. Другой герой романа, отец Паисий, относит эту мысль к особому русскому пониманию и упованию. Еще один посетитель кельи Миусов низводит подобное до утопической мечты «об исчезновении войн, дипломатов, банков и прочь. Что-то даже похожее на социализм». И заявляет, что он думал, будто бы «церковь теперь... будет судить и приговаривать розги и каторгу», даже смертную казнь [Достоевский 2012, 66–67].

Это встречает возражение Ивана Карамазова: «Да если б и теперь был один лишь церковно-общественный суд, то и теперь бы церковь не посылала на каторгу или на смертную казнь. Преступление и взгляд на него должны бы были несомненно тогда изменить-

ся» [Достоевский 2012, 67]. Старец Зосима в этом споре различает «кару механическую» (государственную) и «кару настоящую», полагая, что от механической человек только ожесточается, а не исправляется, а настоящее исправление возможно только потому, что есть Христова церковь, и настоящая кара – это кара от собственной совести [Достоевский 2012, 67–69].

Однако в этом споре признается, что подобное возможно только если реализовалась теократическая утопия и само государство стало церковью. Вне этого люди пребывают в греховном мире обладая только подлинной свободой выбора между добром и злом. Так, не являясь нормой, фигура «князя-Христа» является иллюстрацией одной важной идеи Ф.М. Достоевского: невозможно убрать комплекс вины у человека, не лишив его подлинной свободы. Поэтому Великий Инквизитор Ф.М. Достоевского, снимая бремя вины с человечества, допускает ограничение свободы, т.к. она суть тяжкое бремя, которое не по силам вынести человеку, и именно свобода в своем экзистенциальном проявлении – обреченности выбора, несет в себе и вину, и страдание [Достоевский 2012, 252–270]. Принципиальную невозможность отделить вину от ответственности в мире, что во зле лежит, Ф.М. Достоевский интерпретирует и через бунт против Божьей воли, когда первые люди не признали ни вины, ни ответственности за свой сознательный выбор. К.А. Степанян считает, что именно этим аргументом писатель восстает против «теории среды» [Степанян 2010, 117].

В таком случае понятны взгляды Ф.М. Достоевского на то, что человек, распорядившись свободой выбора так, что она произвела на свет преступление, обязан понести ответственность, которая является вместе с тем средством подлинного искупления вины. К.А. Степанян интерпретирует это, как своеобразную теодицею Ф.М. Достоевского – зло в мире не от бога, а от человека: «Если человек полностью отделяет себя от всего мира и остального человечества – судить его он не имеет права. Если же не отделяет – должен признать свою неразрывную кровную, духовную связь со всем телом человечества – и тогда нет отдельной жизни и отдельной

вины: каждая вина и каждый грех – твои, ты в нем виноват». Как у старца Зосимы: каждый за всех и за все виноват, «ибо был бы я сам праведен, может, и преступника, стоящего передо мною, не было бы» [Степанян 2010, 73].

Иначе толкует вину в философии Ф.М. Достоевского и Ф. Ницше И.И. Евлампиев, цитируя выдержки из «Антихриста» немецкого философа, которые должны прояснить категорию вины у Ф.М. Достоевского: «...в указанном состоянии «Царства Небесного», «рая», Христос непосредственно ощущает свое нерасторжимое единство с Богом». Бог «...некая загадочная внутренняя глубина в человеке, обнаруживая которую, Христос являет свою абсолютность, божественность. Именно эта практика выявления в себе абсолютной основы, абсолютной жизни, «живой жизни», и является главным и единственным постулатом учения Иисуса Христа, именно эта практика, и только она, и есть истинное христианство. По отношению к ней все представления о грехе, об искуплении и спасении оказываются ложью и искажением, точно так же, как и вся концепция церкви как «спасающей» инстанции, обеспечивающей «связь» между мифическим Богом и немощным человеком. Во всей психологии Евангелия отсутствует понятие вины и наказания; равно как и понятие награды. “Грех”, все, чем определяется расстояние между Богом и человеком, уничтожен, – это и есть “благовестие”» [Евлампиев 2012, 579–580].

Наказание

В отличие от глубинной взаимосвязи преступления (как негативного проявления свободы воли) и наказания (*ответственности* и *вины* за свободу воли) у Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстой утверждает, что наказание суть такое же преступление, и даже большее, раз речь идет о нарушении божественной заповеди. И дело даже не в том, что наказанием может выступать смертная казнь (оба писателя ее последовательные противники), которая суть убийство, несмотря на всевозможную казуистику. В любом случае смертная казнь в христианском смысле восстает против божественного замысла относительно человека. Бывает так, что смертная казнь,

как приговор, лишь озлобляет человека перед смертью. Тогда как Христос учил возможности покаяния даже на смертном одре (согласно Луке, один из разбойников на кресте раскаялся, и его раскаяние – подлинная *μετάνοια*), и никто не вправе его искусственно приближать, восставая, таким образом, против того, что Бог отмерил (эта мысль в русской философии впервые появляется у Владимира Мономаха).

Свою задачу Л.Н. Толстой видит в том, чтобы показать и научить, что такое подлинное добро в христианском смысле. Почему люди, согласно Л.Н. Толстому, совершают зло? Потому что думают, что это добро, и они просто не знают истины: «Если же истина неизвестна им и они делают зло, считая его благом, то я знаю истину только для того, чтобы показать ее тем, которые не знают ее. Показать же ее им я не могу иначе, как отречением от участия в зле, исповеданием истины на деле» [Толстой 1957б, 462].

По Ницше, Иисус Христос умирает «не ради искупления, а чтобы показать, как надо жить... Он ничему не противится, не защищает своих прав, не делает и шага ради того, чтобы предотвратить самое страшное, – более того, он еще торопит весь этот ужас... и он молит, он страдает и любит вместе с теми и в тех, кто чинит ему зло... Все евангелие содержится в словах разбойнику, сказанных на кресте. “Истинно человек этот был праведник, сын Божий”, – говорит разбойник. “Если ты это чувствуешь, – отвечает спаситель, – ныне же будешь со мною в раю, будешь, как и я, сыном Божим...” Не противиться, не гневаться, не призывать к ответу... И злу не противиться – любить его...» [Ницше 2009, 143–144].

Это уже знакомое нам толстовское непротивление злу насилием. В сущности, Л.Н. Толстой, как и многие до него, подметил такую общую направленность уголовных судов, как обвинительный уклон [Гольденвейзер 1911, 27]. Зачастую человек вынужден пройти множество судебных инстанций, чтобы наконец получить пресловутую презумпцию невиновности по отношению к собственной личности. Часто в отношении него работает обратный принцип – презумпция виновности, и необходимо приложить немало усилий, чтобы доказать порой очевидное, или смириться

ся, как кафкианский Йозеф К., но участь последнего печальна.

Л.Н. Толстого тяготит то, что суд может допустить ошибку, еще более его тяготит то, что это может быть процессуальная ошибка, бюрократическая, но за ней может скрываться судьба конкретного человека, как, например, вышло в деле Катюши Масловой из романа «Воскресенье»: «Посмотрите, какую они <суд присяжных> нелепость вынесли... ведь это каторжные работы, а она не виновата» [Толстой 1957а, 89]. Это понуждает его сделать вывод о неправде всех человеческих судов. Причем суды объявляются Л.Н. Толстым частью общественного зла, ведь для него «преступление настолько лишь подлежит исследованию, как общественное явление, насколько в нем получило реальное выражение то общественное зло, которое его породило» [Гольденвейзер 1911, 37], то есть среда. В глазах Л.Н. Толстого «наказание есть... самое вопиющее из преступлений. Преступление – это, однако, не такое, как те, за которые судят преступников, а преступление всего человеческого общества» [Гольденвейзер 1911, 61].

Однако было бы слишком просто, если бы Л.Н. Толстой построил все повествование романа на судебной ошибке. А.С. Гольденвейзер полагал, что не сама вероятность судебной ошибки тяготит писателя, «а моральная ошибка самого существования уголовного суда» [Гольденвейзер 1911, 43]. Причем весь роман «Воскресенье», этот первый не календарный, а экзистенциальный роман XX в., выступает как приговор тому обществу, в котором важна правильность процедуры, а не человек. Роман предвосхитил абсурдизм «Процесса» Франца Кафки, угадал XX в., как угадал его Ф.М. Достоевский в пророческом романе «Бесы». Вместе они породили то зеркало, в котором мы узнаем себя до сих пор.

Романом «Воскресение» Л.Н. Толстой вынес приговор человеческому обществу на многие годы (столетия?) вперед, от которого не так просто отмахнуться. И, если для Ф.М. Достоевского рождает преступление душа, и лишь она вполне может его преодолеть, то для Л.Н. Толстого каждый частный случай преступления суть часть всеобщего зла, которое возможно преодолеть только со-

вместными усилиями, только путем исправления общества. Прошлый век показал, что попытки деятельного исправления общества (сопротивления злу силой) приводят ко все новым случаям зла, и мы попадаем в своего рода квадратуру круга. Л.Н. Толстой предлагал непротивление, трактуя его в разные периоды жизни и в моральном смысле, и в религиозном. Возможно правы те, кто утверждает, что «религиозно развитые личности, достигшие соединения с полнотой бытия (с Богом), обретают мистические, не связанные с физическим насилием средства для воздействия на злодея и на весь окружающий мир, поэтому они могут предотвратить распространение зла, не прибегая к насилию» [Евлампиев, Матвеева 2020, 178–179], но в глобальном опыте человечества примеров действия именно *на весь* окружающий мир нет.

Вывод

XX век обнажил «банальность зла», зияющую бездну, в которую окунулись человек и человечество. Во второй половине XX в. Эрих Фромм придет к своему собственному заключению касательно спора – среда или душа. Во фрейдистском учении о влечении к роуэ и влечении к θάνατος, Фромм нашел основание считать, что люди делятся на тех, у кого нет врожденной тяги к деструктивности, и на тех, у кого она есть. Конечный же вердикт по Фромму – среда: даже деструктивная по природе личность способна на положительное созидание, если ее природа была скорректирована воспитанием, социальным окружением, то есть в сущности средой. Эрих Фромм определил это как социальные условия жизни человека [Фромм 2010, 339]. Что же, опять пытаться исправить социальные условия? Хотя и в этом есть доля правды.

Известно, что после периода мировых войн, в целом юстиция в развитых странах мира пошла путем смягчения уголовного наказания. Но если в конечном счете смягчение уголовного наказания суть смещение фокуса с наказания плоти на наказание духа, то современная уголовная статистика дает основание для нетривиального вывода. Известен факт того, что в странах, в которых уголовное наказание имеет мягкую природу, про-

цент повторного совершения преступлений ниже, нежели в странах, где уголовное наказание остается тяжелым. Практика показала, что реакция людей на частичное ограничение своих прав всегда острее, нежели на полное их ограничение. Это же касается и смертной казни, которая суть полное умаление права человека на жизнь.

В таких условиях частично ограниченные права и человеческая реакция на это, выявляют следующую особенность: в ход идет влияние социального окружения, которое, как правило, осведомлено о том, по какой причине ограничены права того или иного человека. Осведомлено и о том, как это ограничение мешает ему вести полноправную жизнь в среде привычного для него социального окружения. Именно это способствует более эффективному становлению человека на путь исправления.

Социальное окружение, социальные условия жизни играют довольно заметную роль в становлении человека как личности. И здесь правота Л.Н. Толстого несомненна: социальные условия жизни зачастую выступают как решающий фактор становления и развития разного рода социальных девиаций и на индивидуально-личностном уровне, и на уровне «психологии народов и масс», как это показал исторический опыт прошлого века. Но для Л.Н. Толстого была характерна и вера в то, что на социальную среду возможно воздействовать силой моральной проповеди и, вероятно, через воспитание нравственной личности. Не случайно он в своей жизни обращался и к опыту педагогики. Так, по мнению Д. Мулена, исследователя Л.Н. Толстого как педагога, для писателя было характерно представление о том, что духовные и моральные истины вечны, и без них невозможно духовное образование личности [Moulin 2008].

Однако не стоит сбрасывать со счетов и то, что преступление, прежде чем стать социальной реальностью, рождается в душе человека, и здесь прав Ф.М. Достоевский. И это рождение не детерминировано исключительно социальной средой, ведь и душа греховна, и мир во зле лежит. Но человек в подлинной своей природе надмирен, и способен возвысится над грехом до ответственности, и ответственность эта за все в мире. Бог со-

здал человека таким, что он первый после Бога способен понять красоту творения [Августин Блаженный 2013], и именно этим в конечном итоге определяется его *ответственность*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Совершенный человек не имеет вины, а имеет ответственность. Относительной иллюстрацией этого тезиса является сказание св. Игнатия Брянчанинова о том, как некий монах «пал, но победил» беса, не подвергнувшись греху уныния за совершенное прелюбодеяние. Человек спасается не осознанием своей ничтожности из-за греховной природы, а ответственностью за себя и других через осознание собственного достоинства. По мысли Антония Сурожского, человек велик, когда он освобожден от греха, то есть понять подлинную природу человека и ее величие можно только если человек свободен от греха.

² Здесь следует понимать Голгофу Христа как несение ответственности за грехи каждого человека. Князь Мышкин необходим Ф.М. Достоевскому для иллюстрации этой мысли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Августин Блаженный 2013 – *Августин Блаженный. Исповедь*. СПб.: Наука, 2013.
- Басинский 2018 – *Басинский П.В. Святой против Льва: Иоанн Кронштадский и Лев Толстой: история одной вражды*. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018.
- Гольденвейзер 1911 – *Гольденвейзер А.С. Преступление – как наказание, а наказание – как преступление: (Мотивы Толстовского «Воскресения»)*. Киев: Изд. товарищей в ознаменование 35-летнего юбилея адвокат. деятельности авт., 1911.
- Достоевский 1973 – *Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений*. В 30 т. Т. 6. Преступление и наказание. М.: Наука, 1973.
- Достоевский 2007 – *Достоевский Ф.М. Дневник писателя: Книга очерков*. М.: Эксмо, 2007.
- Достоевский 2012 – *Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы*. М.: Мартин, 2012.
- Евлампиев 2012 – *Евлампиев И.И. Философия человека в творчестве Ф.М. Достоевского (от ранних произведений к «Братьям Карамазовым»)*. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. акад., 2012.
- Евлампиев, Матвеева 2020 – *Евлампиев И.И., Матвеева И.Ю. Принцип «непротивления злу насилием» Л.Н. Толстого в контексте русской религиозной философии конца XIX – начала XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*. 2020. Т. 24, № 2. С. 165–180.
- Камю 1998а – *Камю А. Размышления о гильотине // Сочинения*. В 5 т. Т. 4. Харьков: Фолио, 1998. С. 121–170.
- Камю 1998б – *Камю А. Посторонний // Сочинения*. В 5 т. Т. 1. Харьков: Фолио, 1998. С. 317–396.
- Камю 1998в – *Камю А. Человек бунтующий // Сочинения*. В 5 т. Т. 3. Харьков: Фолио, 1998. С. 59–360.
- Кафка 2007 – *Кафка Ф. Процесс. Замок. Новеллы и притчи. Афоризмы. Письмо отцу. Завещание*. М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2007.
- Ницше 2009 – *Ницше Ф. Антихрист // Полное собрание сочинений*. В 13 т. Т. 6. М.: Культ. революция, 2009. С. 109–184.
- Стайнер 2019 – *Стайнер Дж. Толстой и Достоевский: противостояние*. М.: АСТ, 2019.
- Степанян 2010 – *Степанян К.А. Явление и диалог в романах Ф.М. Достоевского*. СПб.: Крига, 2010.
- Толстой 1957а – *Толстой Л.Н. Воскресенье // Собрание сочинений*. В 12 т. Т. 10. М.: Правда, 1957. С. 5–468.
- Толстой 1957б – *Толстой Л.Н. В чем моя вера? Произведения 1879–1884 // Полное собрание сочинений*. В 90 т. Т. 23. М.: Худож. лит., 1957. С. 304–468.
- Толстой 1957в – *Толстой Л.Н. Соединение и перевод четырех евангелий. Произведения 1880–1884 // Полное собрание сочинений*. В 90 т. Т. 24. М.: Худож. лит., 1957. С. 7–800.
- Уильямс 2013 – *Уильямс Р. Достоевский: язык, вера, повествование*. М.: РОССПЭН, 2013.
- Фромм 2010 – *Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности*. М.: АСТ: Астрель, 2010.
- Фуко 2016 – *Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: Ад Маргинем Пресс, сор. 2016.
- Moulin 2008 – *Moulin D. Leo Tolstoy the Spiritual Educator // International Journal of Childrens Spirituality*. 2008. Vol. 13, № 4. P. 345–353.

REFERENCES

- Augustine the Blessed, 2013. *Confession*. Saint Petersburg, Nauka Publ.
- Basinsky P.V., 2018. *The Saint Against the Lion: John of Kronstadt and Leo Tolstoy: The Story of One Enmity*. Moscow, AST Publ., Redaktsiia Eleny Shubinoi.
- Goldenweiser A.S., 1911. *Crime as Punishment, and Punishment as a Crime: (Tolstoy's Motives)*.

- “Resurrection”). Kiev: Izd. tovarishchey v oznamenovanie 35-letnego yubileya advokat. deyatel'nosti avt.
- Dostoevsky F.M., 1973. *Complete Works. In 30 Vols. Vol. 6. Crime and Punishment.* Moscow, Nauka Publ.
- Dostoevsky F.M., 2007. *The Writer's Diary: A Book of Essays.* Moscow, Eksmo Publ.
- Dostoevsky F.M., 2012. *Brothers Karamazov.* Moscow, Martin Publ.
- Evlampiev I.I., 2012. *Philosophy of Man in the Works of F.M. Dostoevsky (From Early Works to the Brothers Karamazov).* Saint Petersburg, Izd-vo Rus. khristian. gumanitar. akad.
- Evlampiev I.I., Matveeva I.Y., 2020. The Principle of “Non-Resistance to Evil by Violence” by L.N. Tolstoy in the Context of Russian Religious Philosophy of the Late XIX – Early XX Century. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofii*, vol. 24, no. 2, pp. 165-180.
- Camus A., 1998a. Reflections on the Guillotine. *Sochineniia.* In 5 Vols. Vol. 4. Kharkiv, Folio Publ., pp. 121-170.
- Camus A., 1998b. Outsider. *Sochineniia.* In 5 Vols. Vol. 1. Kharkiv: Folio Publ., pp. 317-396.
- Camus A., 1998v. The Rebellious Man. *Sochineniia.* In 5 Vols. Vol. 3. Kharkiv: Folio Publ., pp. 59-360.
- Kafka F., 2007. *Process. Castle. Short Stories and Parables. Aphorisms. A Letter to My Father. Testament.* Moscow, AST Publ., KhRANITEL' Publ.
- Nietzsche F., 2009. Antichrist. *Polnoe sobranie sochinenii.* In 13 Vols. Vol. 6. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiy Publ., pp. 109-184.
- Steiner G., 2019. *Tolstoy or Dostoevsky: An Essay in Contrast.* Moscow, AST Publ.
- Stepanyan K.A., 2010. *Phenomenon and Dialogue in the Novels of F.M. Dostoevsky.* Saint Petersburg, Kriga Publ.
- Tolstoy L.N., 1957a. Resurrection. *Sobranie sochinenii.* In 12 Vols. Vol. 10. Moscow, Pravda Publ., pp. 5-468.
- Tolstoy L.N., 1957b. What is My Faith? Works of 1879–1884. *Polnoe sobranie sochinenii.* In 90 Vols. Vol. 23. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., pp. 304-468.
- Tolstoy L.N., 1957v. Connection and Translation of the Four Gospels. Works of 1880–1884. *Polnoe sobranie sochinenii.* In 90 Vols. Vol. 24. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., pp. 7-800.
- Williams R., 2013. *Dostoevsky: Language, Faith and Fiction.* Moscow, ROSSPEN Publ.
- Fromm E., 2010. *Anatomy of Human Destructiveness.* Moscow, AST Publ., Astrel Publ.
- Foucault M., 2016. *To Supervise and Punish: The Birth of the Prison.* Moscow, Ad Marginem Press Publ.
- Moulin D., 2008. Leo Tolstoy the Spiritual Educator. *International Journal of Childrens Spirituality*, vol. 13, no. 4, pp. 345-353.

Information About the Author

Aleksandr V. Kiryakin, Candidate of Sciences (Philosophy), Senior Lecturer, Department of History and Philosophy, Derzhavin Tambov State University, Internatsionalnaya St, 33, 392000 Tambov, Russian Federation, kiryakinallek@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4391-7428>

Информация об авторе

Александр Викторович Кирякин, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры истории и философии, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, ул. Интернациональная, 33, 392000 г. Тамбов, Российская Федерация, kiryakinallek@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4391-7428>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.7>

UDC 141
LBC 87.6

Submitted: 13.03.2023
Accepted: 26.06.2023

IDEAS OF POSTMODERNISM PHILOSOPHY AS A TOOL FOR SOCIAL REALITY REPRESENTATION IN LEONID GAIDAI MOVIE FILMS

Aleksandr E. Gorkov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The author initiates research for Leonid Gaidai works ideology concept, challenging the point of view stating that Leonid Gaidai movie films have no ideas at all, presenting “simple comedies”. The article is analyzing Leonid Gaidai typical movie film plots and movie making methods correlation to primary ideas of postmodernism philosophy. Based on such examples as “The Diamond Arm”, “Kidnapping, Caucasian Style”, “Ivan Vasilievich: Back to the Future”, “A Groom from the Other World”, “Operation Y and Shurik’s Other Adventures” the author justifies typical film plots and movie making methods relevance to postmodernism ideas of hypertextuality, temptation subjugating human will (loss of subjectivity), constant facing to and power of simulacrum, focus on competing micronarratives. The author uses data of social reality research in USSR at 1930-s and 1950-s to state hypothesis about routes and reasons of Leonid Gaidai representing exactly postmodernism philosophy ideas. The author justifies catharsis effect is the reason for Leonid Gaidai movie films success, the catharsis causing merge of film audience recognition with art representation image and consequent decrease or elimination of anxiety, stress because of conflicts, frustration feeling. The author demonstrates consistent patterns of destructive, pessimistic tendencies of postmodernism situation appearance within social reality utilizing Leonid Gaidai movie films data, philosophy of postmodernism works (Baudrillard, Liotar) and classical philosophy (Aristotle). The author states hypothesis that Leonid Gaidai movie films success with audience right after distribution start and nowadays, when being showed on the most popular Russian TV channels at prime time, justifies postmodernism ideas relevance to soviet and post-soviet, modern social reality.

Key words: L. Gaidai, postmodernism, hypertextuality, simulacrum, micronarrative, social reality, movie.

Citation. Gorkov A.E. Ideas of Postmodernism Philosophy as a Tool for Social Reality Representation in Leonid Gaidai Movie Films. *Logos et Praxis*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 60-66. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.7>

УДК 141
ББК 87.6

Дата поступления статьи: 13.03.2023
Дата принятия статьи: 26.06.2023

ИДЕИ ПОСТМОДЕРНИЗМА КАК ИНСТРУМЕНТ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В КИНОКАРТИНАХ Л.И. ГАЙДАЯ

Александр Евгеньевич Горьков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлено исследование идейной концепции творчества кинорежиссера Леонида Иовича Гайдая, оспаривая точку зрения, согласно которой его кинокартины лишены идей и являются «просто комедиями». На примере кинокартин «Бриллиантовая рука», «Кавказская пленница», «Иван Васильевич меняет профессию», «Жених с того света», «Операция Ы» автор показывает соответствие типовых сюжетных и стилистических приемов кинокартин Л.И. Гайдая таким идеям философии постмодернизма, как гипертекстуальность, подчинение воли соблазну (потеря субъектности), властвование симулякров и постоянство встреч с ними, фокус на конкурирующих микронарративах. Проанализированы истоки и причины репрезентации Л.И. Гайдаем идей постмодернизма на материале социальной реальности в СССР 30-х и 50-х гг. XX века. Установлено, что популярность кинокартин Л.И. Гайдая обусловлена вызываемым при их просмотре эффектом катарсиса, когда при слиянии сознания зрителя с художественным образом происходит уменьшение или снятие тревоги, переживания конфликта, фрустрации.

На приведенном материале из кинокартин Л.И. Гайдая и текстов представителей постмодернизма (Бодрийяр, Лиотар) показана закономерность разрушительных, вызывающих пессимизм тенденций проявления ситуации постмодерна в социальной реальности. Делается вывод о том, что популярность кинокартин Л.И. Гайдая как сразу после их выхода на большой экран, так и в настоящее время (эти картины демонстрируются по центральным телеканалам в праздничные и выходные дни) свидетельствует об актуальности идей постмодернизма как в советской, так и в постсоветской, современной социальной реальности.

Ключевые слова: Л. Гайдай, постмодернизм, гипертекстуальность, симулякр, микронарративы, социальная реальность, кино.

Цитирование. Горьков А. Е. Идеи постмодернизма как инструмент репрезентации социальной реальности в кинокартинах Л.И. Гайдая // *Logos et Praxis*. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 60–66. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.7>

Творчество Л.И. Гайдая получило оглушительный успех и признание сразу после выхода в широкий прокат, о чем свидетельствует, например, то, что фильм «Бриллиантовая рука» занимает третье место среди всех комедий, выпущенных в СССР, по количеству просмотревших ее в первый год проката зрителей. В настоящее время фильмы Гайдая ставятся в программу популярных российских телевизионных каналов во время выходных и праздничных дней (например, в праздничные дни Нового года). Таким образом, кинофильмы Леонида Иовича являются одним из центральных явлений советской и постсоветской культуры. Вместе с тем публикации, анализирующие идеи этих картин, немногочисленны. И, пожалуй, только С.Р. Демьяненко в статье от 2013 г. [Демьяненко 2013, 117] делает попытку описания некоторых идей, характерных для фильмов Гайдая, и соотнесения этих идей с научной философской традицией. В биографических работах распространено мнение, что никакой особой концепции, связанной системы идей, в творениях Л.И. Гайдая и вовсе нет. Например, биограф Гайдая Евгений Новицкий пишет: «Он никогда не прикрывался фразами вроде того, что он снимает «лирическую комедию», или «философскую комедию», или еще какую-то... наоборот, он старательно напоминал снова и снова, что снимает «просто комедию» [Новицкий 2017, 325].

Если встать на такую точку зрения, то как тогда можно объяснить, что большинству киноработ Гайдая сопутствовал успех в прокате? Ведь четыре его комедии входят в двадцатку абсолютных лидеров кинопроката за всю историю СССР, причем в четверку лидеров наряду с упоминавшейся уже «Бриллиан-

товой рукой» входят еще и «Кавказская пленница», занимая как раз четвертое место [Новицкий 2017, 2]. Неужели миллионы зрителей, пересматривающих, например, «Иван Васильевич меняет профессию», видят только набор старых гэгов, и смеются над неуместными положениями тел и неожиданными звуками? Напротив, уместно сделать предположение, что идейная концепция все-таки есть, но она сложна, оригинальна. Возможно, автор предпочел намеренно скрыть тот набор идей, который положил в основу своего творчества, спрятав его, например, от государственной цензуры того времени. Чтобы разобраться в этом мы предлагаем выделить своеобразные художественные приемы, используемые Л. И. Гаидаем при создании своих фильмов на примере фильма «Бриллиантовая рука» и других кинокартин.

Характерной чертой творчества Леонида Гайдая является особое внимание к текстам. Еще с первого фильма – «Жених с того света» (1958) – режиссер использует и специальные эффекты оформления текстов в титрах состава съемочной группы, и комичную абсурдность наименований советских организаций: «Райпиявка при Горпиявке», «Горупрместпром Заготлыко», «НИИ ГУГУ», «Гипропиво». В одном из таких учреждений, а именно в «Гипрорыбе», работает и Семен Семенович Горбунков главный герой «Бриллиантовой руки». Текст титров сообщает нам, что первая часть «киноромана», снятого «полускрытой камерой», называется «Бриллиант почти не виден», а вторая – «Костяная нога».

В центр сюжета фильма «Бриллиантовая рука» помещена борьба за драгоценности, соблазнительно сверкающие и в сценах наложения гипса с бриллиантами на руку главного

героя, и ранее, когда «шеф» якобы случайно находит клад, и даже падает в обморок от наплыва чувств, и в сцене с оплатой услуг «роковой блондинки» в исполнении Светланы Светличной через передачу золотого браслета с руки на руку. Можно утверждать, что в центре фильма стоит идея соблазна, искушения. Соблазн и подчинение воли сопровождают Семена Семеновича Горбункова, сыгранного Юрием Никулиным, весь фильм, начиная с круиза по капиталистическим странам, и является центральной идеей сюжетной линии. Соблазнительны и красотка на одной из узких улочек знойного города, и кока-кола, о которой на родине обязательно спросит жена в исполнении Нины Гребешковой, и поездка на рыбалку на Черные камни, и поход в ресторан с целью отпраздновать получение премии другом Гешей. Сильным соблазном выступает блондинка в халатике в отеле «Атлантик», и накал воздействия на волю Горбункова достигает такой интенсивности, что при назначении этого свидания он начинает слышать что-то вроде звука натянутой, и грозящей порваться струны, символизирующей, как и в пьесах А.П. Чехова, гибель. Впрочем, соблазняются и другие персонажи кинокартины. Например, Варвара Сергеевна Плющ, в исполнении Нонны Мордюковой, не может устоять перед искушением немедленно открыть иноземную шкатулку, откуда на нее тут же выбрасывается игрушечный чертенок. А «старший лейтенант милиции Михал Иванович» не может не соблазниться проведением формальной проверки героя Никулина с помощью казенного вопроса об участии в самодеятельности.

Ж. Бодрийяр назвал один из своих трудов «Соблазн». В этом труде Бодрийяр пишет, что «Соблазнять – значить умирать как реальность и рождаться в виде приманки. При этом попадают на собственную приманку – и попадают в зачарованный мир» [Бодрийяр 2000, 131]. И, действительно, рука в гипсе с бриллиантами по сюжету фильма перестает быть таковой, и превращается в приманку для тех, кто убедил себя в ее существовании.

А что же такое сама «бриллиантовая рука», вынесенная в заголовок картины? Это рука, на которую наложен гипс для того, чтобы показать перелом кости, которого нет. А этот гипс на самом деле нужен для того,

чтобы спрятать драгоценности, но их тоже нет. Потому что по сюжету власти удаляют их из гипса вскоре после того, как главный герой делает сообщение о контрабанде. То есть нет ни перелома, ни драгоценностей, а есть только здоровая рука и гипс – такой вот двойной обман. Важно отметить, что эффект от гипса, наложенного на здоровую руку, совсем не ограничивается двойной природой обмана, потому что по ходу кинокартины этому объекту присваивается еще один ряд придуманных свойств, а именно: выдвигается гипотеза о наличии не закрытого, а открытого перелома. Таким образом «бриллиантовая рука» из заголовка кинокартины – это постмодернистская «копия без оригинала», модель без соответствующего явления, и по этим основаниям относится к симулякрам в полном соответствии с концепцией классика философии постмодернизма Ж. Бодрийяра. Такими же симулякрами являются, например, «лошадь без крыльев» и «такой же халатик, но с перламутровыми пуговицами», которые Горбунков ищет при хождении по комиссионным магазинам. Симулякром является объявленная, но никогда не прочитанная Семеном Семеновичем лекция «Париж – город контрастов», без усилий переименованная по случаю в «Стамбул – город контрастов».

Из вышеописанного можно выделить в качестве характерных идей режиссера Гайдая: гипертекстуальность, идею соблазна, властвование симулякров, и постоянство встреч с ними. Все это идеи философии постмодернизма. Например, классик постмодернизма Ж. Деррида пишет, что «внетекстовой реальности не существует» [Деррида 2000, 313]. Что, наряду с другими трудами этого автора, дает основание ученым философам утверждать, что Деррида «предполагает, что реальность, так же как и истина, – это своего рода иллюзия, за которой скрывается текст, то есть совокупность знаков, символов и множества равноценных, взаимозаменяемых смыслов» [Пигалев 2017, 7].

Про схожесть заглавия самой популярной картины Гайдая с симулякром уже упомянуто выше, и эта схожесть тоже обосновывает гипотезу о том, что Гайдай репрезентует идеи постмодернизма в своих фильмах. Однако не совпадения ли все это? Какой при-

знак состояния постмодерна выделяется в качестве основного самыми первыми исследователями этого явления, и можно ли обнаружить этот признак в «Бриллиантовой руке» и других киноработах Л.И. Гайдая?

Во введении к своей классической работе «Состояние постмодерна» Жан-Франсуа Лиотар пишет, что «упрощая до красности, мы считаем «постмодерном» недоверие в отношении метанарративов» [Лиотар 2016, 160]. Или, как пишет в своей статье Л.В. Скорцов, если эпоха модерна «утверждает себя как эпоха Разума, универсальные истины которого призваны вытеснить духовные предрассудки, постулируемые слепой верой в качестве абсолютной и всеобщей цивилизационной истины.», то «Первая и Вторая мировые войны разбили вдребезги хрустальные замки, построенные в самосознании идеологов эпохи модерна» [Скорцов 2007, 58]. Принцип Разума, истина, которая и легитимируются в виде метанарративов, теряет свой онтологический статус, превращается в «разбитый хрустальный замок». На смену таким метарассказам как идея бескорыстно благотельствующего каждому человеку прогресса, идея соблюдения прав всех без исключения людей на Земле, идея стирания государственных границ и превращения человечества в единое мирное планетарное братство в реальности приходят конкурирующие друг с другом микронарративы. Они обречены на бесконечную конкуренцию, борьбу, потому что подлинная легитимация никакого из них в качестве метанарратива уже невозможна. Согласно Лиотару мерилем легитимации становится результативность, которой меряются операторы микронарративов, – конкурирующие между собой социальные, в том числе политические, институты.

Если посмотреть под этим углом зрения на развитие сюжета, неразрывно связанного с приключениями главного персонажа «Бриллиантовой руки» Семена Семеновича Горбункова, который неожиданно для себя, и совершенно безнадежно, оказывается в гуще событий только потому, что гипс не может «понести кто-нибудь другой», то можно заметить, что Семен Семенович оказывается замешан в набор повторяющихся эпизодов конкуренции двух организаций. Первая, которую

можно назвать «наступательной» представлена контрабандистами, а именно Шефом, Геннадий Петровичем Козодоевым (Гешей) и Леликом. Вторая, которую можно назвать «охранительной» – главным образом полковником милиции, старшим лейтенантом Михаил Ивановичем, и управдомом Варварой Сергеевной Плющ. Семена Семеновича включают в серию микро противоборств, и до какого-то момента он безвольно следует всем опасным поворотам. Главные эпизоды хорошо известны любителям творчества Гайдая: рыбалка на черных камнях, празднование премии в ресторане «Плакучая ива» (Гайдай не отказал себе в удовольствии и здесь обыграть текст таким образом, что неоновое освещение буквы «П» в названии ресторана в кадре сломано, и название превращается в «Лапучая ива»). Мы не считаем нужным специально останавливаться на рассмотрении содержания этого противоборства. Это может быть сделано в следующих работах при появлении соответствующего научного интереса. Для раскрытия темы данной работы важно отметить, что пассивная, бессубъектная роль в борьбе «наступательной» и «охранительной» организаций доводит главного героя до краха семейного жизненного уклада. Наступившую гибель жизненного уклада Семена Семеновича символизирует уход жены и детей, комично замещает которых старший лейтенант милиции, готовящий казенный омлет на кухне семейного гнездышка. Он заодно готовит и очередное информационное послание Горбункову в рамках только набирающей, и, похоже, подчиняющейся только своей внутренней логике, борьбы. Для убедительности концепции этой статьи нужно заметить, что форменный стиль кинокартины в этом отрывке приходит к форменному стилю классических произведений шпионского триллера времен холодной войны, в которых объединенные идеологической общностью агенты готовят свидетелям завтрак у них же на кухне, и затем случайная «пешка» отправляется на самые опасные задания «втемную».

Фокус на локальной конкуренции микронарративов, потеря субъектности, сила симулякров фигурируют и в других сюжетах, отобранных Гайдаем для своих фильмов. Например, в новелле «Операция Ы» сюжет строит-

ся вокруг симуляции ограбления («Все уже украдено до нас»). Герои по воле многочисленных случайных, но влиятельных системных факторов ввязываются в противостояние, в котором нет победителя. В фильме «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика» в наименовании использован характерный для постмодернистских произведений прием цитирования классических текстов, а сюжет построен на противостоянии носителей традиционного кавказского и модернистского научного сознания (Шурик приезжает с научной целью изучать фольклор). Симулякрами в этом фильме представлены, например, «кунаки влюбленного джигита» в исполнении Вицина (у него крутится шея на 360 градусов), Никулина (прикуривает от газырей как автомобильного прикуривателя) и Моргунова. Замечательно, что, как в Бриллиантовой руке показан разговор аптекарей после осознания ошибки с гипсом, переведенный как «игра слов с включением местных идиоматических выражений», так и здесь также показан разговор с использованием абсурдного, выдуманного, ничего не значащего языка: в той же сцене с кунаками и навязыванием Шурику роли в похищении невесты звучит «Бамбарбия! Киргуду!» от героя Никулина. Впрочем, тот же постмодернистский прием использован и в фильме Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию», когда режиссер Якин лепечет: «паки, паки, иже херувимы». В этом фильме также волей эффекта технического прогресса герои забрасываются в идеологически чуждое им социальное окружение, и втягиваются в локальные комические противоборства и симуляции. В этой картине герой Этуша настойчиво симулирует «три куртки кожаные, три видеокамеры, три магнитофона», а, например, герой Куравлева – «повешенного третьего дня на собственных воротах» князя Милославского. Волей технического прогресса же действующие лица картины возвращаются к исходному status quo.

Возвращаясь к «Бриллиантовой руке», нужно отметить странность финала картины, где обездвиженного Горбункова, совсем как какой-то ящик, грузят краном на твердую почву. Станным показался финал и принимающей картине комиссии Госкино, потому что в конце фильма они увидели не что иное, как

ядерный взрыв! Что же значит ядерный взрыв в конце фильма, и почему картина с такой концовкой так притягательна для просмотра? «Когда председатель Госкино Романов смотрел картину, то где-то смеялся, где-то нет (человек он был довольно своеобразный), но в конце, когда увидел атомный взрыв, чуть не в обморок упал. И стал кричать: «Леонид Иович, ну атомный взрыв-то при чем?» Гайдай мрачно, опустив голову, сказал: «Это надо, чтобы показать всю сложность нашего времени» [Новицкий 2017, 277]. Понятно, что сложность процессов состояния постмодерна требует особых приемов их репрезентации, и потому стиль постмодернистского искусства, – необычный стиль.

Зачем это? В ответ на вопрос своей жены о том, зачем снимать столько комедий Гайдай отвечал: «Люди ведь так плохо живут – пускай хоть в кино посмеются» [Новицкий 2017, 84]. Со времен древнегреческого театра самым мощным эффектом воздействия произведения искусства на человека считается катарсис, очищение, которое происходит при узнавании и сопереживании происходящего на сцене как происходящего в сознании, в жизни самого зрителя. Психология говорит нам о том, что при таком слиянии персонажа и зрителя, сопереживании и последующем выходе эмоций происходит уменьшение или снятие тревоги, переживания конфликта, фрустрации. Разве не эти состояния испытывает главный герой, обычный человек современного Гайдаю общества, на протяжении всей картины? Разве не эти состояния так характерны для нашей жизни в современном нам обществе, которому не без основания присваивается наименование постмодернистского?

Встает вопрос, из каких источников мог Леонид Иович почерпнуть идеи и приемы постмодернистского искусства. Во-первых, из самой своей жизни. Воспитанный в советские тридцатые, под воздействием метанарратива, в котором «Для мальчишек и девчонок того времени мир делился только на “белых” и “красных”. Нам и в голову не приходило раздумывать, на чьей быть стороне. В этом красном мире жили и совершали подвиги полярные исследователи, челюскинцы, папанинцы» [Фицпатрик 2008, 86]. Леонид Иович затем прошел через жестокость и натуралистич-

ность ужасов Великой Отечественной войны в составе пешей разведки, и вернулся домой с ранением и медалью «За боевые заслуги». Гайдай, как и весь советский народ столкнулся с реальностью послевоенной жизни в СССР, когда противоречия в социальном развитии (конфискационная денежная реформа, репрессии по отношению к военным служащим и другие) наглядно показали, что общество всеобщего благоденствия, или хотя бы равенства не удалось добиться даже ценой героической и жертвенной победы над фашистской Германией. Леонид Иович, начинавший в родном Иркутске как актер, наверняка чутко понимал жизненную ситуацию краха веры в модернизационный проект простых людей тех лет, входящей в противоречие с инерцией идеологической машины советского общества.

Во-вторых, не было недостатка в свидетельствах кризиса идеи советского модерна и на страницах газет. Если в 30-е гг. по свидетельству исследователей «советское мировоззрение и не было в буквальном смысле слова единственным, известным русским людям в 1930-е гг., то оно все же было единственным, связанным с современностью. Был или не был советский режим легитимен для широких слоев населения, но его модернизирующая (цивилизирующая) миссия, по всей очевидности, была» [Фицпатрик 2008, 269]. То к 60-м гг. советский модернистский проект явно потерял стройность и монополию на истину, а для некоторых людей и легитимность. Например, в 1961 г. даже в центральной прессе СССР громко освещалось дело валютных фарцовщиков Рокотова и Файбишенко. Эти советские граждане путем нехитрых операций товарного обмена с иностранцами и игры на официальном и неофициальном курсе иностранных валют сумели сколотить личное состояние, составлявшее более одного миллиона долларов США. Так в СССР появились нелегальные долларовые миллионеры, что вполне перекликается с сюжетом «Бриллиантовой руки». В полном соответствии с положениями концепции постмодерна Рокотов одновременно числился секретным сотрудником милиции, и ловко лавировал между одной и другой идеологическими системами для собственной выгоды.

Сцена ядерного взрыва в финале фильма «Бриллиантовая рука» была вырезана цен-

зурой, и в прокат фильм пошел без нее. А вот в программной книге «Симуляции и симулякры» классик описания ситуации постмодерна Ж. Бодрийяр много пишет о ядерном взрыве, как закономерном итоге постмодернистских процессов, и предрекает последующее существование реальности в виде пустыни.

Почему философы постмодернизма обычно пессимистичны? Тревога, системное столкновение с абсурдными конфликтами, фрустрации сопровождают и многих героев фильмов Гайдая и современных людей потому, что, как писал Аристотель в самом начале «Метафизики»: «Все люди по природе стремятся к знанию...» [Аристотель 2006, 28]. Это стремление создает системный, экзистенциальный конфликт человеческого сознания с обществом в состоянии постмодерна, важнейшим признаком которого является недоверие к метанарративам, которые знание и легитимируют. Именно поэтому Ж. Бодрийяр в ответ на вопросы, как же он живет в описанной им реальности постмодерна, отвечал в том духе, что не имеет с ней ничего общего (буквально: «I dont recognize myself in all this...») [Gane (ed.) 1993, 23]. Одним из способов преодоления этих конфликтов может быть творческая рефлексия, и осмысливание происходящих процессов отстраненно, воплощая рефлексии и мысли в произведения искусства. Возможно, такую цель преследовал Л.И. Гайдай, репрезентируя явления советской культуры в духе идей постмодерна в своих кинокартинах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аристотель 2006 – *Аристотель*. Метафизика. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006.
- Бодрийяр 2000 – *Бодрийяр Ж.* Соблазн. М.: Ad Marginem, 2000.
- Демьяненко 2013 – *Демьяненко С.Р.* Феноменология юмора в творчестве Л.И. Гайдая в контексте инкорпорации ультралимитированной проблематики в социально-культурное пространство СССР 60-х гг. XX в. // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2013. № 3 (35). С. 117–122.
- Деррида 2000 – *Деррида Ж.* О грамματοлогии. М.: Ad Marginem, 2000.

- Лиотар 2016 – *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 2016.
- Новицкий 2017 – *Новицкий Е.* Леонид Гайдай. М.: Мол. гвардия, 2017.
- Пигалев 2017 – *Пигалев С.А.* Философские основания постмодернистского понимания человека // *Logos et Praxis*. 2017. Т. 16, № 2. С. 6–15. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2017.2.1>
- Скворцов 2007 – *Скворцов Л.В.* Постмодернизм как явление культуры // *Россия и современный мир*. 2007. № 3. С. 58–82.
- Фицпатрик 2008 – *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН): Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008.
- Gane M. (ed.) 1993 – *Gane M. (ed.)*. Baudrillard Live. Selected Interviews. L.: Routledge, 1993. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203415856>

REFERENCES

- Aristotle, 2006. *Metaphysics*. Moscow, In-t filosofii, teologii i istorii sv. Fomy.
- Baudrillard J., 2000. *Temptation*. Moscow, Ad Marginem Publ.

- Demyanenko S.R., 2013. Humor Phenomenology of Leonid Gaidai Works Within Context of Ultralimited Problematics Incorporation to Social and Cultural Territory of USSR in 60s XX Century. *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv*, no. 3 (35), pp. 117-122.
- Derrida J., 2000. *Of Grammatology*. Moscow, Ad Marginem Publ.
- Leotard J.-F., 2016. *The Postmodern Condition*. Saint Petersburg, Aletheia Publ.
- Novitskiy E., 2017. *Leonid Gaidai*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ.
- Pigalev S.A., 2017. Philosophical Foundations of Postmodern Understanding of the Man. *Logos et Praxis*, vol. 16, no. 2, pp. 6-15. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2017.2.1>
- Skvorcov L.V., 2007. Postmodernism as Culture Phenomena. *Rossiya i sovremennyy mir*, no. 3, pp. 58-82.
- Fitzpatrick Sh., 2008. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*. Moscow, Ros. polit. entsikl. (ROSSPEN) Publ., Fond Pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'tsina.
- Gane M. (ed.), 1993. *Baudrillard Live. Selected Interviews*. London, Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203415856>

Information About the Author

Aleksandr E. Gorkov, Master Student, Department of Philosophy and Legal Theory, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, alexandr.gorkov1@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1287-7462>

Информация об авторе

Александр Евгеньевич Горьков, магистрант кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, alexandr.gorkov1@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1287-7462>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.8>

UDC 314.02
LBC 60.74

Submitted: 05.04.2023
Accepted: 26.06.2023

**STRATEGIES FOR FORMING THE WELL-BEING OF STUDENT FAMILIES
(BY THE RESULTS OF IN-DEPTH INTERVIEW)**

Tamara K. Rostovskaya

Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Ekaterina N. Vasilieva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation;
Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The methodological basis of the research is built within the framework of understanding sociology and the theory of social action by M. Weber. The paper reveals the content of the concept of a prosperous young family, highlights the parameters of the well-being of a student family. The empirical base of the study is the data of in-depth interviews ($n = 80$) conducted with members of student families from 10 regions of Russia. The method of “grounded theory” and the method of reconstructing the life path of the family were used to process the obtained results. The main objective of the study is to identify strategies for the formation of well-being of Russian student families for the implementation of marital and reproductive behavior as well as systematization of problems affecting the decline in well-being. The main problem is financial difficulties of student families. The socio-economic status of a student family depends on many conditions. For example, status of the spouses’ parent family, age of spouses, willingness and ability to combine work and study, availability of a separate housing or resources for rent for a young family. In addition to material problems married students have psychological difficulties adapting to new roles. With appearing children affordable and high-quality medical care, assistance in child care, and inclusion of educational organizations in the development of an individual training plan are necessary. Reproductive orientations of students correspond to the practices of goal-oriented and value-rational behavior (with the exception of cases of unplanned pregnancy) because the birth of children is associated with responsibility. It is revealed that the strategies for the formation of well-being of student families are influenced by many factors. Firstly, there is impact of scenarios for the development of premarital relationships. For example, the transformation of youth romantic relationships and youth love into marital relations, effective joint activity, shared values as the basis for marriage, acquaintance in friends’ company and at work, acquaintance through social networks, “influence of parents”, “need for legal consolidation of relationships”, “responsibility for unplanned pregnancy”. Secondly, the reproductive attitudes of married families is also significant. Thirdly, there is influence of family measures and demographic policy implemented in the region and the resources of educational organizations for effective assistance to a young family.

Key words: demographic situation, young family, student family, support measures, strategies of marital and reproductive behavior, in-depth interview.

Citation. Rostovskaya T.K., Vasilieva E.N. Strategies for Forming the Well-Being of Student Families (By the Results of In-Depth Interview). *Logos et Praxis*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 67-80. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.8>

**СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ БЛАГОПОЛУЧИЯ СТУДЕНЧЕСКИХ СЕМЕЙ
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ГЛУБИННОГО ИНТЕРВЬЮ)****Тамара Керимовна Ростовская**Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Российская Федерация**Екатерина Николаевна Васильева**Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация;
Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Методологическая база исследования выстроена в рамках понимающей социологии и теории социального действия М. Вебера. В работе раскрыто содержание концепции благополучной молодой семьи, выделены параметры благополучия студенческой семьи. Эмпирическая база исследования – данные глубинного интервью ($n = 80$), проведенного с членами студенческих семей из 10 регионов России. Для обработки полученных результатов использовались метод «обоснованной теории» и методика реконструкции жизненного пути семьи. Основная задача исследования – выявление стратегий формирования благополучия российских студенческих семей для реализации брачного и репродуктивного поведения, а также систематизация проблем, влияющих на снижение благополучия. Основная проблема – это материальные трудности студенческих семей. Социально-экономический статус студенческой семьи зависит от многих условий – статуса родительской семьи супругов, возраста супругов, готовности и возможности совмещать работу и учебу, наличия у молодой семьи отдельного жилья или ресурсов для его аренды. Кроме материальных проблем, у студентов, состоящих в браке, возникают психологические трудности адаптации к новым ролям, а при рождении детей – необходима доступная и качественная медицинская помощь, помощь в уходе за ребенком, включение образовательных организаций в разработку индивидуального плана обучения. Репродуктивные ориентации студенческих семей соответствуют практикам целерационального и ценностно-рационального поведения (за исключение случаев незапланированной беременности), так как рождение детей сопряжено с ответственностью. Выявлено, что на стратегии формирования благополучия студенческих семей влияют: 1) сценарии развития добрачных отношений: трансформация детско-юношеских романтических отношений, детско-юношеской любви в брачные отношения; эффективная совместная деятельность, общие ценности как основа заключения брака; знакомство в компании друзей, на работе; знакомство через социальные сети; «влияние родителей», «необходимость юридического закрепления отношений», «ответственность за внеплановую беременность»; 2) репродуктивные установки членов супружеских семей; 3) меры семейно-демографической политики, реализуемой в регионе, и ресурсы образовательных организаций для эффективной помощи молодой семье.

Ключевые слова: демографическая ситуация, молодая семья, студенческая семья, меры поддержки, стратегии брачного и репродуктивного поведения, глубинное интервью.

Цитирование. Ростовская Т. К., Васильева Е. Н. Стратегии формирования благополучия студенческих семей (по результатам глубинного интервью) // *Logos et Praxis*. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 67–80. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.8>

Введение

Вызывают беспокойство следующие демографические тенденции, фиксируемые в современной России: увеличение возраста вступления в первый брак; старение рождаемости; уменьшение числа женщин репродуктивного возраста; уменьшение суммарного коэффициента рождаемости [Ростовская, Кучмаева, Золотарева 2023]. Все указанные тен-

денции приводят к сокращению общей численности населения. И детерминированы следующими факторами: возраст женщины влияет на ее репродуктивное здоровье; экономические процессы – на отложенные рождения. Акторы нацелены сначала укрепить материальное положение, потом готовиться к рождению детей, а следовательно, до планирования брака и рождения детей необходимо получить образование и построить карьеру.

Идеальную модель, которая позволяет анализировать поведение акторов разработал М. Вебер, выделив четыре типа социального действия (целерациональное, ценностно-рациональное, традиционное и аффективное) [Вебер 2021]. В рамках веберовской теории социального действия браки и рождение детей до того, как акторы приобретут собственное жилье, получают образование и построят карьеру, можно классифицировать следующим образом. Во-первых, как аффективное поведение, если главный мотив психологический (романтические переживания), но нет соответствующих социально-экономических условий для создания семьи. Во-вторых, как традиционное, если воспроизводится устоявшаяся модель поведения, обусловленная культурными, в том числе этническими, образцами поведения. В-третьих, ценностно-рациональное поведение, обусловленное религиозными ценностями и иными ценностями, влияющими на брачное и репродуктивное поведение. Таким образом, можно сформулировать исследовательский вопрос: браки и рождение детей после укрепления материального благополучия – это единственный вариант целерационального, а следовательно, максимально осознанного поведения?

В условиях снижения рождаемости Правительством РФ, с целью обеспечения воспроизводства населения, утверждена единовременная денежная выплата женщинам, родившим первого ребенка в возрасте от 18 до 25 лет включительно [Предоставление... web], так как смещение рождений на более ранний возрастной интервал повышает вероятность рождения женщиной второго и последующих детей. Однако в интервале от 18 до 25 лет девушки чаще всего ориентированы на получение образования, а не на деторождение. Реализация модели целерационального поведения, сопряжена с осознанием того, что деторождение, например, в возрасте 18 лет может вести к материальному неблагополучию.

Ориентации на получение высшего образования и построение карьеры ведут к отложенному родительство во многих современных странах [Brown, Manning, Stykes 2015; Sobotka web]. В некоторых странах, напротив, не распространена практика получе-

ния молодыми девушками образования, браки часто заключаются до совершеннолетия девушки, а на фоне высокой рождаемости наблюдается крайняя бедность населения [Birech 2013; Singh, Anand 2015]. Таким образом, необходимо на примере жизненных стратегий студенческих семей выявить, какие типы социального действия молодые люди реализуют и возможно ли влиять на их репродуктивные планы введением мер социальной поддержки.

Концепция благополучной молодой семьи

Ответ на поставленные вопросы требует проведения комплексного социологического исследования. В России сформировалось несколько традиций исследования брачного и репродуктивного поведения, в том числе молодежи. Во-первых, это исследования влияния уровня жизни на репродуктивное поведение, анализ благосостояния и благополучия российских семей [Архангельский, Елизаров, Джанаева 2021; Антонов, Карпова, Ляликова, 2021]. Во-вторых, исследование ценностных ориентаций студенческой молодежи [Гурко (ред.) 2006; Багирова 2022; Вишневский, Ячменева 2018]. В-третьих, исследование социальных практик членов молодой семьи, изучение молодой семьи как специфического феномена [Kogolenko, Kalachikova 2022; Климантова 2008]. И наконец, исследование студенческой семьи на разных этапах развития нашего государства – С.Б. Денисов, Т.К. Ростовская и др. [Денисов 2012; Ростовская, Кучмаева, Золотарева 2023]. В работе используются следующее определение: студенческая семья – это семья, в которой оба супруга находятся в возрасте до 25 лет (включительно), состоят в зарегистрированном браке и являются студентами очной формы обучения образовательных организаций высшего образования. Для детной (многодетной) студенческой семьи возраст может быть увеличен до 30 лет (при условии, что один из супругов является студентом очной формы обучения образовательной организации высшего образования [Ростовская, Князькова 2022].

Результаты указанных теоретических исследований были систематизированы при

построении концепции благополучной молодой семьи, также были проанализированы итоги реализации Концепции государственной политики в отношении молодой семьи, принятой в 2007 г. [Письмо... web]. По результатам совместной работы российских ученых и государственных служащих в 2007 г. в основу реализации государственной семейной политики был положен принцип создания условий для формирования устойчивого семейного благополучия как фактора социальной и демографической безопасности.

Под руководством проф. Т.К. Ростовской разрабатывается концепция семейного благополучия и выделены параметры благополучной семьи, в том числе студенческой: демографические (полная семья, легитимный брак, наличие детей); материальные (отдельное комфортное жилье, обеспечение потребностей членов семьи в качественном образовании, медицине, отдыхе и т. д.); социально-психологические (отсутствие у членов семьи вредных привычек, противоправных социальных практик, благоприятный психологический климат в семье, вовлеченное родительство), а также наличие специфических ценностей (ценность родственных связей, детей и др.) [Ростовская, Кучмаева, Золотарева 2023].

Таким образом, несмотря на то, что проведено много исследований благополучия, брачного и репродуктивного поведения молодых и студенческих семей, работ, анализирующих социальные практики и мотивацию брачного и репродуктивного поведения членов студенческих семей, не так много. Данное исследование ориентировано на определение типов социальных действий (целерациональное, ценностно-рациональное, традиционное и аффективное), лежащих в основе принятия решения о создании семьи (в некоторых случаях рождения детей) во время обучения в высшем образовательном учреждении, а также на выявление рисков благополучия в студенческих семьях.

Методика исследования благополучия студенческих семей

Эмпирической базой послужили результаты авторского исследования, проведенного специалистами ИДИ ФНИСЦ РАН в 2022 г.

среди членов студенческих семей методом глубинного интервью. Категории анализа были разработаны на основе понятия «благополучие семьи». Определение студенческой семьи легло в основу критериев отбора информантов для построения целенаправленной выборки. Рекрутинг информантов производился через администрации высших учебных заведений 10 регионов РФ; в выборку были включены информанты члены студенческих семей (с детьми и без детей) возрастных групп с 18 до 25 лет включительно ($n = 80$). Исследование проводилось на базе крупных российских университетов, в которых обучаются студенты из разных регионов РФ – Московский городской педагогический университет, Московский медико-стоматологический университет, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российский государственный социальный университет, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва); Башкирский государственный университет (Республика Башкортостан, г. Уфа); Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (Республика Мордовия, г. Саранск), Удмуртский государственный университет (Удмуртская Республика, г. Ижевск); Волгоградский государственный университет (Волгоградская область, г. Волгоград), Муромский институт – филиал Владимирского государственного университета (Владимирская область, г. Муром); Ивановский государственный университет (Ивановская область, г. Иваново), Омский государственный университет (Омская область, г. Омск); Уральский федеральный университет (Свердловская область, г. Екатеринбург), Тверской государственный университет (Тверская область, г. Тверь). Университеты как социальные кластеры аккумулируют студентов не только из региона, в котором находятся, но и других регионов РФ, в тоже время поиск информантов выходил за рамки базовых университетов, рекрутировались также информанты, обучающиеся в иных университетах региона. Для обработки полученных результатов использовались метод «обоснованная теория» и методика реконструкции жизненного пути семьи. Интервью выстраивалось на основе гайда, состоящего из открытых вопросов.

Результаты исследования благополучия студенческих семей на основе данных глубинного интервью

Студенческие семьи, включенные в выборку исследования, полностью соответствовали первому (демографическому) параметру благополучия – это полные семьи, брак является легитимным, в некоторых семьях уже есть дети, в других – рождение детей планируется.

Материальное благополучие студенческих семей

Социально-экономический статус членов студенческой семьи соответствует статусам родителей супругов. В целом социальные статусы родителей членов студенческих семей также сопоставимы. В выборке нет примеров, когда родители молодых супругов принадлежат к разным социально-экономическим группам. В то же время сами студенческие семьи, попавшие в выборку, принадлежат к разным статусным группам, поэтому по параметру «материальное благополучие» мы сгруппировали студенческие семьи следующим образом. Во-первых, материально благополучные студенческие семьи (есть жилье, основные потребности членов семьи в образовании, медицине, отдыхе и т. д. – обеспечены). Например, судить о высоком статусе родительской семьи позволяют следующие суждения:

«Мы очень много путешествовали. 5 лет подряд я проводила время в Англии в летних школах. <...> Полная диспансеризация 1 раз в год. И врачи по запросу или необходимости» (информант 30: жен. 23 года, г. Москва);

«Живем в квартире свекрови (она проживает в другой стране <Швейцарии>). О покупке собственного жилья пока не думаем, рассматриваем варианты переезда в другую страну» (информант 34: жен. 23 года, г. Москва).

Во-вторых, семьи, нуждающиеся в материальной поддержке. Если в предыдущих примерах информанты из полных семей, родились или проживают в городах федерального значения, уровень жизни их семей, в том числе студенческой семьи, высокий, во вто-

ром случае самооценка уровня жизни средняя и ниже.

«Свадьбы не было, даже не было букета цветов. Дедушка мужа подарил деньги, и мы съездили в Казань» (информант 55: жен. 23 года, г. Волгоград).

«На удивление, мама меня туда записывала, в брак <...> она всегда хотела, чтобы я уехала из страны. А его родители живут в Каире, в Египте» (информант 51: жен. 22 года, г. Тверь).

Таким образом, в некоторых кейсах родители информантов (в двух приведенных выше примерах родители информантов разведены) рассматривают брак детей как инструмент реализации собственных проектов.

Жилищный вопрос студенческие семьи решают в зависимости от обстоятельств – в первом случае (обеспеченные семьи) у каждого из супругов есть собственное жилье; или у одного из супругов есть жилье; или жилье предоставляют родители. Во втором случае – супруги арендуют жилье, проживают в общежитии. Многие информанты отметили, что во время обучения в университете они не смогут взять ипотеку, так как им нечем подтвердить заработок, следовательно, поэтому они будут откладывать рождение детей до момента, пока не решат жилищные вопросы. Кроме финансовых, жилищных проблем, молодые супруги ориентированы на удовлетворение потребности в интересном досуге (путешествия, хобби и т. д.) и частично или полностью их удовлетворяют, в зависимости от дохода.

Социально-психологические параметры благополучия студенческих семей

Оценим социально-психологические параметры благополучия студенческих семей, а также выделим ценностные основания формирования семьи. Выявлено, что идеальный тип семьи для информантов – партнерская семья, но не всегда ожидания от семейной жизни совпадают с реальными практиками. Приведем примеры благополучных семейных взаимоотношений:

«Ну распределение ролей какое? Ну, знаете, я работаю, она сидит дома. Вот, какое распределение ролей я представлял. Но сейчас, так как я учусь, и у меня нет

возможности обеспечивать двоих людей сразу, она тоже подрабатывает, вот, ну, а так по хозяйству у нас все пополам. То есть, например, она готовит, я мою посуду, или, например, если я готовлю, она моет посуду» (информант 4: муж. 22 года, г. Уфа).

«Добытчик испокон веков мужчина <...> Последнее слово за мной, но все обсуждаем. Например, покупку квартиры» (информант 14: муж. 26 лет, г. Москва).

«Я думаю, что мы стараемся в равной степени вкладываться и в домашний быт, и как-то создавать общий семейный бюджет» (информант 25: муж. 24 года, г. Москва).

В то же время женщина хочет находиться под защитой мужчины, на вопросы «Соответствуют ли Ваши ожидания реальности?», «В чем соответствуют, в чем не соответствуют?» получены следующие ответы:

«Соответствуют. Он у нас добытчик в семье, он у нас работает, а я учусь за себя и за него, так сказать. Ну, я занимаюсь домашним хозяйством естественно, а он нет. <...> Но дела хозяйственные, конечно, он мне помогает, когда у него есть возможность» (информант 6: жен. 21 год, г. Иваново).

Некоторые семьи нуждаются в психологической поддержке для формирования или восстановления семейного благополучия:

«Представляла совершенно по-другому. Можно сказать так, как в романтических сериалах о любви и верности. Роли так же в мечтах своих распределяла поровну. Не соответствуют. Как оказалось создавать семью легко, а вот жить с ней тяжело. Все легло на мои плечи. Бюджет можно сказать общий, но его стараются контролировать свекровь. Все бытовые вопросы решаю я» (информант 43: жен. 24 года, г. Москва).

«Изначально думала, что отношения со свекрами будут НАМНОГО лучше. В этом ожидания не соответствуют реальности. И что буду проводить больше времени с супругом, но работа и пандемия внесли свои коррективы. И период "притирки" у нас занял больше времени и ресурсов, чем я ожидала. В остальном все соответствует» (информант 30: жен. 23 года, г. Москва).

«Разочаровалась, что у тебя под ухом храпят. Хотела сказать еще <...> когда жила с родителями, я готовила по желанию. Есть у меня желание что-то прям очень сильно приготовить, то да. <...> Иногда приходишь, устаешь: думаешь, что тебе еще надо готовить» (информант 69: жен. 22 года, г. Ижевск).

Несоответствие распределения обязанностей в семье представлениям информантов является существенной угрозой браку, информанты в этом случае отмечали потребность в помощи психолога для урегулирования внутрисемейных взаимоотношений. В целом согласно самооценке текущего брака супругами, можно сделать вывод: чем дольше длится брак без снятия внутрисемейный противоречий, тем менее информанты уверены, что текущий брак заключен на всю оставшуюся жизнь.

Основные проблемы студенческих семей

Следующий блок вопросов был направлен на выявление проблем студенческой молодой семьи, информированности членов молодой семьи о мерах поддержки. Требуемые меры поддержки молодых студенческих семей зависят от материального благополучия студентов.

Семьи материально обеспеченные нуждаются только в психологической поддержке в периоды семейных кризисов, а также в помощи с трудоустройством, ориентируясь на более высокие доходы, чем может получить студент во время обучения, совмещения работы и учебы. В тоже время есть потребность в психологической помощи и решении проблемы с трудоустройством и у менее обеспеченных студентов, однако самым острым остается вопрос покупки собственного жилья:

«Да, обращались в соцзащиту, стояли в очереди, как молодая семья за сертификатом на покупку жилья. Встали в очередь, но пока поддержку не получили. Потому что большая очередь, в первую идут многодетные семьи, независимо от того, когда вступили на очередь, поэтому так долго» (информант 13: жен. 25 лет, г. Москва).

«Везде требуется официальный заработок, хотя мы студенты, как бы. Ну, мы не мо-

жем позволить себе справку о том, что у тебя есть большой доход, чтобы взять ипотеку» (информант 6: жен. 21 год, г. Иваново).

Есть специфические проблемы у семей с детьми:

«Говорила о нянях, неплохо было бы найти. В финансовом плане все в порядке, помощь не нужна» (информант 11: жен. 23 года, г. Москва).

«Вопросы здоровья ребенка остро стоят в нашей семье» (информант 13: жен. 25 лет, г. Москва).

Информанты отмечают, что не информированы о том, что им полагается какая-либо помощь от государства, пока у них нет детей. Те, кто уже имеют детей, отмечают, что помощь получают:

«Вот классно, когда у тебя есть, наверное, московская прописка, я так уже поняла, там немного всяких приколюх. Во-первых, идет молочная кухня, на ребенка дается питание, очень много различных пюре, каши, ну то есть очень хорошая помощь, и также идут социальные выплаты по уходу за ребенком до полутора лет, и при рождении ребенка тоже даются очень хорошие суммы» (информант 23: жен. 23 года, г. Москва).

«Мы использовали материнский капитал при рождении первого ребенка. Мы использовали все возможные выплаты при рождении ребенка, под которые мы подошли. Сейчас мы участвуем в программе регионального материнского капитала Тверской области это 200 тысяч рублей – выплата на жилье. Это программа именно для студентов, то есть, чтобы ее получить необходимо, чтобы один из супругов был студентом очного отделения. 200 тыс. на первого ребенка, 300 тыс. на второго и 450 тыс. на третьего. Если сложить все возможные деньги, то за первого ребенка я получу порядка 700 тысяч рублей» (информант 54: жен. 22 года, г. Тверь).

Опыт Тверской области могут брать в пример другие регионы, так как ресурсы, полученные по данной программе позволят сдвинуть сроки рождения первого ребенка в регионах, если выплаты будут соответствовать потребностям среднестатистической студенческой семьи.

«Да, мы взяли квартиру в ипотеку. Да, как студент, имеющий двух детей, получал единовременную материальную помощь» (информант 12: муж. 25 лет, г. Москва).

Университеты предоставляют, по возможности, студентам комнаты в семейных общежитиях, а также материальную поддержку по заключению брака и рождению детей.

«Я думаю, что предоставление семейного общежития на самом деле облегчило бы нашу ситуацию финансовую, но в целом так мы справляемся, я думаю, что это не так актуально, да и все остальное тоже» (информант 25: муж. 24 года, г. Москва).

Не все молодые люди готовы получать поддержку, оценивая негативно бюрократические процедуры:

«Это хорошо, что у нас есть родственники, которые могут помочь, там, не знаю, посидеть в какой-то день с ребенком, когда нужно кучу всяких бумаг собрать. Это первое, значит. Во-первых, это муторно очень, очень долго, чтобы получить там двести рублей, условно, от нашего государства, нужно собрать стопку бумаг и так далее и тому подобное. Ну и естественно, наверное, очень устарели уже эти выплаты. Соответственно, доехать просто до места получения этих продуктов, потрачу больше, даже если на маршрутке ехать. А уж с маленьким ребенком не поедешь же в общественном транспорте, тем более в таком положении короновируса» (информант 7: муж. 22 года, г. Москва).

«Нет, не получали, нам ничего не нужно от государства, но и разбираться в этой бюрократии не хочется. Не нуждались в помощи, рассчитываем только на себя (и на моральную помощь родителей)» (информант 18: жен. 20 лет, г. Москва).

Конечно, есть проблемы и организацией образовательного процесса:

«То есть если у нас студенты какие-то выходят замуж или женятся, и у них появляется ребенок, было бы очень неплохо, если бы от нашего института была какая-то помощь, которая помогала бы собрать документы, может быть, куда-то отправить их, чтобы лишний раз не ездить,

чтобы решала вопросы какие-то с некоторыми преподавателями, потому что, на самом деле, есть преподаватели, которым, как сказать, безразлично» (информант 7: муж. 22 года, г. Иваново).

Еще один интересный кейс, информированные молодые люди готовы пользоваться разными программами поддержки:

«Ну вот, единственная помощь от государства – материальная. Мы планировали обратиться. Это вот выплата от 130 до 350 тыс. на покупку автомобиля человеку с правами, у которого ранее не было зарегистрировано транспортное средство» (информант 50: жен. 20 лет, г. Тверь).

Сценарии развития брачных отношений

Важным фактором готовности молодых людей к студенческим бракам, определяющим сценарий вступления в брак, является опыт социализации в родительской семье. Студенты говорят, что в целом родители поддержали заключение ими брака. Большая часть информантов отметила, что их родители так же заключили брак в ранней молодости:

«Получается, там примерно схожая история, что и у нас <...> Вот, там тоже, как мне рассказывали, любовь с первого взгляда и так далее, и понеслась» (информант 4: муж. 22 года, г. Уфа).

«Знакомство родителей произошло еще в ту пору, когда они были совсем молодыми, будучи учениками одной школы, отец сразу же начал проявлять знаки внимания своей будущей супруге. Вот уже более 20 лет они живут счастливо в браке» (информант 39: муж. 22 года, г. Москва).

«Мои родители учились вместе в школе, и влюбились друг в друга еще в 5 классе. В 19 лет папа сделал маме предложение, она согласилась. И вот им сейчас 50 лет, уже 30 лет они живут вместе. У моих родителей 3 детей: я, брат, сестра» (информант 35: жен. 20 года, г. Москва).

Не все родители информантов сохранили брачные отношения:

«Мои родители познакомились в университете, учились на одном факультете. Вместе прожили, наверное, лет 10, вот. Потом, насколько я знаю, папа изменил,

мама об этом узнала» (информант 50: жен. 20 лет, г. Тверь).

«Они познакомились, когда маме было 17, папа служил в армии. Проходил службу в городе, где мама проживала. Там они познакомились, немножко повстречались и как-бы поженились, и папа отвез ее в свой город. На данный момент они в разводе» (информант 53: жен. 24 года, г. Тверь).

В выборку не попали информанты, чьи родители не имеют опыта ранних брачных отношений, необходимо отдельно исследовать такие случаи, конечно, они не исключены.

В основе брачного поведения лежат разные социальные практики, мы выделили семь основных сценариев.

Первый сценарий – трансформация детско-юношеских романтических отношений, детско-юношеской любви в брачные отношения:

«Так, ну, мы учились вместе в школе, в одном классе. <...> Ну, в общем, выбор в его пользу я не сделала, у меня был другой парень. Вот, потом мы уже начали встречаться, когда я уже училась на 2-м курсе <...> старые чувства вспыхнули, так сказать» (информант 6: жен. 21 год, г. Иваново).

«Это была девочка из компании моей, это была подруга моего младшего брата. Вот он нас познакомил, собственно. Мы познакомились, получается, в 2017 году. Да, мне было тогда, сколько, семнадцать лет. Или шестнадцать мне было?» (информант 4: муж. 22 года, г. Уфа).

«Мы вместе с Краснодарского края. Познакомились просто на улице. Понравились друг другу. Поступили в один город. И на 2-м курсе сделал предложение» (информант 47: жен. 20 лет, г. Тверь).

«Познакомились в детстве на даче. До заключения брака вместе не жили» (информант 30: жен. 23 года, г. Москва).

«Познакомились в детском лагере в 2012 году. Я не проживала в Волгоградской области. Приехала в Волгоград, тут и познакомились. Он вернулся с учебы. Мне было 13 лет, ему 18» (информант 55: жен. 23 года, г. Волгоград).

Второй сценарий – эффективная совместная деятельность, общие ценности:

«Наше знакомство большая история, познакомились 8 лет назад, занимались

общественной деятельностью, были волонтерами «Молодой гвардии». Посещали детдома, ветеранам помогали, различные мероприятия посещали совместно» (информант 15: муж. 25 лет, г. Москва).

«У нас были общие интересы – это секция фехтования, мы до сих пор туда ходим...» (информант 22: жен. 23 года, г. Москва).

«Познакомились, где я пела, а муж работал в том же храме» (информант 16: жен. 22 года, г. Москва).

Третий сценарий – знакомство в компании друзей, на работе:

«Познакомились на одной из работ. Вот ну пообщались где-то ну, наверное, полгода» (информант 12: муж. 25 лет, г. Москва).

«Мы познакомились в общей компании. Меня подружка познакомила со своими друзьями, вот, и там был мой будущий муж» (информант 50: жен. 20 лет, г. Тверь).

Четвертый сценарий – знакомство через социальные сети:

«Месяц общались, потом встретились и начали встречаться. Я проигнорировала, но он был настойчив. Своей настойчивостью он покорила меня» (информант 56: жен. 20 лет, г. Волгоград).

Пятый сценарий – «влияние родителей»: «Нас познакомили родители наши» (информант 48: жен. 22 года, г. Тверь).

«К замужеству склонила моя свекровь» (информант 43: жен. 24 года, г. Москва).

Шестой сценарий – «необходимость юридического закрепления отношений»:

«Супруга должны были положить на операцию, но меня могли не пустить в палату, так как мы не семья. И я говорю: «Давай распишемся». С юридической точки зрения брак очень удобен» (информант 55: жен. 23 года, г. Волгоград).

«Ну все ради именно вот этого упрощения системы жить в общежитии, вот чтобы там выделили общую комнату. Нам хотелось вот личного гнездышка для нас» (информант 70: жен. 18 лет, г. Ижевск).

Седьмой сценарий – «ответственность за внеплановую беременность». В выборке из 80 интервью встретились только два случая внеплановой беременности. В первом случае это привело к заключению вынужденного брака:

«Решения в целом не было. Были обстоятельства – я забеременела. А ребенок должен родиться в браке. <...> Сейчас я живу в общежитии университета, на выходные езжу в деревню, там мы вместе. А так: я в общежитии, он на квартире. Поэтому что мне ближе так добираться до учебы» (информант 78: жен. 18 лет, г. Ижевск).

Во втором случае это принесло радость, так как сватовство уже состоялось, стороны были готовы как к заключению брака, так и к рождению детей:

«Я всегда знала, что в Университете рожу. Это было на подсознательном уровне, от опыта моей семьи» (информант 56: жен. 20 лет, г. Волгоград).

Этот пример показывает, что чаще всего мотивация к браку не ограничивается одной причиной, но при благоприятных обстоятельствах преобладает потребность быть рядом друг с другом и закрепить отношения соответствующим образом.

Характерной чертой студенческих браков, в некоторых сценариях, является активной брачное поведение мужчины (молодого человека), женщине (девушке) не нужно «принуждать» мужчину к браку. В случае, если девушка и молодой человек обсуждают будущее, то молодые люди не избегают разговоров о семье и детях. На вопрос «Как Вы пришли к решению заключить брак?» мужчины давали следующие пояснения:

«Ну знаете, просто, ну как, так должно быть! Вот, в плане того, что, сколько мы, три года общались или четыре. <...> Она стоит на кухне, картошку чистит, вот, я подхожу, говорю, надо бы нам пожениться. Она такая: “Мм, романтично”» (информант 4: муж. 22 года, г. Уфа).

«И как-то в один день мне в голову пришло, что это моя женщина, моя любовь, и я хочу с ней жить дальше» (информант 15: муж. 25 лет, г. Москва).

Молодые женщины при ответе на вопрос «Как Вы пришли к решению заключить брак?» отмечали:

«Муж предложил выйти замуж, я согласилась, но сначала долго думала» (информант 17: жен. 22 года, г. Москва).

«Мы долго обговаривали этот момент и поняли, что у нас в целом взгляды

жизненные схожи. Мы решили, что это логичный вариант» (информант 26: жен. 19 лет, г. Муром).

«Наверное, через месяц после знакомства, потому что он мусульманин, и нужно производить никах, чтобы с девушкой начинать какие-то взаимоотношения... <...> Ну и я ради него в принципе на это пошла. Для меня это ничего не значило, ну и потом уже решили буквально через неделю, что можно заключить брак в ЗАГСе» (информант 51: жен. 22 года, г. Тверь).

Таким образом, на исследовательский вопрос «Было ли создание семьи осознанным актом?» можно ответить следующим образом: для молодых людей, это осознанный шаг, если это не вынужденные обстоятельства (влияние родителей, незапланированная беременность, юридическая необходимость), однако понимание всех аспектов супружеской жизни приходит со временем, в целом реальные трудности, с которыми сталкиваются студенческие семьи, повторяют трудности других типов молодой семьи, исключая трудности совмещения образования и семейных обязанностей.

Репродуктивные установки студенческих семей

Ценность детей в студенческих семьях довольно высокая, в тоже время наблюдается повышенная ответственность за то, чтобы дать детям приемлемое (лучшее) воспитание, образование, материальное обеспечение. Воспроизводятся типичные причины отложенного родительства, т.е. высокий репродуктивный потенциал студенческой семьи не может быть реализован в связи с ограниченностью ресурсов:

«Ну знаете, о детях мы говорили, да, но мы особо детей не хотим, вот. Так что пока, собственно, ждем, может лет через пять-шесть, когда, знаете, когда закончим бакалавриат, пойду в магистратуру вот, потом может быть, в аспирантуру, вот когда уже, знаете, будет определенная финансовая стабильность» (информант 4: муж. 22 года, г. Уфа).

«Я хотел бы одного ребенка, я в этом уверен, потому что я понимаю, что я могу

уделить внимание конкретно одному ребенку, чтобы он не чувствовал себя одиноким. Я встречал много примеров, когда дети, к сожалению, терялись, потому что не хватало отцовского внимания, и в целом родительского, а я не хотел бы, чтобы это случилось с моим ребенком» (информант 25: муж. 24 года, г. Москва).

«Первостепенно – финансовая база, чтобы будущее ребенка было светлым. От этого нужно и отталкиваться, касаясь вопроса о количестве детей. На данный момент, мы не располагаем такими средствами для того, чтобы ребенок ни в чем не нуждался, поэтому стоит повременить» (информант 39: муж. 22 года, г. Москва).

«По поводу количества у нас немного разные мнения. То есть я, наверное, больше предпочитал то, что должен быть единственный ребенок. Жена говорит – минимум двое. Я родился в семье, у меня был только старший брат, и как-то не знаю... Мне всегда казалось, да это так и было в принципе, то, что ему уделяли больше внимания» (информант 59: муж, 21 год, г. Волгоград).

«Ну, я еще пока не готова к детям, сто процентов. Муж, конечно, говорил, что он хочет, уже вот даже в ближайшее время. Но пока я считаю, что мы не готовы ни финансово, ни в принципе морально» (информант 6: жен. 21 год, г. Иваново).

«Обсуждали этот вопрос до брака и после, но сейчас не готовы стать родителями, так как есть определенные цели и амбиции, которые хотелось бы воплотить в жизнь до рождения детей. Сейчас у нас не на столько устойчивое финансовое положение для того, чтобы быть родителями» (информант 36: жен. 24 года, г. Москва).

Есть и примеры готовности мужчин к рождению детей: «Ну, во-первых, за своей женой я бегал с пятого класса, это, во-первых. Во-вторых, я очень люблю детей, как и моя жена, поэтому ждать у моря погоды – зачем? Пока молодые, пока это возможно...» (информант 7: муж. 22 года, г. Иваново, супруге 22 года)

«У нас есть один замечательный ребенок. Артем Кириллович, его рождение

было запланировано и обговаривалось не один раз» (информант 37: муж. 20 лет, г. Москва, супруге 20 лет).

Информант 80, сам из многодетной семьи, имеет четкие репродуктивные планы, которые не разделяет его супруга. На вопрос «Обсуждали ли вы с супругой, сколько детей вы хотите и когда они появятся?» получен следующий ответ:

«Обсуждали. Но к конкретике не пришли. Два, например: мальчик и девочка. Ну, она боится рожать. Пока не понимает и боится. Может, со временем поймет и захочет много детей. Раньше она категорически была против, сейчас стала к этому проще относиться» (информант 80: муж. 18 лет, г. Ижевск).

Наиболее оптимистично говорят о реализации планов по рождению детей в семьях, где супруга – студентка, а супруг более старшего возраста и уже обеспечивает семью:

«О детях говорим, планируем. Хотим как можно скорее, пока молодые. Планируем как минимум 2, а там как получится» (информант 49: жен. 22 года, г. Тверь, супругу 27 лет).

Рассмотрим мотивы рождения детей в студенческой семье, где уже есть ребенок (дети).

«Продолжение рода, любовь к детям» (информант 11: жен. 23 года, г. Москва, супругу 29 лет).

«Ребенок родился после заключения брака, но я не скажу, что мы его планировали, но, когда я узнала о беременности, мы обрадовались» (информант 13: жен. 25 лет, г. Москва, супругу 29 лет).

«У меня двое детей, первого очень ждали и хотели, вторая получилась случайно, на данный момент больше не хочу детей, роды были сложными и как минимум 5 лет точно без новорожденных» (информант 44: жен. 23 года, г. Москва, супругу 26 лет).

«У нас один ребенок. С супругом мы обсуждали сколько детей хотим, а вот когда – нет. Если все будет хорошо, то хотим троих. Ну, если не особо, то двоих» (информант 48: жен. 22 года, г. Тверь, супругу 26 лет).

«Ну, когда сразу вступали в брак, мы хотели детей просто может быть не це-

ленаправленно, но мы хотели детей. И оно как раз так получилось, что вот хотели, и оно получилось» (информант 53: жен. 24 года, г. Тверь, супругу 25 лет).

«Один ребенок, дочка. Я подумала, что это будет весьма удобно. Как раз я сейчас заканчиваю 4 курс, моему ребенку год, она может пойти в садик. Плюс у нас есть помощь» (информант 54, жен. 22 года, г. Тверь, супругу 33 года).

«Двое детей. Скорее всего, да, очень долго планировали. Не получалось по медицинским показаниям, пришлось обратиться к ЭКО» (информант 12: муж. 25 лет, г. Москва, супруге 26 лет).

«Один. Запланировано. Мы понимали, что женитьба у нас по любви и соответственно захотели продолжения рода» (информант 14: муж. 26 лет, г. Москва, супруге 24 года).

Выявлено, что влияние родителей на репродуктивные планы не играет существенной роли – родители могут как «просить» рождения внуков, так и предостерегать от ранних рождений. Информанты отмечают, что в большей степени хотели бы увидеть правнуков их бабушки и дедушки, будущие прабабушки и прадедушки. Таким образом, можно сделать следующий вывод. Студенческие семьи создаются, чтобы близкие люди могли на законных основаниях проводить больше времени вместе, репродуктивные установки являются сопутствующими барачному поведению, только окончательно сформированные установки на деторождение приводят к осознанному рождению детей во время студенчества.

Выводы

В основе стратегий формирования благополучия студенческих семей лежат семь сценариев развития добрых отношений: трансформация детско-юношеских романтических отношений, детско-юношеской любви в брачные отношения; эффективная совместная деятельность, общие ценности как основа заключения брака; знакомство в компании друзей, на работе; знакомство через социальные сети; «влияние родителей», «необходимость юридического закрепления отношений», «от-

ветственность за внеплановую беременность». Начало отношений существенно влияет на благополучие семьи. В первых двух случаях матримониальное поведение сопряжено с целерациональным поведением мужчины, фиксируется активность молодого человека, готовность брать ответственность за семью, формируется глубокая эмоциональная привязанность. Развитие брачных отношений, если знакомство произошло в компании друзей, на работе или через социальные сети также протекает благоприятно, преобладают целерациональные и ценностно-рациональные социальные практики. Негативные сценарии брачных отношений связаны с тем, что брак стал вынужденным решением под влиянием родственников или обстоятельств (юридическое оформление брачных отношений в связи с болезнью; внеплановая беременность).

Репродуктивное поведение студенческих семей не отличается от репродуктивного поведения других типов российской молодой семьи, дети в студенческих семьях, где брак заключен осознанно, являются запланированными. Установки на репродуктивное поведение (как и на брачное поведение) закладываются в родительской семье. Практически во всех исследуемых кейсах родители информантов заключили брак в студенческое время или ранней молодости. Но, даже если брак родителей закончился разводом, информанты успешно самореализовались. Во всех случаях родители сами (или с помощью бабушек и дедушек) смогли воспитать ребенка, обеспечить, помогают и сейчас получать образование, строить семейную жизнь. Опыт сохранения функциональных связей с родственниками является смягчающим обстоятельством по сути рискованного поведения молодых людей, заключающих брак до получения высшего образования, исключение составляют семьи, где один из супругов старше, полностью обеспечивает семью.

Идеальным образцом взаимодействия в семье для молодых людей являются партнерские отношения, в которых оба супруга, по договоренности, вносят посильный вклад в развитие семьи. Проблемы обусловлены тем, что один из супругов пренебрегает обязанностями или не готов к их выполнению. Совмещение ролей студента, супруга, ребенка (для

своих родителей) и родителя (если появляются дети) – тяжелая задача, поэтому студенческие семьи нуждаются в психологической помощи, а не только в материальной. Для обеспечения семьи студенты вынуждены устраиваться на работу, что расширяет ролевые задачи, усложняет быт студенческой семьи.

Студенческие семьи нуждаются в разнообразной помощи – материальной поддержке, психологической, в получении жилья, в поиске работы, в уходе за детьми и др. Часть обозначенных проблем можно решить с помощью ресурсов образовательных учреждений – индивидуальные планы обучения для семей с детьми, выделение мест в общежитии, информирование о программах поддержки, организация стажировок у крупных работодателей и др. В качестве рекомендации высшим образовательным учреждениям можно предложить не только вести статистику студенческих семей, но и приглашать супругов на диагностику семейных отношений в кризисные периоды брака. В целом необходимо разработать на федеральном уровне меры материальной поддержки студенческих семей, это окажет влияние на репродуктивные планы студенческой семьи, позволит не откладывать рождение ребенка при сохранении или улучшении материального положения семьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонов, Карпова, Ляликова 2021 – Антонов А.И., Карпова В.М., Ляликова С.В. Соотношение желаемого и фактического благосостояния семей: по данным социолого-демографического опроса супружеских пар // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17, № 1. С. 121–131.
- Архангельский, Елизаров, Джанаева 2021 – Архангельский В.Н., Елизаров В.В., Джанаева Н.Г. Дети или материальный достаток: детерминация выбора // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17, № 1. С. 102–120.
- Багирова 2022 – Багирова А.П. Престижность родительства и представления о нем в оценках уральского студенчества // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 20–29.

- Вебер 2021 – Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. В 4 т. Т. 1. Социология. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2021.
- Вишневецкий, Ячменева 2018 – Вишневецкий Ю.Р., Ячменева М. В. Отношение студенческой молодежи к семейным ценностям (на примере Свердловской области) // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 5. С. 125–141.
- Гурко (ред.) 2006 – Гурко Т.А. (ред.). Актуальные проблемы семей в России. М.: Ин-т социологии РАН, 2006.
- Денисов 2012 – Денисов С.Б. Социальная помощь студенческой семье в СССР: историко-правовой анализ // Вестник Мордовского университета. 2012. Т. 22, № 1. С. 67–72.
- Климантова 2008 – Климантова Г.И. Государственная семейная политика современной России: перспективы и социальные риски // Социальная политика и социология. 2008. № 6. С. 23–31.
- Кучмаева 2019 – Кучмаева О.В. Идеальная модель семьи в глазах россиян и стратегия по повышению ценности семейного образа жизни // Экономика. Налоги. Право. 2019. Т. 12, № 2. С. 70–82. DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-70-82
- Письмо... web – Письмо Минобрнауки России от 08.05.2007 № АФ-163/06 «О Концепции государственной политики в отношении молодой семьи» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98438
- Предоставление... web – Предоставление единовременной денежной выплаты женщинам, родившим первого ребенка в возрасте от 18 до 25 лет // <https://www.gosuslugi.ru/401316/1/info>
- Ростовская, Князькова 2022 – Ростовская Т.К., Князькова Е.А. Институциональные основы становления студенческой семьи как ресурса демографического развития России // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 169–179. DOI: 10.17213/2075-2067-2022-1-169-179
- Ростовская, Кучмаева, Золотарева 2023 – Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Золотарева О.А. Студенческая семья в России: детерминанты вступления в брак // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2023. Т. 23, № 1. С. 40–60.
- Birech 2013 – Birech J. Child Marriage: A Cultural Health Phenomenon // International Journal of Humanities and Social Sciences. 2013. Vol. 3, № 17. P. 97–103.
- Brown, Manning, Stykes 2015 – Brown S.L., Manning W.D., Stykes J.B. Family Structure and Child Well-Being: Integrating Family Complexity // Journal of Marriage and Family. 2015. Vol. 77, № 1. P. 177–190. DOI: 10.1111/jomf.12145
- Korolenko, Kalachikova 2022 – Korolenko A.V., Kalachikova O.N. Reproductive Attitudes of Young Families: Driving Forces and Implementation Conditions (On the Basis of In-Depth Interviews) // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2022. Т. 15, № 2. P. 172–189.
- Singh, Anand 2015 – Singh J., Anand E. The Nexus Between Child Marriage and Women Empowerment with Physical Violence in Two Culturally Distinct States of India // International Journal of Population Research. 2015. Art. ID 458654. P. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1155/2015/458654>
- Sobotka web – Sobotka T. Postponement of Childbearing and Low Fertility in Europe: Thesis Fully Internal (DIV), University of Groningen. 2004 // <https://pure.rug.nl/ws/portalfiles/portal/9808331/thesis.pdf>

REFERENCES

- Antonov A.I., Karpova V.M., Lyalikova S.V., 2021. The Gap Between Desired and Actual Level of Families: Well-Being According to the Results Sociological and Demographic Married Couples Survey. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, vol. 17, no. 1, pp. 121-131.
- Arkhangel'skiy V.N., Elizarov V.V., Dzhanyayeva N.G., 2021. Children or Material Support: The Determination of Choice. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, vol. 17, no. 1, pp. 102-120.
- Bagirova A.P., 2022. The Prestige of Parenthood and Ideas About It in the Assessments of the Ural Students. *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskiye nauk*, vol. 15, no. 1, pp. 20-29.
- Weber M., 2021. *Economy and Society. In 4 Vols. Vol. 1. Sociology*. Moscow, Izd. dom Vyssh. shk. ekonomiki.
- Vishnevsky Y.R., Yachmeneva M.V., 2018. The Attitude of Student Youth to Family Values (Case Study of the Sverdlovsk Region). *Obrazovaniye i nauka*, vol. 20, no. 5, pp. 125-141.
- Gurko T.A. (ed.), 2006. *Current Problems of Families in Russia*. Moscow, In-t sotsiologii RAN.
- Denisov S.B., 2012. Social Assistance to Student Families in the USSR: Historical and Legal Analysis. *Vestnik Mordovskogo universiteta*, vol. 22, no. 1, pp. 67-72.
- Klimantova G.I., 2008. State Family Policy of Modern Russia: Prospects and Social Risks. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya*, no. 6, pp. 23-31.

- Kuchmaeva O.V., 2019. The Ideal Family Model in the Eyes of Russians and a Strategy of Enhancing the Value of the Family Lifestyle. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*, vol. 12, no. 2, pp. 70-82. DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-70-82
- Letter of the Ministry of Education and Science of Russia Dated 08.05.2007 No. AF-163/06 "On the Concept of State Policy in Relation to a Young Family". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98438
- Provision of a One-Time Cash Payment to Women Who Gave Birth to Their First Child Between the Ages of 18 and 25. URL: <https://www.gosuslugi.ru/401316/1/info>
- Rostovskaya T.K., Knyazkova E.A., 2022. Institutional Foundations of the Formation of the Student Family as a Resource of Demographic Development in Russia. *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki*, vol. 15, no. 1, pp. 169-179. DOI: 10.17213/2075-2067-2022-1-169-179
- Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V., Zolotareva O.A., 2023. Russian Student Family: Determinants of Marriage. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya*, vol. 23, no. 1, pp. 40-60.
- Birech J., 2013. Child Marriage: A Cultural Health Phenomenon. *International Journal of Humanities and Social Sciences*, vol. 3, no. 17, pp. 97-103.
- Brown S.L., Manning W.D., Stykes J.B., 2015. Family Structure and Child Well-Being: Integrating Family Complexity. *Journal of Marriage and Family*, vol. 77, no. 1, pp. 177-190. DOI: 10.1111/jomf.12145
- Korolenko A.V., Kalachikova O.N., 2022. Reproductive Attitudes of Young Families: Driving Forces and Implementation Conditions (On the Basis of In-Depth Interviews). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 15, no. 2, pp. 172-189.
- Singh J., Anand E., 2015. The Nexus Between Child Marriage and Women Empowerment with Physical Violence in Two Culturally Distinct States of India. *International Journal of Population Research*, art. ID 458654, pp. 1-9. DOI: <https://doi.org/10.1155/2015/458654>
- Sobotka T., 2004. *Postponement of Childbearing and Low Fertility in Europe. Thesis Fully Internal (DIV), University of Groningen*. URL: <https://pure.rug.nl/ws/portalfiles/portal/9808331/thesis.pdf>

Information About the Authors

Tamara K. Rostovskaya, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Deputy Director, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Fotievoy St, 6, Bld. 1, 119333 Moscow, Russian Federation, rostovskaya.tamara@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1629-7780>

Ekaterina N. Vasileva, Doctor of Sciences (Sociology), Associate Professor, Professor, Department of Psychology, Pedagogy and Social Work, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation; Leading Researcher, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Fotievoy St, 6, Bld. 1, 119333 Moscow, Russian Federation, vasilevaen@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0460-5539>

Информация об авторах

Тамара Керимовна Ростовская, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, ул. Фотиевой, 6, корп. 1, 119333 г. Москва, Российская Федерация, rostovskaya.tamara@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1629-7780>

Екатерина Николаевна Васильева, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, ул. Фотиевой, 6, корп. 1, 119333 г. Москва, Российская Федерация, vasilevaen@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0460-5539>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.9>

UDC 316.472.4
LBC 60.524

Submitted: 10.05.2023
Accepted: 26.06.2023

SOCIAL MEDIA TECHNOLOGIES IN THE POLITICAL SOCIALIZATION OF STUDENTS

Yaroslavna S. Artamonova

Moscow Technical University of Communications and Informatics, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article reveals the role of social media and modern communication technologies influencing process of political socialization of students who is an actor of innovation in society. The political socialization of students is influenced by historical events, widespread political values, and political system. It is shown that during periods of social change political norms and values are blurred, the influence of previously dominant agents and mechanisms of political socialization (families, schools, education systems) decreases, new agents of political socialization of students (reference groups, bloggers, Internet communities) come to the fore. The main tool of political socialization of students is mediated communication through social media. The influence of traditional media on young people is decreasing while at the same time the influence exerted by social media is growing. Social media itself acts as a technology for promoting various ideas including political ones. Specific types of youth involvement in politics such as online contact and direct participation are considered. The technologies of social media influence on the political socialization of young people are described that allow fragmenting the public sphere (“filter bubbles”, “echo chambers”, “information bunkers”) forming clip consciousness which does not contribute to the reflection and holistic perception of the political picture in the world. It is emphasized that the most active participants of online communities are students who easily pick up trends and images. There are no structures in modern social networks that guarantee the minority qualitatively equal access to the advisory function of public sphere. The article shows the role of expert communities in politics, social management and influence on youth. It is noted that the expert community as a self-organizing disordered system has the property of dissipativity. The functions of the expert community are analytical, communicative, educational, predictive, ideological, innovative. The technologies of the agenda and creation of thematic groups and communities in social media are considered, political trends in thematic groups and communities are highlighted. The majority determines the agenda. There is no censorship and strict moderation political discussions. Participation transmits from offline to online sphere.

Key words: social media, social media technologies, political socialization, political values, student youth, expert community.

Citation. Artamonova Ya.S. Social Media Technologies in the Political Socialization of Students. *Logos et Praxis*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 81-93. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.9>

УДК 316.472.4
ББК 60.524

Дата поступления статьи: 10.05.2023
Дата принятия статьи: 26.06.2023

ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Ярославна Сергеевна Артамонова

Московский технический университет связи и информатики, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье выявляется роль социальных сетей и современных коммуникационных технологий, которые оказывают влияние на процесс политической социализации студенческой молодежи, выступающей актором инноваций в обществе. На политическую социализацию студенческой молодежи влияют исторические события, разделяемые политические ценности, политическая система. Показано, что в периоды социальных изменений размываются политические нормы и ценности, снижается влияние доминировавших ранее агентов и механизмов политической социализации (семьи, школы, системы образования), на первый план выходят новые агенты политической социализации студенческой молодежи (референтные груп-

пы, блогеры, интернет-сообщества). Основным инструментом политической социализации студенческой молодежи выступает опосредованная коммуникация через социальные медиа. Влияние традиционных медиа на молодежь снижается, в то же время растет влияние, оказываемое социальными медиа. Социальные медиа сами выступают как технология продвижения различных идей, в том числе политических. Рассмотрены такие типы вовлечения молодежи в политику, как онлайн-контактирование и непосредственное участие. Описаны технологии влияния социальных медиа на политическую социализацию молодежи, позволяющие фрагментировать публичную сферу («фильтрующие пузыри», «эхо-камеры», «информационные бункеры»), формировать клиповое сознание, что не способствует отражению и целостному восприятию политической картины мира. Подчеркивается, что самым активным участником онлайн-сообществ является студенческая молодежь, легко подхватывающая тенденции и образы. В современных социальных сетях отсутствуют структуры, гарантирующие меньшинству качественно равный доступ к совещательной функции публичной сферы. В статье показана роль экспертных сообществ в политике, социальном управлении и влиянии на молодежь. Отмечается, что экспертное сообщество как самоорганизующаяся неупорядоченная система обладает свойством диссипативности. Выделяются функции экспертного сообщества: аналитическая, коммуникативная, просветительская, прогностическая, идеологическая, инновационная. Рассмотрены технологии повестки дня и создания тематических групп и сообществ в социальных медиа, выделены политические тренды в тематических группах и сообществах: большинство определяет повестку дня; отсутствие цензуры и жесткой модерации в обсуждении политических вопросов; переход из офлайн-участия в онлайн.

Ключевые слова: социальные медиа, технологии социальных медиа, политическая социализация, политические ценности, студенческая молодежь, экспертное сообщество.

Цитирование. Артамонова Я. С. Технологии социальных медиа в политической социализации студенческой молодежи // *Logos et Praxis*. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 81–93. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.9>

Введение

Молодежь является значимой социальной группой, позиция которой оказывает весьма заметное, а зачастую и решающее влияние на политические процессы. При этом отчетливо проявляются такие черты данной группы как динамичность, высокая мобильность и быстрая адаптация в условиях социально-экономических и политических перемен. Важно отметить, что молодежь не только аккумулирует в себе опыт предшествующих поколений, но и самостоятельно выступает актором инноваций в обществе, так как условия политической социализации молодежи включают исторические события, которые могут нести иные смыслы и ценности, чем исторические события, в которых социализировались предыдущие поколения. Молодежь действует в зависимости от того, какие политические ценности разделяет – традиционные (стандартные) для базовой политической культуры или новые (нестандартные) политические ценности. В ситуации разрыва политических ценностей разных поколений могут формироваться протестные настроения, риск которых повышается, если ограничена самореализация молодежи или не удовлетворены основные потребности. Политическая система,

в зависимости от баланса сил и угроз, может дестабилизироваться. Именно студенческая молодежь на разных исторических этапах становилась катализатором существенных политических и социальных изменений (революция, борьба за права афроамериканцев (The Student Nonviolent Coordinating Committee) и т. д.). В периоды социальных изменений процесс политической социализации обусловлен размытостью политических норм и ценностей, утратой роли доминировавших ранее агентов политической социализации (семьи и школы), механизмов и методов данного процесса, усилению новых агентов (отдельных акторов и референтных групп молодежной и подростковой субкультур) [Малькевич 2010].

Основной инструмент социализации – коммуникация, следовательно, большую роль в политической социализации молодежи играет не только непосредственная коммуникация, но и опосредованная, не только личная, но и с помощью средств массовой коммуникации. СМИ обладают не только ресурсами реализации права на свободу слова, но и ресурсами манипуляции, пропаганды. В современном мире СМИ расширили влияние на общественное мнение, благодаря использованию цифровых технологий, цифровизации через социальные медиа. Данные технологии доступны

разным агентам социализации (формальным и неформальным, институциональным и неинституциональным) как для передачи достоверной информации, так и фейков. Традиционно считалось, что основными субъектами коммуникации, а следовательно, социализации, в том числе политической, являются: семья и другие малые группы; образовательные учреждения; армия; традиционные СМИ; государственные институты. Политическая социализация студенческой молодежи, когда образовательная организация выступает одним из основных агентов социализации, изучена подробно в статьях В.А. Силантьевой [Силантьева 2015], В.В. Касьянова [Касьянов 2014], Л.А. Беляевой [Беляева 2020], А.И. Щербинина [Щербинин 2019]. Процесс политической социализации студенческой молодежи, где главную роль играют такие акторы и агенты, как новые медиа, виртуальные сообщества, социальные сети, представлен в работах Н.Н. Пачиной, Д.Д. Городовой, Т.Г. Дюбиной [Пачина, Городова, Дюбина 2023], А.А. Малькевич [Малькевич 2019], Н.В. Горбатовой [Горбатова, Малькевич 2015], А.В. Селезневой, А.Ф. Яковлевой, Э.С. Ибрагимов [Селезнева, Яковлева, Ибрагимов 2021]. В современном российском обществе влияние, оказываемое традиционными медиа на студенческую молодежь, снижается, в то же время возрастает влияние социальных медиа.

Влияние социальных медиа на политическую социализацию студенческой молодежи

Общепринятой дефиниции понятия «социальные медиа» в науке до сих пор нет. На наш взгляд, наиболее лаконичное, простое и актуальное определение принадлежит социологу Д. Мёрти: «В широком смысле социальные медиа означают множество относительно недорогих и широкодоступных электронных инструментов, позволяющих любому человеку публиковать и получать информацию, сотрудничать и выстраивать отношения с другими людьми» [Murthy 2013, 7–8]. Более развернутую дефиницию предлагает Д. Торнли: «Социальные медиа – это онлайн-коммуникация, в которой индивидуум плавно и гибко меняет свою роль, выступая то в качестве аудитории,

то в качестве автора. Для этого используется социальное программное обеспечение, которое позволяет любому без специальных знаний в области кодирования размещать, комментировать, перемещать, редактировать информацию и создавать сообщества вокруг разделяемых интересов» [Thornley web]. Социальные медиа с каждым годом расширяют свои функции. Появившись как средство быстрого и легкого общения, социальные медиа стали технологией продвижения бизнес идей, рекламы, политических взглядов и т. д. Сегодня социальные медиа существуют в таких формах как интерактивные приложения, блоги, сети фото- и видеоконтента, а также сообществ, наполненных данными, генерируемыми при помощи автоматических средств (интеллектуальных продуктов). Дифференцируем понятия «социальные медиа» и «социальные сети», согласно подходу американского маркетолога Д.М. Скотта, он разграничил их следующим образом: «Социальные медиа – это надмножество, социальные сети – это подмножество» [Scott 2010, 126].

Цифровая основа и большие данные требуют новых методов сбора и обработки данных в социальных сетях: анализ, включая картографирование проблем, веб-сканирование, выявление тенденций и метрик [Sujon, Dyer 2020, 1127].

Социальные сети являются одним из структурных элементов социальных медиа и, по мнению Я. Кицмана, К. Хермкенса, Я. Маккарти и Б. Сильвестра, включают семь функциональных блоков: «идентичность», «беседы», «распространение», «присутствие», «отношения», «репутация», «сообщества» [Kietzmann et al. 2011].

«Идентичность» (Identity). Данный блок отвечает за степень представления личных данных пользователя в сети Интернет. Несмотря на то, что возможность анонимности как бы существует, но по факту при наличии определенных технических познаний раскрыть ее не составляет труда. Также данные регистрации, которые «видят» сервера владельца информационного ресурса, могут собирать и годами копить персональную информацию, нередки и случаи, когда персональные данные и переписки идентифицировались и выдавались по запросам специализированных органов, несмотря

на обещание полной конфиденциальности и анонимности [Kietzmann et al. 2011, 243].

«Беседы» (Conversations). Так как изначально социальные сети задумывались как удобное средство для общения, данный блок определяет средства и методы, формы общения и коммуникации, использующей ту или иную символику. Возможность высказаться публично сейчас многообразна – можно рассказать о своей политической позиции на игровом стриме, написать и выложить на специализированный сайт рассказ или пост, сделать твит, прокомментировать политический обзор или речь политика и др. Нарастание социального капитала стало монетизируемым: существует множество различных подписок, где за регулярную плату или донаты (добровольные пожертвования) можно смотреть политические обзоры. Ранее политические идеи транслировались через радио, газеты и книги, сейчас через технологии сети Интернетом оказывается политическое влияние [Kietzmann et al. 2011, 244–245].

«Распространение» (Sharing). Данный блок способствует пользователям в распространении, получении и отправке контента. Мало кто в настоящее время узнает информацию о политических событиях из газет или радио, основная масса активных пользователей получает информацию и новости из Интернетом. В социальных сетях людей связывает общий объект (например, текст, видео, картинка, звук, ссылка, локация) [Kietzmann et al. 2011, 245].

«Присутствие» (Presence). Блок, который дает возможность узнать, какова на данный момент геолокация пользователя. Политические и социальные предпочтения, как правило, сильно варьируются по странам, и таким образом владельцы информационных ресурсов получают доступ к социальному и политическому ландшафту различных стран, могут управлять мнениями пользователей на отдельно взятых территориях. Записи в профиле с упоминанием мест, фотографии и геолокационные данные зачастую дают возможность узнать местонахождение пользователя «здесь и сейчас» [Kietzmann et al. 2011, 245–246].

«Отношения» (Relationships). Данный блок является одним из самых важных, в нем проявляется аффилиация и принадлежность к сообществу, появляется возможность стать

частью группы, а значит, во многом поменять и подстроить свои установки и убеждения под группу. Общение в интернете зачастую выглядит более привлекательным, чем «живое» из-за возможности исключения из диалога в любой момент. Если спор или дискуссия «зашли слишком далеко», всегда можно нажать кнопку «выйти». Эта возможность делает общение более комфортным, но не учит поведению в конфликтах и отстаиванию своей позиции, что делает человека достаточно слабым в политическом поле [Kietzmann et al. 2011, 246].

«Репутация» (Reputation). Под репутацией понимается степень, в которой пользователи могут идентифицировать положение других, в том числе самих себя, в настройках социальных сетей. Репутация – это вопрос доверия. Например, у пользователя может быть репутация эксперта по политическим технологиям. Так, репутация одного человека может создаваться на основе отзывов других. В социальных сетях репутация может относиться не только к людям, но и к их контенту, оцениваемому с помощью систем голосования (количество просмотров, подписчиков, лайков и т. п.) [Kietzmann et al. 2011, 247].

«Сообщества» (Groups). Данный функциональный блок представлен возможностью создавать сообщества и группы, которые могут дифференцироваться на группу близких друзей, подписчиков и остальные контакты. Показателем групповых отношений является число Данбара, предложенное антропологом Р. Данбаром, предположившим, что у людей есть когнитивный предел, который ограничивает количество стабильных социальных отношений с другими людьми примерно до 150 [Dunbar 1992]. В социальных сетях есть функционал сортировки контактов в различные самостоятельно созданные группы. Возможно создание онлайн-сообществ по аналогии с сообществами в офлайн-мире: они могут быть открытыми для всех, закрытыми (требуется одобрение) или секретными (только по приглашению) [Kietzmann et al. 2011, 247–248].

Люди проводят в Интернетом большую часть жизни, встает закономерный вопрос: кто включен в социальные отношения и социальное окружение молодежи – друг, с которым личная коммуникация редка, и который редко

заходит в социальные сети; или виртуальный круг пользователей интернет-форума, членом которого молодые люди не видели лично, но общаются с ними каждый день? Очевидно, что такие социальные сети, как «ВКонтакте», перестали быть только средством коммуникации и поднялись до уровня мегасообществ. Внутри них формируются более локальные сообщества, где общение идет ежедневно, не слишком активное участие в жизни «онлайн-семьи» санкционируется игнорированием со стороны остальных членов группы и даже удалением из сообщества [Каминченко, Шмелева 2020, 215].

Можно выделить следующие типы вовлечения в политику молодежи – онлайн-контактирование и участие [Деревянченко, Калинин 2020, 162]. К первому относятся все виды действий, не требующие существенных временных затрат (дискутирование и обсуждение, голосование), ко второму – участие в митингах и других политических мероприятиях, членство в политических партиях, финансирование политических организаций и др. Большая часть людей вовлечена в онлайн-контактирование, так как далеко не все готовы жертвовать своим временем или ресурсами ради целей и задач, результаты которых они не увидят в ближайшем будущем. В основном люди посещают сайты политических организаций и онлайн-сообщества по интересующей их тематике, дискутируют там, знакомятся с новостями. Самыми активными участниками онлайн-сообществ является студенческая молодежь, легко подхватывающая тенденции и образы [Ежов 2019].

Принадлежность к сообществу является одной из базовых потребностей личности, чтобы укрепить аффилиацию с группой, участник группы более охотно разделяет рекомендации членов или руководителей группы. Онлайн-сообщества интересны маркетологам, политтехнологам и другим специалистам, изучающим технологии новых медиа. Для их исследования, сбора метрик, созданы такие инструменты, как Socstat, Popsters, лаборатории интернет-исследований, аккумулирующие большие данные (Big Data) с целью разработки моделей социально-психологического поведенческого анализа (например, модель OCEAN) и технологий таргетированной рекламы, что дает большой простор для манипу-

ляций и масштабного управления идеологией и поведением молодежи [Астахова (ред.) 2009, 79–80]. Причем влияние на мнение молодежи через современные интернет-технологии менее явно, чем технологии пропаганды XX века.

Можно зафиксировать следующие тенденции развития технологий влияния социальных медиа на политическую социализацию молодежи. Во-первых, в сети Интернет появляются так называемые «фильтрующие пузыри» и «эхо-камеры», что позволяет добиваться фрагментирования публичной сферы [Cinelli et al. 2021]. Итогом этого становится возникновение в большом количестве «информационных бункеров» для тех, кто имеет общие взгляды, сознательно отгораживающихся от иных, альтернативных точек зрения. Причем с одной стороны, формирование таких «информационных бункеров» удобно для власти, с другой такая замкнутость вполне может поощрять крайние точки зрения на политическую действительность, а также устойчивое закрепление заблуждений или необоснованных мнений. Такое положение дел мешает молодежи комплексно осмысливать свои интересы и накопленный предыдущими поколениями опыт. Во-вторых, формируется клиповое сознание, характеризующееся «кратким и красочным восприятием посыла» [Митягина, Долгополова 2009, 53], «новой «ментальной моделью реальности», в рамках которой субъекты «вынуждены постоянно формировать и переформировывать» ценностную картину [Пудалов 2011, 36], оперировать слабо связанными между собой зрительными и звуковыми образами в сверхнасыщенной информационной среде [Симакова 2017, 108]. Возникающие в нем ассоциации, образы, мысли часто оказываются «диссоциируемыми», разрозненными» [Каминченко, Шмелева 2020, 213], что не способствует отражению целостному восприятию свойств объекта с учетом многообразных отношений между ними. При этом оценка данных образов осуществляется, прежде всего, посредством чувственного восприятия. Другими словами, «клип воспринимается, минуя аналитическую обработку» [Симакова 2017, 111]. В дальнейшем с учетом «многочисленных репостов, изменений контекстов вымывается идея из сообщений» [Каминченко, Шмелева 2020, 213].

Социальные медиа не снижают вызовы для демократического дискурса, поскольку в его рамках голоса меньшинства, как правило, растворяются во мнении большинства. Разумеется, по сравнению с традиционными СМИ, где канал коммуникации выстроен как «один со многими», социальные сети воспроизводят другую модель коммуникаций – «многие со многими». На первый взгляд, такая модель снижает преграды для участия молодежи в общественном обсуждении политики. Вместе с тем, если сеть друзей достаточно многочисленна, то иные мнения могут по-прежнему игнорироваться и отторгаться большинством. Причем вполне вероятно, что их оценят за некоторую «остроту» и новизну в общении, но даже если в этих мнениях имеются соответствующие достоинства, то все равно шансы получить серьезное обсуждение со стороны общественности минимальны в силу «общей заданности» общественного мнения по актуальным политическим вопросам. В целом мы имеем ситуацию, когда в современных социальных сетях отсутствуют структуры, гарантирующие меньшинству качественно равный доступ к совещательной функции публичной сферы.

Ряд исследований свидетельствует о том, что социальные сети на практике нередко способствуют к проявлению эффекта «спирали молчания». Это может привести к пассивному подавлению противоречивых позиций по различным общественно-политическим вопросам [Hampton et al. web]. Данную позицию разделяют также исследователи М. Фрик и А. Оберпрантакер, которые констатируют способность социальных сетей облегчать процесс неравномерного «дележа информации» [Frick, Oberprantacher 2011]. Это может мешать увидеть существующую разницу между информационным обменом как «многообещающим активным процессом участия» и «пассивными несвязанными действиями, когда окружающие делятся всякими пустяками» [Frick, Oberprantacher 2011, 22].

Немаловажным остается вопрос политического онлайн-общения, он связан с дискуссией в социальных сетях о том, насколько следует толерантно относиться к спорным или непопулярным высказываниям, а также могут ли частные организации самостоятельно

принимать решения о наказании подобного поведения. Эта проблема в настоящее время получает свое выражение, когда политики, ученые, общественные деятели, а также обычные пользователи стали жертвами цензуры или другого наказания со стороны лидеров общественного мнения, государства или других организаций из-за спорных постов в социальных сетях.

Экспертное сообщество как технология медиакommunikаций

Важным в данном вопросе представляется определение обстоятельств, при которых независимость экспертного сообщества будет способствовать минимальному искажению процесса взаимодействия «эксперты – власть» в социально-медийных репрезентациях. Вместе с тем, широкая опора на экспертное мнение при принятии важных управленческих решений содержит ряд рисков:

- высокая востребованность статусных экспертов в ущерб не менее компетентным, но немедийным личностям;
- отсутствие в экспертном сообществе разделяемых всеми этических норм;
- недостаточная публичность и открытость процесса экспертизы и обсуждения экспертами значимых социальных вопросов;
- невысокая значимость экспертного сообщества в принятии политических решений, социальном управлении.

В частности, недостаточная публичность и открытость процесса экспертизы выражается в том, что общественность в большинстве случаев не может ознакомиться с ходом и результатами экспертизы, не может оценивать качество работы экспертов, выносить решение относительно общественного «вотума доверия» тем или иным экспертным группам и отдельным экспертам. Как правило, общественность знакомится с процессом экспертизы в репрезентации средств массовой информации, на официальных сайтах и порталах органов власти и других субъектов PR. Поэтому даже при условии неангажированности экспертов мы сталкиваемся с факторами случайности при освещении работы экспертов и их заключений. Грамотная и компетентная экспертиза может быть представ-

лена в совершенно ином свете при наличии воли PR-субъекта. Таким образом, экспертное сообщество может стать как инструментом информационной войны недобросовестных акторов PR, использоваться в целях пропаганды, вербовки молодежи в экстремистские политические организации, так при правильном, научном подходе, может стать одним из ключевых элементов в фундаменте демократии и гражданского общества. Логичным представляется предположение о том, что при соблюдении определенных условий независимости экспертного сообщества медийные репрезентации экспертного мнения будут минимально отклоняться от изначально заданного им смысла.

Роль экспертных сообществ в политике, социальном управлении и влиянии на молодежь изучается не первый год. Данная тема вызывает интерес не только профильных исследователей: социологов, политологов, экономистов, но и становится объектом междисциплинарного анализа. Исследователи предложили несколько моделей функционирования экспертных сообществ, в том числе модель «добродетельного разума», модель линейности и автономии науки от политики [Jasanoff 2011], получившую широкое распространение среди научного сообщества. Весьма активно изучаются возможности использования научных знаний в политическом консультировании [Kropp, Wagner 2010], вопросы использования научных знаний для повышения качества политического выбора [Daviter 2015].

Экспертное сообщество играет все более значимую роль в современном обществе, и в условиях экономики знаний данная тенденция будет только усиливаться. Выработка эффективных подходов к организации работы экспертного сообщества способствует ускорению социально значимых изменений, в том числе демократизации общества. Оценки и мнения экспертов по различным вопросам доходят до нас прежде всего с помощью средств массовой информации, а потому подвергаются репрезентации. В данном исследовании мы сделали попытку разобраться в вопросе о наиболее независимом и объективном представлении экспертных мнений в PR-технологиях. Необходимы новые подходы к определению места экспертных сообществ в

социальных процессах, повышению их авторитета в обществе как интеллектуальной элиты. Информационное общество придало экспертному сообществу ряд новых черт, его участие в политическом процессе и социальном управлении приобретает особенности, которые предстоит исследовать более подробно. Это дает основания полагать, что исследование экспертных сообществ будет тем актуальнее, чем больше информационных вызовов получает общество.

Для эффективного функционирования экспертному сообществу не обязательно иметь централизованные органы управления, это будет мешать их работе. Данные сообщества относятся к самоорганизующимся социальным системам. Позволим себе воспользоваться понятийным аппаратом синергетики и отметить, что экспертное сообщество как самоорганизующаяся неупорядоченная система обладает свойством диссипативности, так как воспринимает воздействие внешней среды неодинаково: одни экспертные сообщества улавливают тенденции и стремятся быть ближе к властным и провластным структурам, другие следуют собственному видению перспективы и работают на будущее, надеясь, что когда-нибудь их разработки будут полезны обществу и государству.

Для того чтобы выявить специфику участия экспертов в социальном управлении, рассмотрим структуру и классификацию экспертных сообществ. Исследователи выделяют следующие формы организации экспертного сообщества: индивидуальную, экспертные или консультативные советы при власти; фабрики мысли [Сунгуров 2015, 147].

Экспертные сообщества, как правило, классифицируют:

- открытые и закрытые;
- по степени влияния (влияющие непосредственно и косвенно);
- по степени ангажированности группами политических интересов;
- по наличию миссии и др.

Основные функции экспертного сообщества:

- аналитическая. Деятельность экспертов и экспертные мнения, заключения строятся на научных методах. Именно эта функция позволяет экспертам быть выше субъективизма и групп интересов;

– коммуникативная (медиативная). Экспертное сообщество может выступать не только помощником в решении теоретических или практических вопросов, но и помочь найти общий язык различным общественным группам;

– просветительская. Эксперт как профессионал высокого класса в своей области может доступно объяснить общественности и властным структурам суть проблемы, основные тенденции развития, варианты и последствия принятия управленческих решений;

– прогностическая (футурологическая). Повышает ценность экспертных мнений, так как продляет срок их использования;

– идеологическая. Наиболее сложная и спорная из всех функций, так как в рамках ее осуществления экспертное сообщество или отдельные его группы могут как быстро повысить свой авторитет в обществе, как и быстро его потерять;

– инновационная (креативная). В источниках экспертные организации часто именуется «фабриками мысли», так как именно на них общество может надеяться при отсутствии адекватной инициативы со стороны государства. Цифровое общество дает новые направления для реализации данной функции экспертного сообщества.

Исходя из того, реализации какой из перечисленных функций ожидает от экспертного сообщества общество или государство, можно определить особенности репрезентации экспертного мнения в средствах массовой информации и современных PR-технологиях.

Таким образом, первой особенностью репрезентации экспертного мнения в СМИ и PR-технологиях можно назвать «представление по функциям» – из всего набора имеющихся экспертных мнений представитель СМИ с наибольшей вероятностью выберет те, которые укладываются в нужную концепцию и соответствует той функции экспертного сообщества, которую оно на данный момент должно выполнить в рамках заданной и реализуемой PR-технологии.

Второй особенностью репрезентации экспертного мнения является «усиление компетентностной значимости» экспертов. Эксперт, дающий компетентные заключения, высказывающий актуальные мнения и дающий про-

гнозы, хотя бы часть из которых сбывается, замечается СМИ и PR-технологами, которые затем помогают ему приобрести большую узнаваемость, используя его затем в своих целях. Чем больше авторитетных экспертов привлекают СМИ или PR-технологи под конкретный проект, тем больше вероятность того, что именно их подача материала станет общественно значимой и повлияет на мнения, в том числе студенческой молодежи.

Специфика участия экспертов в политическом процессе и социальном управлении заключается, на наш взгляд, в следующем:

– невозможность полной определенности, выработки точных алгоритмов участия экспертного сообщества в политических процессах и социальном управлении, так как это общество по своей сути подвижно и чем более оно непостоянно, тем быстрее происходит обновление идей, появление новых предложений;

– завышенные ожидания от экспертных мнений. Ведутся дискуссии о том, можно ли любое высказывание, произнесенное лицом, отнесенным к экспертному, считать экспертизой. Несмотря на положительный ответ некоторых исследователей, авторы считают, что нет. Реализация аналитической и прогностической функций очень важна для экспертного сообщества, однако в каждом конкретном случае мы не можем знать, достаточным ли объемом информации обладает эксперт и правильно ли он интерпретировал полученные данные. В современном мире звание эксперта приобрести легче, чем было раньше: существует большое разнообразие СМИ и других источников информации. Но и потерять легче: все ошибки и неправильные прогнозы остаются в памяти носителей информации, их легко извлечь и ретранслировать;

– экспертные сообщества способствуют тому, что темпы устаревания знаний, умений и навыков возрастают. Интеллектуальный капитал нации формируется не только в высших учебных заведениях, научно-исследовательских организациях, но и с помощью экспертных сообществ. Также экспертные сообщества могут играть значительную роль в стратегии и тактике национальных и международных процессов управления знаниями.

Манипуляции сведениями о политике при поиске политической информации в сети Интернет

Исследователи в целом неоднозначно оценивают влияние информационно-коммуникационных технологий на политические процессы, отзывы разнятся от восторженных до критических. Кто-то считает, что с помощью интернет-технологий и повальной цифровизации можно существенно увеличить число осознанных акторов политического процесса, подключить к новейшим достижениям политических технологий менее развитые страны, в результате чего повысить их уровень жизни. Если рассматривать влияние интернет технологий, то в позитивном ключе интернет-пространство представляется как цифровое, не имеющее ограничений космополитичное гражданское общество, расширение границ мировой демократии. Активное использование электоратом информации, почерпнутой на политических платформах и в социальных сетях, должно подвигнуть его к участию в выборах, выражению политической позиции. В данном вопросе особенная ставка делается на студенческую молодежь, так как именно она может впитывать информацию из различных источников, имеет большую широту политических воззрений и в целом является более гуманистичной, чем старшее поколение.

Следовательно, Интернет, по мнению сторонников данной позиции, не только расширит, но и углубит политическое участие, привлекая недовольных и молодежь, поскольку формирование политических взглядов значительной части молодежи основано, в первую очередь, на цифровой инфраструктуре (Интернет, социальные сети и мессенджеры). Действительно, Интернет и социальные сети могут способствовать созданию сообществ благодаря своим уникальным возможностям, позволяя преодолевать географическую дистанцию, расовые, возрастные, гендерные преграды, ограничения временных поясов и распорядка дня. Интернет-коммуникации имеют также более выраженный «эффект запоминания» благодаря возможности записи сообщений. Все это создает дополнительные возможности для развития у граждан взаимопонимания, толерантности, готовности принять иные взгляды и нормы пове-

дения, выработки общих ценностей и др. К негативной оценке влияния Интернета на политический процесс склоняются те исследователи, которые видят в нем прежде всего неструктурированную «свалку» информации, мало пригодной для употребления и анализа. Небольшое количество пользователей обладает хорошими аналитическими навыками и критическим мышлением, для того чтобы отделить верифицированную информацию от «вбросов», «фейков» и др. Например, по данным исследования ВЦИОМ, около половины россиян не может отличить достоверные новости от «фейков» [ВЦИОМ web].

В данном случае речь идет о снижении качества политического участия, что выражается, во-первых, в растущей изолированности индивидов друг от друга, что является следствием индивидуалистского характера цифровых технологий и, во-вторых, ведет к размыванию коллективной позиции, способности к объединению и отстаиванию своих интересов на политической арене. В таких условиях более ценным становится наращенный социальный капитал и узнаваемость, а не действия на благо страны или сообщества.

На заре развития информационно-коммуникационных технологий пользователями интернета были достаточно образованные и политически активные граждане – далеко не все могли позволить себе персональный компьютер и Интернет. В последние два десятка лет Интернет распространялся повсеместно и в каком-то смысле продавал сам себя, так как предприниматели были заинтересованы в расширении рынков сбыта. Таким образом, к Интернету смог подключиться и потенциальный электорат без образования и каких-либо определенных занятий. Тренд в сторону общедоступности, коммерциализации и развлекательности Интернета сделал его зеркалом общества, в котором отражаются в том числе низменные стороны человеческой природы.

Технологии повестки дня и создания тематических групп и сообществ в социальных медиа

Политические субъекты используют весьма разнообразные и специфические способы

воздействия на центр принятия политического решения. Принято классифицировать политические субъекты на три основных типа: индивидуальный (микроактор), групповой (макроактор) и институциональный (организационный актор).

Можно выделить некоторые политические тренды тематических групп и сообществ. Во-первых, большинство определяет повестку дня (алгоритмы большинства браузеров и современных массмедиа настроены таким образом, что популярное становится еще популярнее). Таким образом, чтобы завоевать себе аудиторию или электорат, необходимо соответствовать ожиданиям большинства, либо удивить большинство. Искусственные PR-технологии здесь плохо работают в силу специфики устройства психики человека, которая достаточно инертна и на изменения мышления требуется достаточно длительное время, что невыгодно в условиях выборов. Во-вторых, возможность вирусного распространения информации (учитывая данный тренд, любая интересная пользователям информация быстро достигает максимально возможного охвата аудитории, что ускоряет в разы реализацию любой PR-технологии, в том числе искусственной). Данный тренд усиливает позиции тех политических акторов, которые хотят использовать технологии манипулирования политическим сознанием молодежи. В-третьих, отсутствие цензуры и жесткой модерации в обсуждении тех или иных политических вопросов (запретных тем в социальных сетях фактически нет). В-четвертых, переход из «оффлайн-участия» в онлайн-формат участия. Нельзя не отметить, что даже цветные революции последнего десятилетия не обходились без массовых политических манипуляций в Интернете и предварительной многолетней подготовки политической активной молодой аудитории.

Заключение

Необходимость в изучении современной интернет-аудитории, влиянии на молодое поколение таких процессов как секуляризация, глобализация и индивидуализация, подчеркивается многими исследователями социально-политических процессов, поскольку в будущем эти факторы сыграют решающую роль в становлении новых форматов взаимо-

действия власти и общества. Взвешенный взгляд на основе логики на использование новейших возможностей ИКТ и технологий медиакommunikаций породил в научном сообществе дискуссию о возможности целенаправленного формирования из молодежи осознанного и грамотного электората. Другими словами, реальное понимание политики и общественное мнение лишь находят свое отражение на просторах сети, однако, их формирование обусловлено факторами реальной жизни. Нельзя считать студенческую молодежь аполитичной социальной группой, речь идет лишь об изменениях форм выражения ее общественного мнения и потребления политической информации. Иными словами, современную молодежь не устраивает формат работы власти с народом. Анализируя связь между онлайн и оффлайн политическим участием, можно выявить следующую закономерность: Интернет воспринимается и используется в качестве ценного политического ресурса только теми студентами, которые уже активно политически ангажированы в реальной жизни. Очевидно, что Интернет обычно выступает лишь в роли моста между связями в реальной жизни и онлайн.

В условиях глобализации становится все более очевидным, что Интернет может принести с собой множество позитивных изменений, способствовать демократизации и гуманизации общества, прежде всего за счет молодежи. В то же время интернет как площадка, плацдарм применения различных манипулятивных технологий для преследования определенных политических целей таит в себе и массу опасностей, неожиданностей, делает общество, а особенно студенческую молодежь, более непредсказуемой и неуправляемой. Поэтому важной задачей для дальнейших социологических и политических исследований представляется нахождение таких путей и способов управления политической социализацией студенческой молодежи, при которых расширение аудитории не сказывалось бы так сильно на ее качестве и скорректировало глобальный тренд «движения за большинством», который не способствует формированию из молодежи политического зрелого и ответственного электората.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Астахова (ред.) 2009 – *Астахова Л.В. (ред.)*. Информационная безопасность региона: традиции и инновации: монография. Челябинск: ЮУрГУ, 2009.
- Беляева 2020 – *Беляева Л.А.* Поколение Y в России: социальная стратификация, положение на рынке труда и проблемы политической социализации // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. Т. 13, № 4. С. 220–237. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.13
- ВЦИОМ web – ВЦИОМ: каждый второй россиянин верит фейковым новостям [Коммерсантъ. 2019. 27 июня] // <https://www.kommersant.ru/doc/4012957>
- Горбатова, Малькевич 2015 – *Горбатова Н.В., Малькевич А.А.* Современные СМИ как инструмент политической социализации молодежи // *Управленческое консультирование*. 2015. № 5. С. 52–62.
- Деревянченко, Калинин 2020 – *Деревянченко А.А., Калинин Д.В.* Политическая активность молодежи в цифровом обществе // *Гражданин. Выборы. Власть*. 2020. № 2 (16). С. 155–173.
- Ежов 2019 – *Ежов Д.А.* Политическая семантика интернет-мема // *Власть*. 2019. № 3. С. 68–73.
- Каминченко, Шмелева 2020 – *Каминченко Д.И., Шмелева О.Ю.* Социальные медиа как инструмент формирования политической картины мира современной молодежи (на материалах Нижегородского региона) // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 212–218.
- Касьянов 2014 – *Касьянов В.В.* Политическая социализация как фактор формирования гражданской позиции молодежи // *Социально-гуманитарные знания*. 2014. № 11. С. 186–190.
- Малькевич 2010 – *Малькевич А.А.* Политическая социализация: основные теоретические подходы // *Общество. Среда. Развитие*. 2010. № 2 (15). С. 83–87.
- Малькевич 2019 – *Малькевич А.А.* Социальные сети как фактор политической социализации молодежи: от иерархии к сетевой модели // *Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки*. 2019. № 6. С. 88–97.
- Митягина, Долгополова 2009 – *Митягина Е.В., Долгополова Н.С.* «Клиповое сознание» молодежи в современном информационном обществе // *Вестник НГГУ. Серия: Социальные науки*. 2009. № 3 (15). С. 53–59.
- Пачина, Городова, Дюбина 2023 – *Пачина Н.Н., Городова Д.Д., Дюбина Т.Г.* Технологии политической социализации молодежи в виртуальном пространстве. Липецк: Липец. гос. техн. ун-т, 2023.
- Пудалов 2011 – *Пудалов А.Д.* Клиповое мышление – современный подход к познанию // *Современные технологии и научно-технический прогресс*. 2011. Т. 1, № 1. С. 36.
- Селезнева, Яковлева, Ибрагимов 2021 – *Селезнева А.В., Яковлева А.Ф., Ибрагимов Э.С.* Гражданское самосознание российской молодежи и медиапространство: «нескладывающийся пазл» // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2021. Т. 3, № 4. С. 109–138. DOI: 10.46539/gmd.v3i4.206
- Силантьева 2015 – *Силантьева В.А.* Политическая социализация студенческой молодежи в современных условиях // *Мир политики и социологии*. 2015. № 11. С. 139–150.
- Симакова 2017 – *Симакова С.И.* Клиповизация мышления у молодежи как следствие развития визуальных коммуникаций в СМИ // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2017. № 2 (24). С. 107–118.
- Сунгуров 2015 – *Сунгуров А.Ю.* Как возникают политические инновации: «фабрики мысли» и другие институты-медиаторы. М.: Полит. энцикл., 2015.
- Щербинин 2019 – *Щербинин А.И.* Особенности политической социализации молодежи в университетском городе // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2019. № 51. С. 205–214. DOI: 10.17223/1998863X/51/21
- Cinelli et al. 2021 – *Cinelli M., Morales G.D.F., Galeazzi A., Quattrocchi W., Starnini M.* The Echo Chamber Effect on Social Media // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2021. Vol. 118, № 9. P. e2023301118. DOI: 10.1073/pnas.2023301118
- Daviter 2015 – *Daviter F.* The Political Use of Knowledge in the Policy Process // *Policy Sciences*. 2015. № 48. P. 491–505. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11077-015-9232-y>
- Dunbar 1992 – *Dunbar R.I.M.* Neocortex Size as a Constraint on Group Size in Primates // *Journal of Human Evolution*. 1992. № 22 (6). P. 469–493.
- Frick, Oberprantacher 2011 – *Frick M., Oberprantacher A.* Shared is Not Yet Sharing, Or: What Makes Social Networking Services Public? // *The International Review of Information Ethics*. 2011. Vol. 15. P. 18–23. DOI: <https://doi.org/10.29173/irie220>
- Hampton et al. web – *Hampton K., Rainie L., Lu W., Dwyer M., Shin I., Purcell K.* Social Media and the “Spiral of Silence” [Pew Research Center. 2014. 26 Aug.] // <https://www.pewresearch.org/internet/2014/08/26/social-media-and-the-spiral-of-silence>

- Jasanoff 2011 – *Jasanoff Sh.* Quality Control and Peer Review in Advisory Science // Lentsch J., Weingart P. (eds.). *The Politics of Scientific Advice: Institutional Design for Quality Assurance*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 19–35. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511777141.002>
- Kietzmann et al. 2011 – *Kietzmann J.H., Hermkens K., McCarthy I.P., Silvestre B.S.* Social Media? Get Serious! Understanding the Functional Building Blocks of Social Media // *Business Horizons*. 2011. Vol. 54, № 3. P. 241–251. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2011.01.005>
- Kropp, Wagner 2010 – *Kropp C., Wagner J.* Knowledge on Stage: Scientific Policy Advice // *Science, Technology & Human Values*. 2010. Vol. 35, iss. 6. P. 812–838. DOI: <https://doi.org/10.1177/0162243909357912>
- Murthy 2013 – *Murthy D.* *Twitter: Social Communication in the Twitter Age*. Cambridge: Polity Press, 2013.
- Scott 2010 – *Scott D.M.* *The New Rules of Marketing and PR: How to Use Social Media, Blogs, News Releases, Online Video, and Viral Marketing to Reach Buyers Directly*. New Jersey: Wiley, 2010.
- Sujon, Dyer 2020 – *Sujon Z., Dyer H.T.* Understanding the Social in a Digital Age // *New Media & Society*. 2020. Vol. 22, № 7. P. 1125–1134.
- Thornley web – *Thornley J.* What is “Social Media”? // <http://propr.ca/2008/what-is-social-media>
- Kaminchenko D. I., Shmeleva O. Yu., 2020. Social Media as a Tool for the Formation of the Political Picture of the World of Modern Youth (Examplefied by Nizhny Novgorod Region). *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*, vol. 20, iss. 2, pp. 212-218.
- Kasyanov V.V., 2014. Political Socialization as a Factor in the Formation of the Civic Position of Youth, *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya*, no. 11, pp. 186-190.
- Malkevich A.A., 2010. Political Socialization: Main Theoretical Approaches. *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye*, no. 2 (15), pp. 83-87.
- Malkevich A.A., 2019. Social Networks as a Factor in the Political Socialization of Youth: From Hierarchy to a Network Model. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskkiye nauki*, no. 6, pp. 88-97.
- Mityagina E.V., Dolgopolova N.S., 2009. “Clip Consciousness” of Youth in the Modern Information Society. *Vestnik NGGU. Seriya: Sotsial'nyye nauki*, no. 3 (15), pp. 53-59.
- Pachina N.N., Gorodova D.D., Dyubina T.G., 2023. *Technologies of Political Socialization of Youth in Virtual Space*. Lipetsk, Lipetskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet.
- Pudalov A.D., 2011. Clip Thinking – a Modern Approach to Cognition. *Sovremennyye tekhnologii i nauchno-tekhnicheskii progress*, vol. 1, no. 1, p. 36.
- Selezneva A.V., Yakovleva A.F., Ibragimov E.S., 2021. Civic Consciousness of the Russian Youth and the Mediaspace: “Unsolvable Puzzle”. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, vol. 3, no. 4, pp. 109-138. DOI: 10.46539/gmd.v3i4.206
- Silantieva V.A., 2015. Political Socialization of Student Youth in Modern Conditions. *Mir politiki i sotsiologii*, no. 11, pp. 139-150.
- Simakova S.I., 2017. Collision of Thinking in the Youth as a Consequence of Development of Visual Communications in the Media. *Znak: problemnoye pole mediaobrazovaniya*, no. 2 (24), pp. 107-118.
- Sungurov A.Yu., 2015. *How Do Political Innovations Arise: “Thought Factories” and Other Institutions-Mediators*. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ.
- Shcherbinin A., 2019. Features of Political Socialization of Youth in a University City. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, no. 51, pp. 205-214. DOI: 10.17223/1998863X/51/21
- Cinelli M., Morales G.D.F., Galeazzi A., Quattrociocchi W., Starnini M., 2021. The Echo Chamber Effect on Social Media. *Proceedings of the National*

REFERENCES

Astakhova L.V. (ed.), 2009. *Information Security of the Region: Traditions and Innovations. Monograph*. Chelyabinsk, YuUrGU.

Belyaeva L.A., 2020. Generation Y in Russia: Social Stratification, Position in the Labor Market and Problems of Political Socialization. *Ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, vol. 13, no. 4, pp. 220-237. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.13

VCIOM: Russia Public Opinion Research Center: Every Second Russian Believes Fake News. *Kommersant*, 2019, June 27. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4012957>

Gorbatova N.V., Malkevich A.A., 2015. Modern Mass Media as Instrument of Political Socialization of Youth. *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye*, no. 5, pp. 52-62.

Derevyanchenko A.A., Kalinin D.V., 2020. Youth Political Activity in Digital Society. *Grazhdanin. Vybory. Vlast'*, no. 2 (16), pp. 155-173.

Ezhov D.A., 2019. Political Semantics of the Internet Meme. *Vlast'*, no. 3, pp. 68-73.

- Academy of Sciences*, vol. 118, no. 9, p. e2023301118. DOI: 10.1073/pnas.2023301118
- Daviter F., 2015. The Political Use of Knowledge in the Policy Process. *Policy Sciences*, no. 48, pp. 491-505. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11077-015-9232-y>
- Dunbar R.I.M., 1992. Neocortex Size as a Constraint on Group Size in Primates. *Journal of Human Evolution*, no. 22 (6), pp. 469-493.
- Frick M., Oberprantacher A., 2011. Shared is Not Yet Sharing, Or: What Makes Social Networking Services Public? *The International Review of Information Ethics*, vol. 15, pp. 18-23. DOI: <https://doi.org/10.29173/irie220>
- Hampton K., Rainie L., Lu W., Dwyer M., Shin I., Purcell K., 2014. Social Media and the “Spiral of Silence”. *Pew Research Center*, Aug. 26. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2014/08/26/social-media-and-the-spiral-of-silence>
- Jasanoff Sh., 2011. Quality Control and Peer Review in Advisory Science. Lentsch J., Weingart P. (eds.). *The Politics of Scientific Advice: Institutional Design for Quality Assurance*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 19-35. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511777141.002>
- Kietzmann J.H., Hermkens K., McCarthy I.P., Silvestre B.S., 2011. Social Media? Get Serious! Understanding the Functional Building Blocks of Social Media. *Business Horizons*, vol. 54, no. 3, pp. 241-251. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2011.01.005>
- Kropp C., Wagner J., 2010. Knowledge on Stage: Scientific Policy Advice. *Science, Technology & Human Values*, vol. 35, iss. 6, pp. 812-838. DOI: <https://doi.org/10.1177/0162243909357912>
- Murthy D., 2013. *Twitter: Social Communication in the Twitter Age*. Cambridge, Polity Press.
- Scott D.M., 2010. *The New Rules of Marketing and PR: How to Use Social Media, Blogs, News Releases, Online Video, and Viral Marketing to Reach Buyers Directly*. New Jersey, Wiley.
- Sujon Z., Dyer H.T., 2020. Understanding the Social in a Digital Age. *New Media & Society*, vol. 22, no. 7, pp. 1125-1134.
- Thornley J. *What is “Social media”?* URL: <http://propr.ca/2008/what-is-social-media>

Information About the Authors

Yaroslavna S. Artamonova, Doctor of Sciences (Politics), Associate Professor, Professor, Department of Social Relations, Advertising and Public Relations, Moscow Technical University of Communications and Informatics, Aviamotornaya St, 8a, 111024 Moscow, Russian Federation, i.s.artamonova@mtuci.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8366-2269>

Информация об авторе

Ярославна Сергеевна Артамонова, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры социальных отношений, рекламы и связей с общественностью, Московский технический университет связи и информатики, ул. Авиамоторная, 8а, 111024 г. Москва, Российская Федерация, i.s.artamonova@mtuci.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8366-2269>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.10>

UDC 316.61
LBC 60.52

Submitted: 09.06.2023
Accepted: 03.07.2023

**THEORETICAL AND CONCEPTUAL APPROACHES AND RESULTS
OF EMPIRICAL STUDY OF THE PHENOMENON OF TOLERANCE
(LITERATURE REVIEW)**

Tatyana G. Svetlichnaya

Northern State Medical University, Arkhangelsk, Russian Federation

Elena A. Smirnova

Cherepovets State University, Cherepovets, Russian Federation

Abstract. In modern conditions of postmodernity, which is characterized on the one hand by the blurring of moral and cultural values of a person, and on the other hand, by an orientation towards tolerance in various areas of his life. It should be noted that in modern society, the phenomenon of tolerance is increasingly perceived as freedom from prejudice, often in order to justify deviations and impose a minority position on the majority. It is believed that a tolerant person should be able to fully accept the other. This situation is increasingly common in modern society. On the one hand, in the current situation, a person should be deprived of such personal qualities as will, critical thinking, moral understanding of what is happening. In other words, the personality must lose its own identity. The purpose of this study was to comprehend the phenomenon of tolerance from the standpoint of theoretical and conceptual approaches to its study for use in medical and sociological research of health and healthcare. In the course of the study, an analytical method was used in combination with a scientific and theoretical approach, materials from 63 literature sources were analyzed. The article attempts an etymological analysis of the problems of tolerance formation, changes in the meaning of the word in the historical aspect, presents various classifications of the concept. We came to the conclusion that a tolerant personality copes with the emerging stressful situation, it is characterized by such personality qualities as patience, endurance, mental stability. Such people are distinguished by friendliness, calmness, the ability to listen, analyze and conduct a dialogue. Quite different characteristics apply to an intolerant personality. On the contrary, they are anxious and feel a sense of threat coming from outside. They are confident in their own exclusivity, they are not ready to take responsibility, but seek to shift it to others.

Key words: tolerance, forbearance, patience, mental stability, regulation of activity.

Citation. Svetlichnaya T.G., Smirnova E.A. Theoretical and Conceptual Approaches and Results of Empirical Study of the Phenomenon of Tolerance (Literature Review). *Logos et Praxis*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 94-108. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.10>

УДК 316.61
ББК 60.52

Дата поступления статьи: 09.06.2023
Дата принятия статьи: 03.07.2023

**ТЕОРЕТИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ
ЭМПИРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА ТОЛЕРАНТНОСТИ
(ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ)**

Татьяна Геннадьевна Светличная

Северный государственный медицинский университет, г. Архангельск, Российская Федерация

Елена Алексеевна Смирнова

Череповецкий государственный университет, г. Череповец, Российская Федерация

Аннотация. Для эпохи постмодерна характерно размытие нравственных и культурных ценностей и формирование толерантного отношения к тому, что ранее определялось как девиантность. Необходимо отметить, что в современном обществе все чаще феномен толерантности воспринимается как свобода от предрассудков, нередко с целью оправдать девиации и навязать большинству позицию меньшинства. Считается, что толерантная личность должна быть способна всецело принять другого. Такая ситуация все чаще встречается в современном обществе. В сложившейся ситуации человек должен быть лишен таких личностных качеств, как воля, критическое мышление, нравственное осмысление происходящего. Иными словами, личность должна утратить собственную личность. Целью настоящего исследования стало осмысление феномена толерантности с позиций теоретико-концептуальных подходов к его изучению для применения в медико-социологических исследованиях здоровья и здравоохранения. В ходе проведения исследования был использован аналитический метод в сочетании с научно-теоретическим подходом, проанализированы материалы 63 источников литературы. В статье предпринята попытка анализа изменения понятия толерантности – от терпимости, характерной для русского православия, до оправдания девиаций в эпоху постмодерна. Мы пришли к выводу, что толерантная личность справляется с возникающей стрессовой ситуацией, для нее характерны такие качества личности, как терпеливость, выносливость, психическая устойчивость. Такие люди отличаются дружелюбием, спокойствием, умением слушать, анализировать и вести диалог. Совсем другие характеристики относятся для интолерантной личности. Такие люди, напротив, тревожны и ощущают чувство исходящей извне угрозы, уверены в собственной исключительности, не готовы брать на себя ответственность, а стремятся переложить ее на окружающих.

Ключевые слова: толерантность, терпимость, терпеливость, психическая устойчивость, регуляция деятельности.

Цитирование. Светличная Т.Г., Смирнова Е.А. Теоретико-концептуальные подходы и результаты эмпирического изучения феномена толерантности (обзор литературы) // *Logos et Praxis*. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 94–108. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.10>

Постановка проблемы

Понятие «толерантность» произошло от латинского слова *tolerantia*, что означает терпение. Понятие имеет различную интерпретацию у разных народов. В переводе с английского языка «толерантность» – это готовность воспринимать другую личность во всем ее многообразии, не замечать ее недостатков, позволять существовать различным точкам зрения, то есть англичане проявляют свою снисходительность. В отличие от них французы толерантность понимают как уважение свободы, поведения, взглядов другого человека. Для испанцев толерантность – это уже принятие мнения, которое большинство общества не разделяет. В русском языке понятие «толерантность» эквивалентно понятию «терпимость», умению терпеть. Русский народ готов мириться, принимать чужие мнения и поведение.

Впервые термин «толерантность» можно встретить в медицинской литературе, применительно к такому «состоянию организма, при котором он неспособен синтезировать антитела в ответ на введение определенного антигена при сохранении иммунной реактивнос-

ти к другим антигенам» [Прохоров 1985, 1332]. Аналогичное определение представлено и в словаре иностранных слов: «полное или частичное отсутствие иммунологической реактивности...» [Современный словарь... 1992, 610].

В других словарях толерантность равнозначна снисходительности [Александрова 2001, 499], или «терпимости к иного рода взглядам», являющаяся «признаком уверенности в себе и... признаком открытого для всех идейного течения, которое не боится сравнения с другой точкой зрения и не избегает духовной конкуренции» [Большая российская энциклопедия 2016, 236–237]. С.И. Ожегов, предлагая определение понятию «толерантность», приводит синонимы, очень близкие по значению – «терпение», «терпеть», «терпимость». Под «терпением» автор подразумевает способность личности терпеть, при этом она должна обладать такими качествами, как настойчивость, упорство и выдержка. Терпеть, по мнению автора, это «безропотно и стойко переносить что-нибудь, мириться с наличием чего-либо, испытывать что-то неприятное и откладывать какие-либо дела» [Ожегов, Шведова 1994, 502]. Наконец, под понятием «тер-

пимость» подразумевается терпимое отношение к другому мнению и поведению.

Осмысление феномена толерантности с позиций западных и отечественных теоретико-концептуальных подходов к его изучению для применения в медико-социологических исследованиях здоровья и здравоохранения стало целью настоящего исследования. В ходе его проведения был использован аналитический метод в сочетании с научно-теоретическим подходом, проанализированы материалы 63 источников литературы.

Результаты

Впервые интерес к изучению феномена толерантности возник в XVII в. Джон Локк (1632–1704), изучавший проблему взаимоотношений государства и церкви, толерантность рассматривает как принцип разума и проявления религиозной терпимости [Локк 1988, 91–34]. Человек, созданный по образу и подобию Божию, вне зависимости от индивидуальных особенностей воспринимался абсолютной ценностью, делался акцент только на разумность и волю. Эта идеология способствовала отмене рабства, освобождению от государственного экономического принуждения, распространению частной собственности и идей либерализма. Главными идеями последнего стали: свобода ничем не ограниченного, кроме закона выбора, будь то политического, нравственного или религиозного, равенство всех перед законом и толерантность и др.

Позднее Вольтер (1694–1778) предложил «Трактат о толерантности» (1763), согласно которому атеизм, как и любая религия, может достичь крайней степени приверженности, то есть превратиться в фанатизм, и, как следствие, не может быть синонимом толерантности, которая есть добродетель и общечеловеческая ценность. Л.Н. Толстой (1828–1910) дополнил существующие положение о терпимости концепцией «Непротивления злу насилеи», под которым понимал нравственное начало, воспитание в себе терпимости, что равно смирению, упорству в преодолении трудностей, мудрости [Евлампиев, Матвеева 2020], умение сдерживать раздражительность, агрессию и воспитание в себе чувства любви к ближнему [Рерих 1994, 3–450]. С.Н. Трубец-

кой полагал, что основу терпимости составляет совесть, которая помогает человеку «понимать, что добро и терпение есть всеобщая обязанность по отношению ко всем... что оно только тогда истинно и дорого, когда вполне бескорыстно, когда человек не преследует свои цели и с пониманием относится к ближним» [Трубецкой 1994, 512]. При этом П.А. Сорокин (1889–1968) говорит, что не надо терпимость путать с воздержанием от действий. Нередко последнее требует больших усилий личности, чем требуется для открытых действий [Сорокин 1992, 98].

Иммануил Кант (1724–1804) рассматривает действие человека с позиции рационального поведения. По мнению автора, индивид должен «руководствоваться в поступках теми мотивами, которые устроят всех, а это может произойти только в том случае, если станут общими» [Кант 1995, 72], то есть толерантность, становясь всеобщим моральным принципом поведения, становится и некой социальной нормой.

Уже в XX в. толерантность стали рассматривать, с одной стороны, как нравственный принцип, регулирующий деятельность и взаимоотношения людей, в результате которой формируется особый тип мировоззрения, с другой – как «практический инструмент, позволяющий эффективно решать противоречия и конфликты» [Золотухин 1999, 59], которые могут проявляться в действии (в диалоге) и в сострадании (молчаливо) [Ищенко 1990]. Иными словами, под толерантностью стали понимать воспитание личности, требующее самоограничений, которое может быть выражено действием, мыслью, словом [Арипова 2018, 14]. Другие авторы, Д.В. Зиновьев [Зиновьев 1998, 58] и М.С. Мацковский [Мацковский и др. 2004, 145], толерантность определяют как взаимодействие между субъектом и объектом толерантности, при этом субъект должен проявлять терпимое отношение к объекту независимо от его индивидуальных качеств, будь то национальность, какие-либо внешние признаки или особенности поведения.

Гордон Олпорт (1897–1967), рассматривая феномен толерантности с психологической точки зрения, под толерантностью понимал дружелюбный настрой и любовь ко всем людям без исключения, которые определяются уровнем развития личности, что соотносится со

степенью ее социализации. К критериям зрелой личности автор отнес такие качества индивида, как терпимость, умение справляться с собственным эмоциональным состоянием, реалистичное восприятие, опыт, притязания, ответственность, чувство юмора, автономность [Олпорт 2011], ценностное отношение человека к другому, человечность и альтруизм [Бондырева, Колесов 2003]. В теории «Здоровой личности» Абрахама Маслоу (1908–1970) под терпимостью понимается: 1) установление доброжелательных взаимоотношений между людьми; 2) одно из важных качеств самоактуализирующейся личности [Маслоу 1999].

Другой известный психолог Карл Роджерс (1902–1987) в концепции «Полноценно функционирующей личности» [Роджерс 1994], опираясь на принцип терпимости, призывает, оказывая помощь человеку, попавшему в трудную жизненную ситуацию, руководствоваться принципами эмпатии и конгруэнтности.

Одни представители психологической науки, рассматривающие толерантность с позиции способности человека справляться с эмоциональным стрессом, определяют этот феномен как «отсутствие или ослабление реагирования на некий неблагоприятный фактор в результате снижения чувствительности к его воздействию» [Гаюрова 2002, 135]. Другими словами, у человека формируются такие качества, как терпеливость, выносливость, психическая устойчивость [Липман 1995, 116].

И.Б. Гриншпун (1953–2013) под толерантностью понимает способность: 1) к сохранению психической саморегуляции в ситуации фрустрирующих воздействии; 2) демонстрации моделей неагрессивного поведения к другому человеку, независимо от предпринимаемых им действий [Гриншпун 2002, 34]. С.К. Бондырева (род. 1943) также считает, что «в основе толерантности лежит или отсутствие оснований для негативной реакции, или сдерживание себя индивидом (торможение им своих побуждений)» [Бондырева, Колесов 2003, 7]. Толерантность, возникающая при отсутствии объективных причин для негативной реакции человека, называют естественной толерантностью, и, наоборот, при наличии таких причин возникающая толерантность будет называться проблемной толеран-

тностью. Таким образом, толерантность, являясь признаком высокой культуры ума, может выступать и как способность к самосохранению, и как готовность к взаимодействию. Она способствует успешной адаптации ко всему новому и неожиданному и является противоположным качеством стереотипности и авторитаризму [Бондырева, Колесов 2003, 3–237]. В словаре Брокгауза и Ефрона терпимость является «направлением ума, равно отличное от равнодушия (индифферентизма) и упорного признания истинности лишь своих мнений (фанатизма)» [Брокгауз, Эфрон 1901, 61].

В.А. Тишков (род. 1941) выделяет два уровня толерантности [Тишков 1997, 198–205]. Во-первых, психологический уровень, который проявляется на уровне сознания как внутренняя установка личности или группы. Здесь она добровольна и достигается через воспитание и жизненный опыт. Во-вторых, политический уровень. Это уже сознательный уровень и проявляется как сознательное действие или норма. Здесь мы говорим об осознанном самоограничении и добровольном согласии на терпимость противодействующих в несогласии субъектов.

Другие представители психологической школы рассматривают толерантность как готовность и способность человека устанавливать и поддерживать конструктивные отношения с людьми, отличающимися от большинства или игнорирующими мнение этого большинства [Орлов, Шапиро 2017; Братченко 2003, 104]. Г.В. Безюлева [Безюлева 2009, 155] выделила основные составляющие толерантности. Во-первых, это возможность взаимодействия в условиях противоречия и приятие отличающихся целей и интересов; во-вторых, дружелюбие, спокойствие, умение слушать, анализировать и вести диалог. Важным здесь признается способность человека или группы отстаивать свою точку зрения ненасильственными способами. И напротив, ситуация, когда человек или группа отстаивает свою позицию и нередко негативно относится к чужому мнению, исследователи называют коммуникативной интолерантностью [Николаева 2007, 148; Вульфов 2002].

Г.У. Солдатова (род. 1956) говорит о необходимости признания равенства, многообразия и отказа от насилия. Под толерантностью автор понимает «интегральную характе-

ристику индивида, определяющую его способность в проблемных и кризисных ситуациях активно взаимодействовать с внешней средой с целью восстановления своего нервно-психического равновесия, успешной адаптации, недопущения конфронтации и развития позитивных взаимоотношений с собой и с окружающим миром» [Солдатова 2007, 198]. Толерантная личность обладает такими морально-нравственными качествами, как «способность признавать «инаковость» независимо от «физического состояния, национальности, вероисповедания, пола, возраста, социального статуса, сексуальной ориентации» [Жмырова 2006, 1267]. При этом автор обращает внимание на то, что толерантность не является синонимом терпимого отношения к социальной несправедливости или отказа от собственных убеждений, а становится активной позицией индивида по предотвращению дискриминации [Жмырова 2006, 1267].

А.Г. Асмолов, понимая толерантность как «способность индивида без возражений и противодействия воспринимать отличающиеся от его собственных мнения, образ жизни, характер поведения и иные особенности других индивидов» [Асмолов 2000, 173; 2001, 152], выделяет три составляющие этого понятия: 1) устойчивость и выносливость; 2) терпимость; 3) допустимое отклонение. В большей мере склонялся к объяснению феномена толерантности устойчивостью к конфликтам.

А.А. Машанов [Машанов 2021, 141], выделяя структуру толерантности, определяет три взаимосвязанные и взаимозависимые подсистемы, описывающие социально-психологические характеристики личности:

1. Когнитивная – знание (когнитивно-эмоциональное образование). Это информационное пространство, откуда люди получают необходимые знания, определенные эмоции или «эмоциональное окрашивание знания для формирования поведенческой готовности».

2. Эмоциональная – эмоциональная оценка (эмоционально-ценностное отношение). Установки личности, подразумевающие под собой эмоциональные реакции, состояния и отношение, регулирующие деятельность индивида.

3. Деятельностная – предрасположенность к определенному типу социального поведения. В основе выбора стратегии поведе-

ния лежит понимание, сотрудничество, направленность деятельности по достижению планов. Только в деятельности формируется жизненная концепция.

Ю.И. Грачева [Грачева 2008, 111] дополнительно вводит личностный компонент толерантности (ценностно-смысловая система), в основе которой лежит ценность человека, ценности его прав и свобод, свободно всем без исключения самостоятельно выбирать свои жизненные позиции и ценности, нести ответственность за свой выбор и собственную жизнь.

В.А. Лекторский (род. 1932) предложил классификацию толерантности, основываясь на ее видах [Лекторский 1997, 52]:

1) безразличие (к существованию многообразия взглядов);

2) невозможность взаимопонимания (отсутствие понимания взглядов другого);

3) снисхождение (к отличиям других в сочетании с презрением к ним);

4) расширение опыта и критический диалог. Личность стремится сопоставить свою позицию с позицией другого, понять основания каждой из них и при необходимости в процессе диалога провести коррекцию убеждений.

А.А. Машанов представил другую классификацию видов толерантности: этническая, коммуникативная, гендерная, политическая [Машанов 2021, 141]:

1. Под этнической толерантностью понимается формирование позитивного образа иной этнической культуры при позитивном восприятии своей собственной [Декларация... 2011, 133]. Глобализация, военные конфликты способствуют перемещению рабочей силы из бедных стран в финансово более успешные. В свою очередь экономически развитые страны начиная с середины прошлого века заинтересованы в решении вопроса нехватки трудовых ресурсов, привлечении более дешевой рабочей силы. Свидетельством тому становится поток беженцев из стран Ближнего Востока, Северной Африки и Средней Азии в страны Евросоюза. Так, Макс Фриш, анализируя итоги миграционной политики, пишет: «Мы хотели рабочих, а получили людей» [Вардазарян web].

2. Политическая толерантность подразумевает терпимое отношение ко всем видам политических взглядов.

3. Коммуникативная толерантность подразумевает степень переносимости личностью неприемлемых качеств и поступков другого.

4. Гендерная толерантность – это «готовность к пониманию, принятию и признанию различных типов гендерной идентичности, многообразных проявлений гендерного поведения, гендерное равноправие в социуме, на основе активной нравственной позиции личности» [Машанов 2021, 154]. Нам обнаружено и другое определение гендерной толерантности: это «непредвзятое отношение к представителям другого пола или другого отношения к полу, недопустимость априорного приписывания человеку недостатков другого пола, следования стереотипным мнениям, выражения превосходства, проявления дискриминации по признаку как биологического (мужчина – женщина) пола, так и социально-культурного (сконструированного и/или с которым происходит идентификация) пола и т. д.» [Пьяных 2016, 148]. Эмансипация женщины, смешение гендерных ролей, когда женщина перестает выполнять исторически принятые женские роли жены, матери, хозяйки приводит к кризису семьи. Теперь женщина обеспечивает себя и нередко свою семью средствами к существованию, строит карьеру, имеет сексуальную свободу. Пропорционально меняются и роли мужчины в современном обществе. В некоторых странах Западной Европы легализуются однополые браки, а гомосексуальные пары даже имеют законное право на усыновление детей [Комиссаренко 2018, 500]. И уже папа Франциск становится человеком года (2013) и появляется на обложке ЛГБТ-журнала «The Advocate», призывая к толерантному отношению к однополым парам. Постепенно человека формируют бесполом существом, способным «сконструировать» собственную половую принадлежность.

Другие авторы дополняют существующую классификацию видов толерантности. Так, выделяется религиозная толерантность [Абуов web], когда адепты одной религиозной конфессии терпимо относятся к адептам других религиозных конфессий, не изменяя своим религиозным убеждениям и не притесняя право других.

Межклассовая толерантность [Лебедева, Татарко 2005, 118] – терпимое отношение

представителей разных слоев (богатые и бедные, городские и сельские и др.) друг к другу. Однако М. Уолцер (род. 1935) говорит о целесообразности и корректности сравнения только равных по статусу субъектов (национальность, вероисповедание, политические взгляды, сексуальная ориентация). Напротив, нельзя сравнивать группы, находящиеся в соподчиненности (средний и высший класс, законопослушные граждане и преступники) [Уолцер 2000, 25].

Интеллектуальная толерантность – это терпимое отношение к другим взглядам, мнениям, идеям [Жмырова 2006, 1267]. Здесь образующим будет общая культура и духовность человека, отсутствие эгоцентрических претензий, склонности к агрессивному поведению.

Медицинская толерантность – это терпимое отношение к другому состоянию здоровья, к людям, имеющим физические недостатки или отклонения в психическом здоровье. Эта социальная группа часто сталкиваются с таким социальным явлением, как стигматизация и социальная изоляция. Так, только чуть менее половины населения нашей страны считают, что людей с психическими нарушениями следует изолировать (44 %), игнорировать (2 %) и даже ликвидировать (2 %), тогда как, по данным иностранных исследователей, практически все (98 %) опрошенные готовы оказывать поддержку людям с психическими нарушениями [Абыева 2018, 106].

Возрастная толерантность – это терпимое отношение к другому возрасту [Жмырова 2006, 1268]. Научная толерантность – это терпимое отношение к другим точкам зрения в науке [Машанов 2021, 144]. Педагогическая толерантность – терпимое отношение к учащимся независимо от их способностей. Административная толерантность – это терпимое отношение к подчиненным и умение руководить без давления.

Ю.А. Клейберг выделяет деструктивную толерантность (гендерно-сексологическую, возрастную, образовательную, национально-этническую, религиозную, классово-социальную, маргинальную и др.) [Клейберг 2012, 333]. Автор представила свою типологию толерантности:

1) в основу мифологического или скрытого типа толерантности легли различия в

системе нравственных и этических норм. На этом этапе толерантность индивидом еще не осмыслена и носит скрытый характер;

2) в основу античного монотеистического типа толерантности лег новый тип сознания, внедряющий в общественное сознание два христианских постулата духовной жизни. Во-первых, это понятие высшего и совершенного Бытия; а во-вторых, о том, что философия со временем становится служанкой религии, утверждая единственную абсолютную истину, что делает толерантность невозможной;

3) в основе религиозного «парадоксального» типа лежит мировоззренческий конфликт, являющийся причиной религиозных войн, которые провоцировались людьми, убежденными в обладании абсолютной истиной;

4) реформаторский «просвещенский» тип (в основу легло понимание толерантности Дж. Локка) подразумевает, что формирование толерантности возможно только в отношениях между людьми различных религиозных конфессий. Нарушая «общий закон», человек проявляет свою неуверенность и становится жертвой общественного презрения;

5) в основе философского «классического» типа лежит философски осмысленный скептицизм, основой толерантности становится отделение церкви от государства. Синонимами толерантности становятся такие понятия, как абсолютная истина и абсолютная свобода;

6) секулярный или «культурологический» тип основывается на всеобщем признании нравственных ценностей с одновременным формированием секулярного сознания, порождающего нетерпимость;

7) научно-общественный, «научный» тип предполагает терпимость в научной и общественной сфере. Человек с догматическим мышлением не подвергает свои убеждения сомнению, что недопустимо при решении национальных, социальных, политических и других проблем;

8) социально-психологический (девиантологический) тип можно разделить на две группы: конструктивную, направленную на совершенствование общества, и деструктивную, направленную на создание условий для разрушения общественных отношений, распространения тревожных настроений, недоверия,

ненависти как между отдельными людьми, так и между социальными группами и слоями.

А.А. Машанов выделил критерии толерантности [Машанов 2021, 159]: равный и справедливый доступ всех народов к социальным благам; развитие национально-культурной самобытности национальных меньшинств и терпимое отношение в области межэтнических и межрасовых отношений; равенство всех членов общества в политических правах; свобода вероисповедания.

Изучение феномена толерантности сопровождалось изучением фактов, влияющих на его формирование. К таким факторам ученые отнесли: воспитание, обучение и культурные особенности общества, в котором происходит социализация и идентификация личности, сформировавшиеся стереотипы и религиозные взгляды [Монтессори 2000, 150; Выготский 2008, 355; Самохвалова и др. 2018, 132]. Для этого индивид должен быть внутренне готов принять чужое, не поступаясь своей идентичностью. Кроме того, С.К. Бондырева [Бондырева, Колесов 2003, 142] выделяет врожденную толерантность, когда индивид изначально расположен к терпимости, и приобретенную благодаря воспитанию толерантность.

Результаты эмпирического исследования психологических механизмов формирования толерантности изложены в работе Е.Ю. Клепцовой [Клепцова 2004, 122]. Изначально у человека должно быть сформировано терпение, под которым понимаются выдержка, самообладание и самоконтроль, позволяющие переносить напряжение, контролировать импульсивные реакции, осуществлять самоконтроль. Со временем такое психологическое состояние укрепляется, и формируется терпеливость, помогающая понизить порог чувствительности к негативным факторам, затем формируется эмоциональная уступчивость и в дальнейшем – толерантность. На основании механизмов формирования толерантности можно выделить этапы ее развития: 1) терпение; 2) терпеливость; 3) толерантность.

Похожие идеи мы находим в работах А.Б. Орлова и А.З. Шапиро [Орлов, Шапиро 2017] и А.В. Петровского [Петровский 2008]. Авторы выделяют следующие типы толерантности:

1. Естественный (натуральный) [Орлов, Шапиро 2017] тип толерантности, или толерантность типа «А» [Петровский 2008], – это безусловное принятие другого человека как самодостаточной личности. Такое поведение свойственно младенцам, у которых в процессе социализации пока не произошло разделение индивидуального и социального опыта и не сформирован двойной стандарт. Маленький человек нетерпим к своим нуждам и готов добиваться удовлетворения базовых потребностей единственно доступным ему инструментом – плачем, а родители в свою очередь учат его терпению. По мнению А.В. Петровского, толерантность типа «А» позволяет принять маленьким детям своих родителей даже в случаях крайне жестокого обращения, обеспечивая им субъективную психологическую защищенность. В то же время это не позволяет им принять себя, собственный опыт, собственные чувства, что приводит к их невротизации.

2. Для морального (неконгруэнтного) [Орлов, Шапиро 2017] типа толерантности, или толерантности типа «Б» [Петровский 2008], ее пассивной формы свойственно терпение, терпимость, безразличие. Терпимость в словаре В.И. Даля определяется, как «способность кого-либо терпеть “только по милосердию, снисхождению”» [Даль 1994, 775]. Психологическая основа такого типа толерантности идентична формам враждебного поведения, признается авторами скрытой, отсроченной внутренней агрессией, имеющей единую психологическую основу, и предполагает насилие, манипулирование и игнорирование субъектных характеристик человека. Различия между моральной толерантностью и скрытой агрессией носят не качественную, а количественную характеристику. При этом некоторые авторы [Хеффе 1991, 20] считают пассивную толерантность несовершенной формой толерантности, когда личность понимает необходимость терпимого отношения для возможности цивилизованного общения.

3. Нравственный (конгруэнтный) [Орлов, Шапиро 2017] тип толерантности, или толерантность типа «В» [Петровский 2008], – это принятие человеком окружающих и самого себя. Предполагает уважение ценностей как другого человека или группы, так и сохранение своих собственных. В данном случае воз-

никновение конфликтных ситуаций не исключается, здесь даже характерны ситуации напряженного существования, которые они принимают и достойно выдерживают. По мнению авторов, этот тип является зрелым, позитивным видом толерантности. Такая личность обладает высоким чувством собственного достоинства, навыками независимого мышления и системой нравственных норм, для самоутверждения не требуется унижение другого. В своих проявлениях нравственный тип толерантности соотносится с триадой К. Роджерса – безоценочностью, безусловным принятием и конгруэнтностью.

Е.С. Шалюгина под толерантными чувствами предлагает понимать «внутреннее принятие человеком как равноправной, равнокачественной некой общности независимо от количественного состава, исторической культуры, экономических успехов» [Шалюгина 2021, 343].

Итак, толерантная личность гуманна, для нее недопустимо применение никаких методов физического или психического воздействия на другую личность [Машанов 2021, 151]. Она гибкая и склонная к рефлексии, то есть сознательно анализирует свои мысли, эмоции и поступки. При принятии решений использует разнообразие подходов к оценке ситуации и принимает решение, адекватное сложившимся обстоятельствам (вариативность). При этом автор отмечает, что на принятие решений не способны оказать влияния никакие обстоятельства и события. Такая личность способна к сохранению эмоциональной стабильности (самообладание) и адекватной оценке собственных сил и возможностей (уверенность в себе). Она осознанно воспринимает, принимает и адекватно оценивает как собственную личность, так и личность других людей (перцепция), способна себя поставить на место другого и разделить с ним все переживания (эмпатия), способна к ироническому отношению к нелепым ситуациям. По мнению ученых, толерантность считается признаком высокого духовного и интеллектуального развития отдельного человека, группы и даже общества в целом.

Е.Ю. Клепцова [Клепцова 2004, 152] выделяет функции толерантности:

1) коммуникативная функция, которая заключается в более глубоком понимании

партнера по общению и, как следствие, оптимизации самого процесса общения;

2) активная функция или конформность;

3) трансляционная функция, необходимая для совместной деятельности людей;

4) конгруэнтно-эмпатическая функция, которая характеризуется способностью понимания и принятия себя и партнера по общению;

5) адаптивная функция, которая характеризуется приспособлением к неблагоприятной окружающей среде.

Противоположным по смыслу и проявлению толерантности выступает принцип интолерантности, подразумевающий готовность субъекта к полному непринятию людей других культур и убеждений. Воспринимаемый жизненный уклад группы, с которой индивид себе идентифицирует, выше остальных, он не просто не принимает другого, того, кто выглядит, думает или поступает иначе, он отказывает ему в праве на существование. Со временем склонность поступать таким образом может стать сильной чертой характера человека [Асмолов 2001, 310]. Учитывая, что «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» [Ленин 1968, 100], социально незащищенные группы населения нередко подвергаются исключению их из общественной жизни, дискриминации и стигматизации со стороны социума [Улюкин, Березовский, Орлова 2019, 42]. При этом нетерпимость рождает ответную нетерпимость [Сыдыкова 2019, 5]. А.А. Машанов выделил основные формы проявления нетерпимости [Машанов 2021, 159]:

1) распространение в обществе негативных стереотипов, оскорблений, пренебрежение, преследование, угрозы, изгнание, репрессии;

2) этноцентризм, расизм, национализм, фашизм, этнофобии;

3) поиск врага, когда происходит перенос вины за собственные проблемы на других людей или социальные группы;

4) осквернение религиозных и культурных памятников, религиозное преследование.

Обсуждение и выводы

Можно сказать, что толерантность призвана поддерживать социальный баланс в обществе. С одной стороны, люди склонны

объединяться с теми, с кем разделяют общие убеждения и культурные ценности, с другой – с предубеждением относятся к тем, кто отличается от них на биологическом, психологическом или культурном уровне [Улюкин, Березовский, Орлова 2019]. Однако в информационном обществе границы толерантности смещаются от рационально обоснованного отсутствия запрета и нейтральной терпимости к носителям других норм и ценностей, к толерантности, основанной на рефлексивном отношении к собственной позиции [Лебедева 2009, 15]. Наблюдается ослабление социальных требований во всех сферах жизнедеятельности людей [Тарновский 2016, 109]. Во-первых, человек получает возможность менять свою идентичность и набор значимых характеристик. Постепенно входит в норму изменения в сфере внешнего облика и дополнений собственного тела (татуировки, необычный цвет волос, пирсинг). Во-вторых, отмечается мобильность в профессиональной деятельности. Становятся неактуальными профессиональные династии, а выбираемый род деятельности возможен без привязки к географическому положению или профессии. В-третьих, более толерантно воспринимаются изменения в сфере образа жизни (создание или несоздание семьи, рождение или осознанный отказ от рождения детей, миграция, вегетарианство). В-четвертых, отмечается неустойчивость гендерных ролей в сексуальной сфере (нетрадиционные отношения попадают в пределы правового поля). И вот в западноевропейском обществе наряду с традиционной христианской и исламской традициями и либеральной и консервативной идеологиями традиционные формы семьи и брака подменяются однополыми парами, а национализм и нацизм становятся обыденным явлением. Толерантность преподносится как необходимость легализации девиаций [Летуновский, Лукьянов 2014, 137]. По мнению Е.П. Пьяных, этому способствовала культура постмодернизма, когда произошло отрицание и переоценка традиционных идей и ценностей [Пьяных 2016, 147]. Истина и добро отныне не воспринимаются как безусловные, а разум и здравый смысл становится средством объяснения реальности. Находят объяснения самые абсурдные социальные явления, вседозволен-

ность подменяет собой свободу, а попустительство – ограничения. Постмодернизм становится образом мышления современного человека, для которого характерно разрушение прежней духовной культуры.

Вместе с тем меняется и сам смысл понятия «толерантность». Теперь в общественном сознании быть терпимым, толерантным означает принять все, даже чуждые ценности и идеи [Шалюгина 2021, 343]. Такая позиция нашла свое отражение и в принятой в 1995 г. «Декларации принципов толерантности», которая определяет толерантность как «уважение, принятие и правильное понимание всего многообразия культур, форм самовыражения и проявления человеческой индивидуальности» [Декларация... 2011]. Это значит, что «понимание, уважение и принятие основаны исключительно на положительных отношениях к другому, которые не надо терпеть» [Батурина, Корниенко 2007, 85], а необходимо признать и принять [Панищев 2017, 286]. Такой подход не допускает осуждения идей меньшинства, пусть даже самых абсурдных, и дает возможность манипулировать, воздействовать на большинство, неспособное эти идеи критиковать или игнорировать. Личность вынуждена выбирать между выбором своей жизненной позиции, основанной на здравом смысле, и теми нормами и ценностями, которые навязывает ему толерантность постмодерна. Выбор последнего способствуют нивелированию личности, девальвации ее качеств и способностей. Большинство вынуждено демонстрировать терпимость из-за страха нарушить закон [Шалюгина 2021, 342], что исключает возможность предупреждения губительных для общества отклонений. Игнорируются витальные потребности общества. В такой ситуации и источниками толерантности, и одновременно ее ограничителями становятся права на жизнь, свободу и безопасность [Пьяных 2016, 146]. Толерантность, внедряемая в общество, становится причиной возникновения не только социальных конфликтов в этом обществе, но и психических расстройств и даже антропологической катастрофы [Панищев 2017, 285].

Также происходит манипулирование идеями толерантности в спекулятивных интересах. Технологии, использующие толерантность для навязывания власти меньшинства, полу-

чили название «окна Овертона» (1900), по фамилии автора, предложившего механизм изменения культурных институтов, – американского политолога Джозефа Овертона. Весь процесс преобразования неприемлемого в легальное и законное состоит из пяти действий: немислимо, радикально, приемлемо, разумно, популярно. Когда меньшинство начинает вброс своей идеи в общественное сознание, постепенно происходит обесценивание накопленного опыта и то, что ранее было неприемлемым и аморальным, становится обсуждаемым в СМИ, акцентируется негативное внимание на тех, кто по-прежнему считает идею абсурдной. Вместе с тем идея подкрепляется научными мнениями, становится научной гипотезой, требующей доказательства. Далее происходит стигматизация личностей, которые не поддаются несостоятельности идеи. Затем название идеи заменяется на более приемлемое, акцентируется внимание на историческом периоде, где данная идея была нормой, происходит проникновение идеи в СМИ (ток-шоу, кино, реклама). Это вызывает интерес общественности к проблеме, проводятся социологические исследования с выявлением большого количества сторонников этой идеи, и она приобретает легальность и закрепляется на законодательном уровне (позиция «актуальной политики»). На сегодняшний день толерантность становится угрозой социальной безопасности [Пустовалова 2014, 207–210].

Заключение

Таким образом, в современном обществе, с одной стороны, феномен толерантности воспринимается как идеология миролюбия и свободы от предубеждений, тогда как, с другой стороны, все чаще под толерантностью общество пытается оправдать девиации и навязать большинству позицию меньшинства. Последняя позиция все больше доминирует в современном обществе. Но, на наш взгляд, в таком случае у человека должны отсутствовать такие качества, как воля, критическое мышление, нравственное осмысление происходящего и реакции на что-бы то ни было, тем самым человеку было бы отказано в осознанном выборе. Для этого личность должна перестать быть личностью, полностью утратив религиозное сознание.

На наш взгляд, толерантная личность способна справляться со стрессовой ситуацией, она обладает такими качествами, как терпеливость, выносливость, психическая устойчивость. Такие люди отличаются дружелюбием, спокойствием, умением слушать, анализировать и вести диалог.

Напротив, интолерантная личность уверена в собственной исключительности, такие люди не стремятся брать ответственность на себя, а стремятся перенести ее на окружающих. Они тревожны и испытывают ощущение угрозы извне, стремятся все контролировать и обладать властью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абуов web – *Абуов А.П.* Межконфессиональный диалог как основа социального согласия // <http://www.ashgabat.kz/article/142>
- Абыева 2018 – *Абыева С.М.* Проблема инвалидности в контексте толерантности // Научный альманах. 2018. № 5-3 (43). С. 105–107.
- Александрова 2001 – *Александрова З.Е.* Словарь синонимов русского языка. М.: Рус. яз., 2001.
- Арипова 2018 – *Арипова М.Л.* Современный мир и проблема толерантности // Проблемы педагогики. 2018. № 1. С. 13–15.
- Асмолов 2000 – *Асмолов А.Г.* На пути к толерантному сознанию. М.: Смысл, 2000.
- Асмолов 2001 – *Асмолов А.Г.* Психология личности: принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл, 2001.
- Батурина, Корниенко 2007 – *Батурина О.С., Корниенко А.Ф.* Соотношение понятий «толерантность» и «терпимость» // Психология – будущему России. Т. 1: материалы IV Всерос. съезда РПО (18–21 сент. 2007 г.). М.; Ростов н/Д: Кредо, 2007. С. 84–85.
- Безюлева 2009 – *Безюлева Г.В.* Толерантность: взгляд, поиск, решение. М.: Вербум-М, 2009.
- Большая российская энциклопедия 2016 – Большая российская энциклопедия. В 35 т. Т. 32. М.: Большая рос. энцикл., 2016.
- Бондырева, Колесов 2003 – *Бондырева С.К., Колесов Д.В.* Толерантность (введение в проблему). М.: МОДЭК, 2003.
- Братченко 2003 – *Братченко С.Л.* Психологические основания исследования толерантности в образовании // Педагогика развития: ключевые компетентности и их становление. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2003. С. 104–117.
- Брокгауз, Эфрон 1901 – *Брокгауз Ф.А., Эфрон И.А.* Энциклопедический словарь. Т. 33. СПб.: Тип. Акционер. о-ва Брокгауз-Ефрон, 1901.
- Вардазарян web – *Вардазарян С.* Политика мультикультурализма: на примере стран Западной Европы: конструктивизм и деструктивизм // <https://rauresearch.wordpress.com/2012/02/13/политика-мультикультурализма-на-при>
- Вульффов 2002 – *Вульффов Б.З.* Воспитание толерантности: сущность и средства // Внешкольник. 2002. № 6. С. 12–16.
- Выготский 2008 – *Выготский Л.С.* Педагогическая психология. М.: АСТ, 2008.
- Гаюрова 2002 – *Гаюрова Ю.А.* Социально-психологические исследования этнической толерантности. Этническая толерантность в полиэтнических регионах России. М.: РУДН, 2002.
- Грачева 2008 – *Грачева Ю.И.* Толерантность как личностное качество студента // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. № 2. С. 109–113.
- Гришпун 2002 – *Гришпун И.Б.* Понятие и содержательные характеристики толерантности (к вопросу о толерантности как психическом явлении). Толерантное сознание и формирование толерантных отношений (теория и практика): сб. науч.-метод. ст. М.: Изд. МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2002.
- Даль 1994 – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. М.: Прогресс, 1994.
- Декларация... 2011 – Декларация принципов толерантности // Национальный психологический журнал. 2011. № 2 (6). С. 132–135.
- Евлампиев, Матвеева, 2020 – *Евлампиев И.И., Матвеева И.Ю.* Принцип «непротивления злу насилием» Л.Н. Толстого в контексте русской религиозной философии конца XIX – начала XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2020. Т. 24, № 2. С. 165–180.
- Жмырова 2006 – *Жмырова Е.Ю.* О понятии «толерантность» и ее видах // Вестник ТГТУ. 2006. Т. 12, № 4Б. С. 1265–1269.
- Зиновьев 1998 – *Зиновьев Д.В.* Социокультурная толерантность – ее сущностные характеристики // Парадигма. 1998. № 1. С. 51–60.
- Золотухин 1999 – *Золотухин В.М.* Две концепции толерантности. М.: Смысл, 1999.
- Ищенко 1990 – *Ищенко Ю.А.* Толерантность как философская и мировоззренческая проблема // Философская и социологическая мысль. Киев, 1990. № 4. С. 48–60.
- Кант 1995 – *Кант И.* Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. СПб.: Наука: С.-Петербург. изд. фирма, 1995.

- Клейберг 2012 – *Клейберг Ю.А.* Толерантность и деструктивная толерантность: понятие, подходы, типология, характеристика // *Общество и право.* 2012. № 4 (41). С. 329–334.
- Клепцова 2004 – *Клепцова Е.Ю.* Психология и педагогика толерантности. М.: Акад. проект, 2004.
- Комиссаренко 2018 – *Комиссаренко Т.И.* Изучение причин, которые влияют на нетрадиционную сексуальную ориентацию // *Humanity space International almanac.* 2018. № 3 (7). С. 495–503.
- Лебедева, Татарко 2005 – *Лебедева А.Н., Татарко А.Н.* Толерантность в межкультурном диалоге. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2005.
- Лебедева 2009 – *Лебедева О.В.* Толерантность в модернистских и постмодернистских социологических теориях: ее преломление в практике дипломатических отношений: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2009.
- Лекторский 1997 – *Лекторский В.А.* О толерантности, плюрализме и критицизме // *Вопросы философии.* 1997. № 11. С. 49–54.
- Ленин 1968 – *Ленин В.И.* Партийная организация и партийная литература // *Полное собрание сочинений.* В 55 т. Т. 12. М.: Изд-во полит. лит., 1968. С. 99–105.
- Летуновский, Лукьянов 2014 – *Летуновский В.В., Лукьянов О.В.* Фундаментальная ошибка дискуссий о толерантности // *Сибирский психологический журнал.* 2014. № 53. С. 132–147.
- Липман 1995 – *Липман М.* Обучение с целью уменьшения насилия и развития миролюбия // *Вопросы философии.* 1995. № 2. С. 110–121.
- Локк 1988 – *Локк Дж.* Сочинения. В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988.
- Маслоу 1999 – *Маслоу А.* Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 1999.
- Мацковский и др. 2004 – *Мацковский М.С., Солдатова Г.У., Прокофьева Т.Ю., Лютая Т.А.* Толерантность как объект социологического исследования // *Межкультурный диалог: исследования и практика.* М.: Центр СМИ МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. С. 143–147.
- Машанов 2021 – *Машанов А.А.* Толерантность и межэтническая толерантность // *Современные вызовы и психологические ресурсы.* Ульяновск: Зебра, 2021. С. 132–161.
- Монтессори 2000 – *Монтессори М.* Метод научной педагогики, применяемый к детскому воспитанию в домах ребенка // *История дошкольной зарубежной педагогики: хрестоматия.* М.: Академия, 2000.
- Николаева 2007 – *Николаева Л.А.* Формирование коммуникативной толерантности студентов будущих юристов: дис. ... канд. пед. наук. Кемерово, 2007.
- Ожегов, Шведова 1994 – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1994.
- Олпорт 2011 – *Олпорт Г.* Толерантность // *Национальный психологический журнал.* 2011. № 2 (6). С. 155–159.
- Орлов, Шапиро 2017 – *Орлов А.Б., Шапиро А.З.* Толерантность // *Ежегодник по консультативной психологии, коучингу и консалтингу.* 2017. № 4. С. 37–44.
- Панищев 2017 – *Панищев А.Л.* Толерантность в ракурсе соборности русской культуры // *Единая российская нация: проблемы формирования ее идентичности: сб. ст. участников Всероссийс. науч.-практ. конф. (25–27 окт. 2017 г.).* Саров: Интерконтакт, 2017.
- Петровский 2008 – *Петровский А.В.* Психология развивающейся личности. М.: Педагогика, 2008.
- Прохоров 1985 – *Прохоров А.М.* Советский энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1985.
- Пустовалова 2017 – *Пустовалова Е.В.* Толерантность как угроза социальной безопасности в современном полиэтническом пространстве: к постановке проблемы // *Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве.* 2017. № 5 (1). С. 207–210.
- Пьяных 2016 – *Пьяных Е.П.* Толерантность: от классического либерализма к постмодернизму // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* 2016. № 4 (1). С. 145–150.
- Рерих 1994 – *Рерих Н.К.* О вечном. М.: Республика, 1994.
- Роджерс 1994 – *Роджерс К.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, 1994.
- Самохвалова и др. 2018 – *Самохвалова А.Г., Скрябина О.Б., Метц М.В., Иванова Н.М.* Развитие межкультурной коммуникативной компетентности детей и подростков. Кострома: Костром. гос. ун-т, 2018.
- Современный словарь... 1992 – *Современный словарь иностранных слов.* М.: Рус. яз., 1992.
- Солдатова 2007 – *Солдатова Г.У.* Толерантность и согласие. М.: Владис, 2007.
- Сорокин 1992 – *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
- Сыдыкова 2019 – *Сыдыкова Г.М.* Исследование толерантности у киргизских студентов // *Пензенский психологический вестник.* 2019. № 1 (12). С. 1–8.
- Тарновский 2016 – *Тарновский К.Ю.* Особенности самоидентификации личности в обществе постмодерна // *Ценности и смыслы.* 2016. № 3 (43). С. 101–111.

- Тишков 1997 – *Тишков В.А.* Очерки теории и политики этничности в России. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997.
- Трубецкой 1994 – *Трубецкой С.Н.* О природе человеческого сознания. М.: Республика, 1994.
- Улюкин, Березовский, Орлова 2019 – *Улюкин И.М., Березовский А.В., Орлова Е.С.* Стигматизация и толерантность при поражении лиц молодого возраста социально значимыми заболеваниями // Известия Российской военно-медицинской академии. 2019. № 1. С. 39–49.
- Уолцер 2000 – *Уолцер М.* О терпимости. М.: Идея-Пресс : Дом интеллект. кн., 2000.
- Хеффе 1991 – *Хеффе О.* Плюрализм и толерантность: к легитимации в современной мире // Философские науки. 1991. №12. С. 16–28.
- Шалюгина 2021 – *Шалюгина Е.С.* Толерантность как рычаг воздействия на общество // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1 (53). С. 342–343.

REFERENCES

- Abuov A.P. *Interfaith Dialogue as the Basis of Social Harmony*. URL: <http://www.ashgabat.kz/article/142>
- Abyeva S.M., 2018. The Problem of Disability in the Context of Tolerance. *Nauchnyj al'manah*, no. 5-3 (43), pp. 105-107.
- Alexandrova Z.E., 2001. *Dictionary of Synonyms of the Russian Language*. Moscow, Russkiy yazyk Publ.
- Aripova M.L., 2018. The Modern World and the Problem of Tolerance. *Problemy pedagogiki*, no. 1, pp. 13-15.
- Asmolov A.G., 2000. *On the Way to a Tolerant Consciousness*. Moscow, Smysl Publ.
- Asmolov A.G., 2021. *Personality Psychology: Principles of General Psychological Analysis*. Moscow, Smysl Publ.
- Baturina O.S., Kornienko A.F. Correlation of the Concepts of “Tolerance” and “Toleration”. *Psihologiya – budushchemu Rossii. Vol. 1: materialy IV Vseros. syezda RPO (18–21 sent. 2007 g.)*. Moscow, Rostov-on-Don, Kredo Publ., pp. 84-85.
- Bezyuleva G.V., 2009. *Tolerance: View, Search, Solution*. Moscow, Verbum-M Publ.
- The Great Russian Encyclopedia*. In 35 Vols. Vol. 32. Moscow, Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya Publ., 2016.
- Bondyreva S.K., Kolesov D.V., 2003. *Tolerance (Introduction to the Problem)*. Moscow, MODEK Publ.
- Bratchenko S.L., 2003. Psychological Foundations of Tolerance Research in Education. *Pedagogika razvitiya: klyucheveye kompetentnosti i ikh stanovlenie*. Krasnoyarsk, Krasnoyar. gos. un-t, pp. 104-117.
- Brockhaus F.A., Efron I.A., 1901. *Encyclopedic Dictionary*. Vol. 33. Saint Petersburg, Tipografiya Aktsionernogo obshchestva Brokgauz-Efron.
- Vardazaryan S. *Multiculturalism Policy: on the example of Western European Countries: Constructivism and Destructivism*. URL: <https://rauresearch.wordpress.com/2012/02/13/политика-мультикультурализма-на-при>
- Wolfow B.Z., 2002. Education of Tolerance: The Essence and Means. *Vneshkol'nik*, no. 6, pp. 12-16.
- Vygotsky L.S., 2008. *Pedagogical Psychology*. Moscow, AST Publ.
- Gayurova Yu.A., 2002. *Socio-Psychological Studies of Ethnic Tolerance. Ethnic Tolerance in Multiethnic Regions of Russia*. Moscow, RUDN.
- Gracheva Yu.I., 2008. Tolerance as a Student's Personal Quality. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*, no. 2, pp. 109-113.
- Grinshpun I.B., 2002. *The Concept and Content Characteristics of Tolerance (On the question of Tolerance as a Mental Phenomenon). Tolerant Consciousness and the Formation of Tolerant Relations (Theory and Practice)*. *Sat. sci.-method. art.* Moscow, Izd. MPSI; Voronezh, MODEK Publ.
- Dal V.I., 1994. *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*. In 4 Vols. Vol. 4. Moscow, Progress Publ.
- Declaration of Principles of Tolerance, 2011. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*, no. 2 (6), pp. 132-135.
- Evlampiev I.I., Matveeva I.Y., 2020. The Principle of “Non-Resistance to Evil by Violence” by L.N. Tolstoy in the Context of Russian Religious Philosophy of the Late XIX – Early XX Century. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya*, no. 2 (24), pp. 165-180.
- Zhmyrova E.Yu., 2006. About the Concept of “Tolerance” and Its Types. *Vestnik TGTU*, vol. 12, no. 4B, pp. 1265-1269.
- Zinoviev D.V., 1998. Sociocultural Tolerance – Its Essential Characteristics. *Paradigma*, no. 1, pp. 51-60.
- Zolotukhin V.M., 1999. *Two Concepts of Tolerance*. Moscow, Smysl Publ.
- Ishchenko Yu.A., 1990. Tolerance as a Philosophical and Ideological Problem. *Filosofskaya i sociologicheskaya mysl'*. Kiev, no. 4, pp. 48-60.
- Kant I., 1995. *Fundamentals of the Metaphysics of Morality. Criticism of Practical Reason*. Saint Petersburg, Nauka Publ., S.-Peterb. izd. firma.
- Kleiberg Yu.A., 2012. Tolerance and Destructive Tolerance: Concept, Approaches, Typology, Characteristics. *Obshchestvo i pravo*, no. 4 (41), pp. 329-334.

- Kleptsova E.Y., 2004. *Psychology and Pedagogy of Tolerance*. Moscow, Akademicheskij proekt Publ.
- Komissarenko T.I., 2018. The Study of the Causes That Affect Non-Traditional Sexual Orientation. *Humanity Space International Almanac*, no. 3 (7), pp. 495-503.
- Lebedeva A.N., Tatarko A.N., 2005. *Tolerance in Intercultural Dialogue*. Moscow, In-t etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya RAN.
- Lebedeva O.V., 2009. *Tolerance in Modernist and Postmodern Sociological Theories: Its Refraction in the Practice of Diplomatic Relations*. Cand. sociol. sci. abs. diss. Moscow.
- Lectorsky V.A., 1997. About Tolerance, Pluralism and Criticism. *Voprosy filosofii*, no. 11, pp. 49-54.
- Lenin V.I., 1968. Party Organization and Party Literature. *Polnoe sobranie sochineniy*. In 55 Vols. Vol. 12. Moscow, Izd-vo polit. lit., pp. 99-105.
- Letunovsky V.V., Lukyanov O.V., 2014. The Fundamental Mistake of Discussions About Tolerance. *Sibirskij psihologicheskij zhurnal*, no. 53, pp. 132-147.
- Lipman M., 1995. Training to Reduce Violence and Develop Peacefulness. *Voprosy filosofii*, no. 2. pp. 110-121.
- Locke J., 1988. *Essays*. In 3 Vols. Vol. 3. Moscow, Smysl Publ.
- Maslow A., 1999. *New Frontiers of Human Nature*. Moscow, Smysl Publ.
- Matskovsky M.S., Soldatova G.U., Prokofieva T.Yu., Lyutaya T.A., 2004. *Tolerance as an Object of Sociological Research. Intercultural Dialogue: Research and Practice*. Moscow, Tsentri SMI MGU im. M.V. Lomonosova, pp. 143-147.
- Mashanov A.A., 2021. Tolerance and Interethnic Tolerance. *Modern Challenges and Psychological Resources*. Ulyanovsk, Zebra Publ., pp. 132-161.
- Montessori M., 2000. The Method of Scientific Pedagogy Applied to Children's Education in Children's Homes. *Istoriya doshkol'noy zarubezhnoy pedagogiki: khrestomatiya*. Moscow, Akademiya Publ.
- Nikolaeva L.A., 2007. *Formation of Communicative Tolerance of Students of Future Lawyers*. Cand. pedagogical sci. abs. diss. Kemerovo.
- Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu., 1994. *Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Moscow, Az Publ.
- Allport G., 2011. Tolerance. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*, no. 2 (6), pp. 155-159.
- Orlov A.B., Shapiro A.Z., 2017. Tolerance. *Ezhegodnik po konsul'tativnoj psihologii, kouchingu i konsaltingu*, no. 4, pp. 37-44.
- Panishchev A.L., 2017. Tolerance in the Perspective of the Unity of Russian Culture. *Edinaya rossijskaya natsiya: problemy formirovaniya ee identichnosti: sb. st. uchastnikov Vserossiysk. nauch.-prakt. konf. (25-27 okt. 2017 g.)*. Sarov, Interkontakt Publ.
- Petrovsky A.V., 2008. *Psychology of a Developing Personality*. Moscow, Pedagogika Publ.
- Prokhorov A.M., 1985. *Soviet Encyclopedic Dictionary*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ.
- Pustovalova E.V., 2017. Tolerance as a Threat to Social Security in the Modern Multiethnic Space: Towards the Formulation of the Problem. *Social'naya integraciya i razvitie etnokul'tur v evrazijskom prostranstve*, no. 5 (1), pp. 207-210.
- Pyanykh E.P., 2016. Tolerance: From Classical Liberalism to Postmodernism. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 4 (1), pp. 145-150.
- Roerich N.K., 1994. *About the Eternal*. Moscow, Respublika Publ.
- Rogers K., 1994. *A Look at Psychotherapy. The Formation of a Person*. Moscow, Progress Publ.
- Samokhvalova A.G., Scriabina O.B., Metz M.V., Ivanova N.M., 2018. *Development of Intercultural Communicative Competence of Children and Adolescents*. Kostroma, Kostromskoy gosudarstvennyy universitet.
- Modern Dictionary of Foreign Words*, 1992. Moscow, Russkiy yazyk Publ.
- Soldatova G.U., 2007. *Tolerance and Consent*. Moscow, Vladis Publ.
- Sorokin P.A., 1992. *Man. Civilization. Society*. Moscow, Politizdat.
- Sydykova G.M., 2019. The Study of Tolerance Among Kyrgyz Students. *Penzenskij psihologicheskij vestnik*, no. 1 (12), pp. 1-8.
- Tarnovsky K.Yu., 2016. Features of Self-Identification of Personality in Postmodern Society. *Cennosti i smysly*, no. 3 (43), pp. 101-111.
- Tishkov V.A., 1997. *Essays on the Theory and Politics of Ethnicity in Russia*. Moscow, Institut etnologii and antropologii RAN.
- Trubetskoy S.N., 1994. *On the Nature of Human Consciousness*. Moscow, Respublika Publ.
- Ulyukin I.M., Berezovsky A.V., Orlova E.S., 2019. Stigmatization and Tolerance in Young People Affected by Socially Significant Diseases. *Izvestiya Rossijskoj voenno-meditsinskoj akademii*, no. 1, pp. 39-49.
- Walzer M., 2000. *About Tolerance*. Moscow, Idea-Press Publ, Dom intellekt. kn. Publ.
- Heffe O., 1991. Pluralism and Tolerance: Towards Legitimation in the Modern World. *Filosofskie nauki*, no. 12, pp. 16-28.
- Shalyugina E.S., 2021. Tolerance as a Lever of Influence on Society. *Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii*, no. 1 (53), pp. 342-343.

Information About the Authors

Tatyana G. Svetlichnaya, Doctor of Sciences (Medicine), Professor, Department of Public Health and Social Work, Northern State Medical University, Prosp. Troitsky, 51, 163000 Arkhangelsk, Russian Federation, statiana64@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6563-9604>

Elena A. Smirnova, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology and Social Technologies, Cherepovets State University, Prosp. Sovetskiy, 8, 162600 Cherepovets, Russian Federation, Smirnova56@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9383-0649>

Информация об авторах

Татьяна Геннадьевна Светличная, доктор медицинских наук, профессор кафедры общественного здоровья, здравоохранения и социальной работы, Северный государственный медицинский университет, просп. Троицкий, 51, 163000 г. Архангельск, Российская Федерация, statiana64@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6563-9604>

Елена Алексеевна Смирнова, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий, Череповецкий государственный университет, просп. Советский, 8, 162600 г. Череповец, Российская Федерация, Smirnova56@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9383-0649>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.11>

UDC 316.77
LBC 60.524

Submitted: 03.02.2023
Accepted: 26.06.2023

DEVELOPMENT OF THEORETICAL IDEAS ABOUT THE CITY: CARTOGRAPHY AND MENTAL MAPS IN SOCIOLOGICAL DISCOURSE

Lev V. Fursaev

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Mariya B. Poltavskaya

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The relevance of urban studies is growing with the increase population in cities, these trends have been observed worldwide for more than half a century. The main task of the presented work is to identify the stages of development of theoretical ideas about the city: from theories based on the historical and comparative method developed by the classics of sociological thought (F. Tönnies, G. Simmel, M. Weber) before the research of the second half of the 20th century, in which the accumulated sociological knowledge and methods allow enriching interdisciplinary research matrices (K. Lynch, S. Milgram). The transformation of urban research is determined by socio-cultural, economic, demographic and political factors in a particular space and time, which allows us to constantly formulate new hypotheses. The perception of the city changes with the development of knowledge: from utilitarian to meaning-forming, spiritual space. The concept of “image of the city” is considered in this study as a key one that determines the strategy of scientific research and the inclusion in the research discourse of works devoted to cartography and the development of mental maps (K. Lynch, S. Milgram, I.I. Mitin et al.). K. Lynch created mental maps based on the logic of perception of the fabric of the urban environment; maps revealed the connection between the real objects of the city and the respondents’ ideas about them; the townspeople perceived the city individually, extrapolating their meanings to familiar streets and architectural objects. S. Milgram continued to develop the ideas of mental mapping. He transferred the research to the plane of personal perception: a person emotionally colors the city. These methods of studying the city make it possible to evaluate its functionality and infrastructure, to identify the daily practices of citizens, which becomes the basis formation of the “image of the city”, definitions elements that make the city safe and accessible or vice versa lead to alienation. The conclusions obtained as a result of the study make it possible to form an interdisciplinary research matrix within the framework of urban sociology, to obtain a sociological interpretation of the knowledge obtained about the object of research in history, geography, cultural studies, philosophy, demography, which contributes to the expansion of research prospects and the development of related fields of knowledge.

Key words: image of the city, sociology of the city, urban studies, urban environment, mental maps, cartography, Russian cities.

Citation. Fursaev L.V., Poltavskaya M.B. Development of Theoretical Ideas About the City: Cartography and Mental Maps in Sociological Discourse. *Logos et Praxis*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 109-121. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.11>

УДК 316.77
ББК 60.524

Дата поступления статьи: 03.02.2023
Дата принятия статьи: 26.06.2023

РАЗВИТИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГОРОДЕ: КАРТОГРАФИЯ И МЕНТАЛЬНЫЕ КАРТЫ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Лев Валерьевич Фурсаев

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Мария Борисовна Полтавская

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Актуальность исследований города увеличивается с ростом в городах населения, данная тенденция наблюдается во всем мире на протяжении уже более полувека. Основная задача представленной работы – выявить этапы развития теоретических представлений о городе: от теорий, базирующихся на историко-сравнительном методе, разработанных классиками социологической мысли (Ф. Тённис, Г. Зиммель, М. Вебер), до исследований второй половины XX в., в которых накопленные социологические знания и методы позволяют обогащать междисциплинарные матрицы исследования (К. Линч, С. Милграм). Трансформация исследований города определяется социокультурными, экономическими, демографическими и политическими факторами в конкретном пространстве и времени, что позволяет постоянно формулировать новые гипотезы. С развитием знаний меняется восприятие города – от утилитарного до смыслообразующего, духовного пространства. В данном исследовании как ключевое рассматривается понятие «образ города», что определяет стратегию научного поиска и включение в дискурс исследования работ, посвященных картографии и разработке ментальных карт (К. Линч, С. Милграм, И.И. Митин и др.). К. Линч создавал ментальные карты, основываясь на логике восприятия ткани городской среды; карты раскрывали связь между реальными объектами города и представлениями о них респондентов; горожане воспринимали город индивидуально, экстраполируя свои смыслы на знакомые улицы, объекты архитектуры. Продолжая развивать идеи ментального картирования, С. Милграм переводит их в плоскость личностного восприятия: человек эмоционально окрашивает город. Указанные методы исследования города позволяют оценить его функциональность и инфраструктуру, выявить повседневные практики его жителей, что становится основой формирования «образа города», определения элементов, которые делают город безопасным и доступным или, наоборот, ведут к отчуждению. Результаты исследования позволяют сформировать междисциплинарную матрицу изучения города, социологически интерпретировать знания, полученные об объекте исследования в истории, географии, культурологии, философии, демографии, что способствует расширению перспектив анализа и развитию смежных областей знания.

Ключевые слова: образ города, социология города, городские исследования, городская среда, ментальные карты, картография, российские города.

Цитирование. Фурсаев Л. В., Полтавская М. Б. Развитие теоретических представлений о городе: картография и ментальные карты в социологическом дискурсе // *Logos et Praxis*. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 109–121. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.11>

Современное российское общество – это преимущественно городское общество, находящееся в постоянном изменении своей социально-культурной, экономической и политической сферы, напрямую отражающееся на повседневности каждого из нас. Процесс урбанизации в России, начавшись в конце XIX в. (практика имеет общемировые тенденции), а в советский период характеризуюсь бурным ростом, в начале XXI века продолжился. Количество горожан в России, согласно предварительным данным Всероссийской переписи населения 2021 г., составляет 74,8 % населения страны [Росстат... web]. Для горожан городская среда выполняет многие базовые функции и создает определенный образ: для кого-то это яркий и безопасный город с дружелюбными соседями, для других это агрессивная среда, где каждый прохожий желает тебе зла. Именно поэтому важно формировать новые городские районы (и реконструировать уже существующие), учитывая те образы и мифы в городском сообществе, сформированные на протяжении нескольких десятков лет. Создание комфортной и дружелюбной среды – важнейшая задача для каждого города.

Активное исследование и изучение города происходит с появлением социологического дискурса. Первые авторы, затрагивающие в своих работах тему города – Ф. Тённис, М. Вебер, Г. Зиммель [Тённис 2002; Вебер 1994; Зиммель 2002], их труды рассматривали город как призму, через которую изучается общество того времени. Прикладные исследования городов и их роли в жизни человека связаны с появлением Чикагской школы в начале XX в., представленной такими именами, как Р. Парк, Э. Бёрджесс, Л. Вирт, К. Линч, Р. Маккензи и др. [Парк 2002, 2006; Бёрджесс 2002; Вирт 2005; Линч 1982; Маккензи 2001, 2003]. Рассмотрим более подробно вклад каждого из авторов.

Активное исследование и изучение города происходит с появлением социологического дискурса. Первые авторы, затрагивающие в своих работах тему города – Ф. Тённис, М. Вебер, Г. Зиммель [Тённис 2002; Вебер 1994; Зиммель 2002], их труды рассматривали город как призму, через которую изучается общество того времени. Прикладные исследования городов и их роли в жизни человека связаны с появлением Чикагской школы в начале XX в., представленной такими именами, как Р. Парк, Э. Бёрджесс, Л. Вирт, К. Линч, Р. Маккензи и др. [Парк 2002, 2006; Бёрджесс 2002; Вирт 2005; Линч 1982; Маккензи 2001, 2003]. Рассмотрим более подробно вклад каждого из авторов.

Ф. Тённис рассматривает город в контексте двух типов социальности: «общность» (*Gemeinschaft*) и «общественность» (*Gesellschaft*). Продолжительный период такое разделение воспринимали как дихотомию города и деревни. Ф. Тённис замечает: «Всё развитие направлено на приближение к обществу» [Тённис, 2002, 380], то есть приближению к «*Gesellschaft*», в котором, с другой стороны, сохраняется сила «*Gemeinschaft*», хотя не проявляется ярко, остаётся реальностью социальной жизни.

Существование выделенных типов социальности автономно, в отрыве от другого типа, невозможно. Всякое социальное образование – это комбинация общностных и общественных черт, расположенных в разных полюсах континуума любого из исторически существовавших обществ. Общество – это не монолитная социальная структура, а динамически развивающаяся система, где конкретная группа людей находится всегда под влиянием обеих социальностей, выступая точкой на градиенте «общность – общественность».

Используя концепцию Ф. Тённиса, можно сделать выводы о том, как интегрируются обе социальности в одну новую среду. Городская ткань включает в себя такие элементы общественного (*Gesellschaft*) как наличие деловой среды (производства и заводы, бизнес-центры и офисы, гос. структуры), создающей возможность для реализации горожанина как субъекта своих социальных действий. В городе проявляются и элементы общности (*Gemeinschaft*): семья, соседство, друзья и городские пространства для удобного взаимодействия – парки, игровые площадки, развлекательные центры и другие досуговые места. Таким образом, жизнь в городе постепенно меняется, насыщается качествами каждой из социальности – усложняются отношения между жителями, возрастают личные свободы, формируются крепкие родственные связи (сотрудничество внутри семьи помогает достичь быстрее комфортных условий).

В своей работе Ф. Тённис поднимает гендерный вопрос и предполагает, что для города конца XIX – начала XX в. типичным жителем является мужчина, чья роль в обществе более подходящая для общественности (*Gesellschaft*). В основе характера муж-

чины лежит расчет, а женщины – нрав, образ мыслей мужчины получает выражение через сознательность, а женщины – через совесть. Ф. Тённис отмечает: «...женщина же, руководствующаяся избирательной волей, представляет собой в этом ряду наиболее поздний феномен, каковой, в свою очередь, уравнивается или, по крайней мере, уподобляется свободному мужественному духу» [Тённис 2002, 228]. Другими словами, между женщиной, руководствующейся избирательной волей, и мужчиной можно поставить условный знак тождества. Мужчины по своей природе более избирательны, рациональны, склонны к деловой активности, а женщины – к оседлому образу жизни, размеренности. В современном обществе гендерные роли и функции уже не разделяются подобным образом, город дает возможность для равноправного развития каждого его жителя вне зависимости от пола или принятых им социальных установок.

М. Вебер делает объектом своего исследования города и поселения разных исторических эпох, используя историко-сравнительный метод. Он рассматривает генезис и последующую эволюцию городской структуры, ее экономические и политические аспекты развития [Вебер 1994]. Образование современных городов связано с развитием культуры и закреплением экономических связей в рамках исторического процесса. Сами города являются политически независимыми и физически обособленными от окружающего мира. Город для социолога – это специфический образ жизни, зависимый от ценностно-мировоззренческих интенций людей. Религия в жизни горожан играет немаловажную роль, например, в крупных средневековых европейских городах образовывается нелегитимная власть, составляющая конкуренцию легитимной. Особенности такой власти заключаются в поддержке традиций и рациональности, она гибче и харизматичнее. Оперативность реакций на любые экономические и политические изменения, подкрепленные военной мощью, дают возможность для горожан реализовывать свои идеи в рамках этого города.

Развитие и социальное переосмысление функций и роли города в жизни горожан происходит постепенно, меняются ценностно-мировоззренческие ориентации, разрушаются

родовые общины, появляются маргинализованные массы. Труд становится ценностью и основой формирования репутации в социуме. Накопление капитала позволяет изменять свое социальное положение в иерархии общества (как горизонтальное, так и вертикальное). Производство модифицирует сферу труда (методы ведения хозяйства), увеличивает количество рабочих мест, способствует экономическому развитию новых поселений и городов (рабочие предпочитают селиться вблизи с торговыми путями). Обратим внимание, что, по мнению М. Вебера, первичной становится не экономика, а культура, дающая основания для роста и появления экономики. Городской образ жизни и его скорейшее распространение в европейских странах ознаменовалось возникновением сциентистски-рациональной культуры, пришедшей на смену традиционно-чувственной.

Многие из высказанных М. Вебером идей о крупных городах актуальны и для современной ситуации. Города продолжают трансформироваться и вбирать в себя все больше людской массы, а также оставаться единственно возможным местом для финансового и социального развития человека. Современные технологии позволяют частично эти функции выполнять дистанционно, но данные процессы только начали структурироваться. Люди продолжают уезжать из деревень и малых городов в более развитые города и оседать в них [Нефедова, Мкртчян 2017, 58].

Если на ранних стадиях развития человечества (вплоть до «нового времени») города формировались вблизи ресурсно-географических доминант, дающих преимущество для выживания, то в последующем движущей силой становится – культура как локомотив создания благоприятных условий развития экономической, политической среды. Приобретая политическую свободу действий и капитализируя свой труд, гражданин получает возможность влиять на образ города, его ресурсы, распространение новых, что ведет к формированию социальных групп и сообществ граждан.

Г. Зиммель разделяет города на малые (маленькие города и деревни для него тождественны) и большие. Как и Ф. Тённис, он подчеркивает разницу между течением жизни в

маленьких городах (у М. Вебера – деревенские общности), и в больших (у М. Вебера общество в городах). Г. Зиммель заявляет, что для малых населенных пунктов характерны однообразный и размеренный ритм, медленное и привычное течение жизни [Зиммель 2002, 24]. Это способствует тому, что преобладают следующие внутренние качества человека: открытость, чувственность, душевность (соответственно, жители хорошо знакомы друг с другом). В своем труде «Большие города и духовная жизнь» Г. Зиммель, выделяет следующие характеристики большого города: «повышенная нервность жизни, возникающая от быстрой и непрерывной смены внешних и внутренних впечатлений» [Зиммель 2002, 23]. Образование такого города способствует рассудочному поведению, интеллектуализации, развитию частного хозяйства, нарастанию темпа жизни. Основным механизмом усложнения городов является рынок, он формирует разделение труда в обществе и тем самым способствует росту сложности культуры в целом [Зиммель 2002, 29]. Интеракция между жителями большого города приводит к обезличиванию самих отношений. Например, рабочий на производстве делает отдельную деталь, не зная, кому она предназначена, и наоборот, покупатель не знает всех людей, причастных к созданию готового продукта. Сами деньги начинают обесценивать суть вещей, их особенность и специфическую ценность.

Г. Зиммель не фиксирует, кем выступает типичный житель большого города, его пол, возраст и иные атрибуты. Происходящее обезличивание достигает стадии, когда жители становятся чужды друг другу, стремятся уменьшить количество своих интеракций с другими людьми, тем самым уменьшают в целом свои коммуникации в городе. Растет недоверие к окружающим людям. Человек, по мнению Г. Зиммеля, в «тесной сутолоке больших городов» одинок, а «физическая близость и скученность только подчеркивают духовную отдаленность», при этом, замечает социолог «нигде не чувствуешь себя таким одиноким и покинутым, как именно среди общей давки больших городов» [Зиммель 2002, 31]. Если в работах Ф. Тённиса города анализируются как преобладание обеих со-

циальностей (*Gemeinschaft* и *Gesellschaft*), то у Г. Зиммеля можно выделить преимущественно «общественность» (*Gesellschaft*), и все вытекающие из нее атрибуты (безразличие, формальность интеракций и т. д.). Социолог отмечает контраст не только между городом и деревней, но и между малым городом и большим. Большие города, по мнению Г. Зиммеля, формируют новые модели поведения. В то же время город – не неуправляемый Левиафан, скорее наоборот, он дает почву для рождения индивидуальности, именно в этой городской суеде каждый начинает задумываться о своих роли и статусе. Стремления актора найти себя, занять выгодное положение в обществе сформировали современное общество.

Итак, основные методы, используемые в классической социологии города – сравнительно-исторический метод и метод наблюдения. Дальнейшее развитие теоретических и практических знаний в рамках социологии города интенсифицируется в США, чему способствовали бурный индустриальный рост и большой приток мигрантов. Первые исследования носят «заказной» характер, например, работа С. Брекинридж и Э. Эббот посвященная изучению жилищных условий семей рабочих мигрантов и афроамериканцев. В этот период развиваются локальные лонгитюдные исследования [Tomlinson 1967], проведено Спрингфилдское обследование, изучаются проблемы ассимиляции этнических групп [Robinson 1948].

На фоне накопления эмпирических знаний, посвященных социальным городским процессам, формируется Чикагская школа. Социологи Чикагской школы поставили себе задачу содействовать социальным реформам, совершенствовать социум, управлять процессами, протекающими под воздействием конструктивных и деструктивных эффектов урбанизации и индустриализации.

Развитие социально-экологической концепции Р. Парка, Э. Бёрджесса, Р. Маккензи осуществлялось в ситуации взаимообусловленного решения теоретических и практических задач [Park, Burgess, MacKenzie 1925]. В проведении городских реформ принимали активное участие как студенты, так и профессора университета, это формировало специфическое

отношение к городу. Р. Парк, писал, что город Чикаго для него – «нечто большее, чем совокупность индивидов и удобств... нечто большее, чем набор социальных институтов и административных единиц. Город – скорее, умонастроение, тело обычаев и традиций... продукт природы, в особенности человеческой природы» [Парк 2006, 16]. Предложенная социально-экологическая концепция была теоретической реакцией на практические вызовы.

Р. Парк рассматривал город как естественный феномен, для которого характерны постоянные изменения, антагонизм между традициями и нововведениями, столкновение взглядов и образов жизни. Представляя общество как единый организм, содержащий как социальный (культурный) уровень, так и биотический, Р. Парк подчеркивал, что движение социальной эволюции от биологической к культурной протекает в режиме постоянной конкуренции, и именно конкуренция «придает обществу характер организма, формируя его структуру и регулируя чередование равновесия и дисбаланса в развитии социального организма» [Баньковская 1998, 125].

В истории человечества происходит перманентное перемещение людей из неблагоприятных условий проживания к более благоприятным. Само перемещение может происходить как географически, так и социально, например, изменение своего положения в социальном пространстве. Мобильность и миграция как коллективное поведение становится предметом исследования чикагских социологов, как отмечает О.Н. Яницкий: «Это была широкая теоретическая ориентация, продукт и синтез многих современных ей социально-философских направлений» [Яницкий 2018, 10].

В центре городских исследований миграция оказалась не случайно, поскольку для Чикаго того времени были характерны волны иммигрантов из Европы, столкновения культур Старого и Нового Света, что воплотилось в социокультурную гетерогенность города, включающего множество групп, отличающихся уникальной культурой, социальной структурой и образом жизни. Чикагские социологи начинают изучать разнообразные городские сообщества, уличные компании, процессы дезорганизации и организации, которые рассмат-

риваются как взаимно связанные друг с другом [Бёрджесс 2002, 174].

Если Р. Парка интересовало то, как с ходом истории город эволюционирует социально, а вместе с ним меняется его житель, то для Э. Бёрджесса становится важнее акцентировать внимание на его развитие, росте. В своей работе «Рост города» он поднимает не только ранее затронутую тему миграции и мобильности, но и исследует другие факторы развития города. Он также, как и Ф. Теннис (и его современник Л. Вирт) обращается к сравнению городской жизни и жизни в малых городах, поселениях. На фоне укрупнения и усложнения социальной жизни в городе меняется и облик социума (этнический, гендерный, возрастной, профессиональный и др.), все эти факторы оказывают прямое воздействие на сообщество. Исследователь выявил, что в крупных американских городах женщин больше, чем мужчин; преобладают молодые и средние возрастные группы над более старшими группами, ярко выражена профессиональная неоднородность.

Э. Бёрджесс, исследуя Чикаго, дифференцирует его на 75 отдельных районов и сообществ, имеющих свои уникальные черты (каждый район это отдельное «мини-общество», со своими легендами и традициями). Затем он наносит эти районы на топографическую карту и выделяет зоны. Так и рождается концепция «концентрических зон города». Согласно Э. Бёрджессу, город имеет пять зон: в самом центре расположен район делового центра (1); следующая фабричная зона (2); рядом с мануфактурами находятся жилые районы рабочего класса (3); большую часть занимает территория домов-особняков или, точнее, людей среднего и выше класса (4); заключительный круг – это зона пригорода или городов-спутников (5) [Бёрджесс 2002, 171–172]. С ростом городов происходят изменения социального и экономического облика современного города, формируются множество точек притяжения в разных частях города (парки, торговые центры, культурные центры), новые рабочие места начинают массово возникать не только в промышленных районах как раньше, а повсеместно (деловые районы – зачастую это центральная часть города, промышленность выносятся за периферию горо-

да, сервисы услуг располагаются в «спальных» района). Концепция концентрических зон претерпела некоторые изменения, необходимо учитывать, что современные города далеко не все соответствуют по своему строению предложенной теории.

В поисках термина, объединяющего социокультурную среду города, ее символические и организационные структуры, чикагские социологи останавливаются на «сообществе» (community). «Сообщество» органично включает в себя как элементы общности (Gemeinschaft), так и элементы, характерные для общества (Gesellschaft). Город рассматривается чикагскими социологами как сообщество, устойчивое функционирование которого является условием социального равновесия. Для сообщества характерна как схожесть интересов и наличие идентичности, так и отношения конфликта. Описывая многообразие «социальных миров» на примере разнообразных сообществ Чикаго и рассматривая их как «социальную форму жизни», продолжающую существовать в условиях большого города, социологи изучали городские единицы – районы, кварталы, микрорайоны, исследуя процессы ассимиляции, развития социальных отношений, солидарности. Результаты деятельности сообщества конвертируются в образование новых структур – соседство, традиции, истории и легенды местности, что сплачивает сообщество.

Р. Маккензи, рассуждая о человеческом сообществе в городской среде, перенимает и адаптирует ряд биологических терминов для концептуализации новой теории («экология человеческого сообщества») [Маккензи 2001]. Важно отметить, что его теория учитывает связи человека (это может быть, как отдельный индивид, так и целый институт) во времени и пространстве, то есть изменения городского ландшафта напрямую влияет на изменения в сообществе, а также изменения общественного состава (миграция, смена поколений и др.) детерминирует физические условия жизни. В отличие от животных и растений в их естественной среде обитания человек научился изменять и адаптировать среду под свои нужды, главными отличительными характеристиками выступает – мобильность и целеполагание. Примером могут служить поселе-

ния людей в экстремальных условиях (ради достижения ресурсных или научных целей).

Аналогично как в природной среде экологические процессы детерминируют структуру сообщества в большом городе (за счет роста сообщество начинает усложняться, из общего все чаще появляется специализированные структуры, в дальнейшем происходит процесс централизации, а через время – и обратный ему процесс децентрализации). В маленьких поселениях магазины не имеют свою спецификацию и обладают всеми доступными продуктами, с развитием поселения могут появляться специализированные структуры: бакалеи, рестораны, аптеки и т. д. Сам город начинает меняться под возникающие ресурсно-производственные задачи. Формируется новая инфраструктура, строятся новые жилые районы для работников, как следствие – появляются новые рабочие места. Перестройка города напрямую влияет на изменения внутренних установок жителя, изменения его образа жизни, отношения.

Теория Р. Маккензи способствовала появлению множества современных методов эмпирического исследования: зонирование, включённое наблюдение за жизнью сообщества, социальное картографирование, кейс-стади и др. «Сообщество» изучается как функциональная единица, взаимодействующая с окружающей ее средой в рамках большого города [Маккензи 2003]. Отдельно стоит сказать о феномене «маргинальности». Область маргинальности в городе – это область размытости и нечеткости социального и статусного в городском пространстве.

Л. Вирт в своих работах создает социологическую теорию городской жизни, изучая многочисленность городской жизни на географически ограниченной территории. Феномен пространства теперь является преобладающим в изучении городской среды. Л. Вирт в своем труде «Урбанизм как образ жизни» выносит вперед тему взаимодействия горожан между собой. Тема близости в общении, влияние плотности населения становятся для автора ключевой. Социальная жизнь горожан формируется исторически из «опыта» малых городов, поселений. Наряду с этим, процесс урбанизации создает новый тип социальных связей между людьми, горожане взаимодей-

ствуют друг с другом, выступая в сильно сегментированных ролях: «...они меньше зависят от конкретных лиц, и их зависимость от других ограничивается крайне узким аспектом круга деятельности другого. Именно это имеют в виду, когда говорят, что город характеризуется вторичными, а не первичными контактами» [Вирт 2005, 105].

Жизнь в городе несет индивидуалистический характер, наделяя его жителей поверхностными и даже анонимными коммуникациями, формируя рациональный и расчётный подход к жизни. Цель такой жизни – это улучшение своего положения в обществе, как финансового благополучия, так и духовно-эмоционального, то есть приобретая некую независимость, от близких социальных групп, горожанин получает свободу от внешнего контроля своей жизни, но также теряет чувство причастности, что приводит к потере ценностей и социальному вакууму. Из-за повышенной плотности застройки в городах горожане начинают сосредотачиваться в районах, соответствующих их социальным статусам (финансовые показатели, личностные потребности и даже по политическим взглядам), и как следствие, растет дифференциация районов города и постепенное приобретение специализации (определенной функциональности). Вот что пишет про это Л. Вирт: «Рост численного состава популяции при неизменной площади ареала (то есть возрастание плотности) обычно вызывает дифференциацию и специализацию... плотность усиливает диверсификацию людей и их деятельностей и возрастание сложности социальной структуры, вызываемые ростом населения» [Вирт 2005, 107].

Перспективным в исследовании города как социального явления становится инструментарий понятия «ментальная карта», который предложен Э. Толменом [Толмен 1980]. Он использует, если перевести дословно, термин «когнитивные карты» (cognitive maps) и обозначает ориентацию лабораторных крыс на специально созданной территории (схеме лабиринта) [Толмен 1980]. Понятие «когнитивная карта» во многих случаях называют «зонтичным» по отношению к другим терминам, например, ментальным картам [Jacobson 2006]. Схожий термин «imaginary map» – «воображаемая» или «вообразимая карта» –

встречается в работе Ч. Тробрюбриджа [Глазков 2015, 108].

Значимый вклад в теорию ментальных карт внес представитель Чикагской школы К. Линч, поставив вопрос логики восприятия ткани городской среды, связь между реальными объектами города и нашими представлениями о них. Он установил, что «независимое полевое исследование довольно точно предсказало групповой образ, выявленный в ходе интервью» [Линч 1982, 26].

На основе полевого исследования, ответов на интервью, массива рисованных горожанами карт К. Линч самостоятельно наносил обобщенный образ исследуемых частей изучаемых им городов – Бостона, Джерси-Сити, Лос-Анджелеса. Интерпретируя весь массив полученных данных, он приходит к выводам, что везде прослеживаются ключевые элементы городской среды – пути, границы, районы, узлы, ориентиры. Стоит отметить, что К. Линч объединил в своей работе два противоположных подхода к ментальным картам: от рисованных / визуализированных карт к пониманию образов «в голове» [Митин 2017, 71].

В продолжение теории Р. Маккензи, характеризую город, К. Линч пишет, что город – это конструкция в пространстве, но гигантского масштаба, что можно воспринять только за продолжительное время. Город воспринимается в любое время, при любых погодных условиях, и воспринимается не сам по себе, а в отношении к окружению, к связанным с ним цепочкам событий, к памяти о прежнем опыте [Линч 1982, 15]. Если Р. Маккензи рассматривает город через призму «экологии», то К. Линч больше уделяет внимание «образу города» в представлениях горожан. Каждый горожанин видит и воспринимает город индивидуально, экстраполируя свои придуманные смыслы и легенды на знакомые улицы, объекты архитектуры.

Город не имеет совершенный вид, он динамичен, всегда в движении и подвержен изменению как в больших масштабах (присоединение новой территории, новых деревень, строительство новых районов, промышленных и жилых кварталов), так и микроизменения повсеместно (житель высадил огород у входа, кто-то покрасил стену и т. д.).

К. Линч рассуждает: «Примитивный человек был вынужден совершенствовать образ окружения, адаптируя восприятие к ландшафту, вносить малые изменения: насыпать кучи камней, зажечь сигнальные огни... В наше время человек способен в короткий срок построить масштабное» [Линч 1982, 24]. Таким образом, становится важным не просто бездумно строить наши современные города, а учитывать, что любые изменения в городской ткани сразу отражаются на образе города в целом. «Дружелюбность» городской среды напрямую отражается на работоспособности горожан.

В то же время тему ментальных карт начинают развивать представители поведенческой школы в географии [Серапинас 2007]. Исследователи, рассматривая пространственные явления, пытаются дать объяснение через понимание того, как пространство влияет на поведение человека, его принятые решения и действия. Центром, связывающим деятельность человека и окружающую среду, становится восприятие пространства, а ключом к пониманию этой связующей нити становятся ментальные карты.

Отличие географического направления понимания ментальных карт выразилось в стремлении визуализировать полученные данные в классическом понимании картографии. И-фу Туан пишет о двух полярных по отношению к друг другу пониманиях ментальных карт в географии: картографическая репрезентация различающихся оценок мест людьми; нарисованная карта местности (улиц, городов) самими людьми [Tuán 1975].

Изучая человека в большом городе, С. Милграм подходит к вопросу более психологично: его интересует интериоризация человека, находящегося в окружение большого города, как влияет городской ритм на психоэмоциональное состояние каждого его горожанина, как высокая плотность и гетерогенность населения сказывается на поведении горожан.

В своей работе «Человек в большом городе» С. Милграм продолжает развивать идеи ментальных карт К. Линча. Однако он не пытается обобщить карты города в единую по аналогии с географической. Как пишет Н.В. Веселкова: «С. Милграм подчерки-

вал, что изучает не географическую реальность, а ее отражение в умах горожан... образ не столько выявляется, сколько конструируется... выступает не бледным искаженным оттиском реальности, а самой реальностью» [Веселкова 2010, 19]. Своей основной задачей С. Милграм ставит провести многогранный анализ полученных данных, уделяя внимание индивидуальному опыту респондентов. Образ города был собирательным и появлялся за счет частоты упоминания объектов, а также зависел, в какой последовательности упоминались эти объекты. Учитывались социально-демографические характеристики респондентов, которым задавались вопросы: «Предположим, вам очень повезло с деньгами, и вы можете себе позволить жить в любом месте Парижа. Куда бы вы переехали?» или «Представьте, что вы должны отправиться в изгнание и у вас есть возможность совершить только одну прогулку по городу, какой маршрут вы предпочли бы?» [Милграм 2000, 111–112].

Первые свои попытки исследователь реализовывал на когнитивных картах Парижа, но столкнулся с рядом трудностей (в основном финансовых), в конечном счете исследование завершилось удачно и было опубликовано в 1973 году. Вернувшись к изучению городов в США, С. Милграм предлагал уйти от демографических особенностей в изучении города, и сосредоточиться на психологических факторах. Он вводит новый термин «перезагрузки» (заимствовав из сферы системного анализа), который означает неспособность системы обрабатывать данные, поступающие из внешней среды, поскольку они появляются быстрее, чем система успевает обработать сигнал *A* к моменту поступления сигнала *B*. Во время процесса перезагрузки подключается процедура адаптации, то есть система должна решать возникающие трудности, принося в жертву одну из сторон (выставить приоритет в выборе задач *A* и *B* или пожертвовать одним из сигналов совсем, чтобы вернуть нужный темп работы). Человек в городе постоянно соприкасается с моментом адаптации к очередной перезагрузке.

Продолжая идею Г. Зиммеля и Л. Вирта, изучавших влияние крупного города на человека, С. Милграм дополняет идею отчуждения и связывает с перезагрузкой. Житель

большого города из-за перезагрузки вынужден тратить небольшое количество времени на поступающую информацию. Другой адаптацией к перезагрузке является пренебрежение входящей информацией, если она не первоочередная. Горожанин, находящийся в потоке людей на шумной улице в центре города, старается не обращать внимание на окружение, не всматривается в каждого нового человека на своем пути, а если всматривается, то в момент забывает о нем. Сама система старается перераспределить информацию на несколько потоков (например, в автобусе водитель лишь забирает деньги, но каждый сам должен помнить об оплате, тем самым эта информация дифференцируется уже на две персоны: водитель-пассажир).

Итак, мы проследили этапы формирования теоретических идей социологии города. Отразим ключевые характеристики основных теоретических подходов к изучению города в таблице (см. таблицу).

На первом этапе (классическом) авторы подходят к городу опосредованно, он либо выступает как фон, формирующий общность (Ф. Тённис), либо как обезличенный элемент, где основное влияние создается за счет его размера или исторического развитие во времени (Г. Зиммель, М. Вебер). Второй этап напрямую связан с деятельностью Чикагской школы (Р. Парк, Э. Бёрджесс, Р. Маккензи, Л. Вирт и др.). Город обретает свое лицо, свои социальные «оттенки», стихийность которых начинает находить детерминированность в самом обществе. На первый план выходят социальные темы: миграция, зонирование города (благополучные дорогие районы / бедные трущобы), образование сообществ, образование социальных связей и др. Третий этап исследований города происходит на стыке множества дисциплин – психологии, культурологии, демографии, философии и других.

Междисциплинарность исследования позволяет рассмотреть социальные явления с новых ракурсов или, наоборот, попытаться более глубоко погрузиться в проблематику. В теории влияния городской среды на человека за основу взяты исследования Р. Парка. Переход к анализу образа города, и конкретно – ментальных карт, производит К. Линч, взяв за основу социологические исследования

и теорию картографии. Данный синтез социологии и картографии позволил выявить влияние, оказываемое городом на восприятие человеком городской среды. В дальнейшем тему ментальных карт развивает С. Милграм и переводит ее в плоскость личностного восприятия – в его теории человек эмоционально окрашивает город. Исследователь подмечает, как один и тот же архитектурный ансамбль может быть для одного человеком враждебным, а для другого дружелюбным.

Интересен пример применения ментальных карт в исследовании «Наивная география» [Наивная география... web], проведенном коллективом ученых из Пермского национального исследовательского университета [Zelianskaia et al. 2020]. Начавшись в 2014 г. со сбора и анализа вручную нарисованных ментальных карт России, созданных жителями различных городов (в фокус внимания ученых попали Пермь, Барнаул, Бийск, Калининград, Оренбург, Санкт-Петербург, Уфа, Москва), к настоящему вре-

мени собрано и оцифровано около 500 ментальных карт. Получив задание «изобразить карту России», участники эксперимента наносили наиболее важные, с их точки зрения, географические объекты, а затем записывали ассоциации, представления. Исследование показало, как отражается пространство современных городов в индивидуальном и групповом сознании, а также выявило ментальные репрезентации региональной и общенациональной идентичности. Исследование вылилось в практическое применение – создание графического редактора и приложения студии креативных карт «Creative Maps Studio» для репрезентации ментальных карт [Creative Maps Studio web], а также в соответствии с духом времени – приложения «Где мне понравится жить? Ментальные карты» на основе нейросети, которая обрабатывает рисунки ментальных карт местности и определяет лучшее место жительства по статистически совпадающим результатам похожих рисунков [Нейросеть web].

Основные теоретические подходы к исследованию города

Автор	Предмет исследования	Методы исследования	Характерные черты
Ф. Тённис	Поляризация социальности в обществе	Историко-сравнительный	Выделение двух типов социальности в обществе: общность-общественность
Г. Зиммель	Город и его влияние на социальные и духовные аспекты жизни человека	Историко-сравнительный	Разделение городов по размеру и выявление аспектов влияния каждого из типов на жизнь горожанина
М. Вебер	Города и поселения в разные исторические эпохи	Историко-сравнительный	Процесс исторического формирования и трансформирования города под влиянием культурной экспансии ближайших цивилизационных центров
Р. Парк	Социальная эволюция городского пространства	Социальное картографирование, включенное наблюдение	Влияние городской среды на человека, учитывая культурно-исторический контекст
Э. Бёрджесс	Городская среда	Социальное картографирование, включенное наблюдение	Зонирование города, миграция и социальная мобильность, социальные карты городов
Р. Маккензи	Городское сообщество	Социальное картографирование, включенное наблюдение	Экология городских сообществ, типы сообществ
Л. Вирт	Город как социальная сущность	Историко-сравнительный, включенное наблюдение	Для города характерны вторичные контакты (обезличенные поверхностные связи)
К. Линч	Образ города	Интервью, включенное наблюдение, ментальные карты	Город выступает как динамичный образ в голове каждого горожанина
С. Милграм	Влияние крупного города на ментальные аспекты жизни людей	Социальные эксперименты, включенное наблюдение	Психологичность ментальных карт, перезагрузка жителя большого города

Проведенный теоретический обзор позволяет понять, что социология города активно развивается и с каждым новым шагом формирует новые междисциплинарные матрицы для новых исследований. Анализируя информацию о том, как горожанин видит свой город, свой район, свой двор, можно типизировать образы города для разных социальных групп и сообществ. Образ города – это интегративное понятие, отражающее как благосостояние горожан (благосостояние каждого жителя зависит от экономики города, миграции, безопасной и доступной среды и т. д.), так и совокупность социальных процессов и институтов, в которых реализуются социальные практики горожан. Механизмы конструирования образов города являются основой выявления стратегий адаптации или отчуждения акторов в быстро меняющихся городских условиях. Вопросы, обозначенные классиками социологической мысли в конце XIX – начале XX в. – образ города, формирование городской среды, городское пространство и развитие городских сообществ – продолжают обсуждаться и в современной социологии города.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баньковская 1998 – *Баньковская С.П.* Ведущие теории Чикагской школы. Идеи и подходы // Давыдов Ю.Н. (ред.). История теоретической социологии. В 4 т. Т. 3. М.: Канон, 1998. С. 117–139.
- Бёрджесс 2002 – *Бёрджесс Э.У.* Рост города: введение в исследовательский проект // *Личность. Культура. Общество.* 2002. Т. 4, вып. 1/2 (11/12). С. 168–181.
- Вебер 1994 – *Вебер М.* Город // *Избранное. Образ общества.* М.: Юрист, 1994. С. 309–446.
- Веселкова 2010 – *Веселкова Н.В.* Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования // *Социология: методология, методы, математическое моделирование.* 2010. № 31. С. 5–29.
- Вирт 2005 – *Вирт Л.* Урбанизм как образ жизни // *Избранные работы по социологии: сб. пер. М.: ИНИОН, 2005. С. 93–118.*
- Глазков 2015 – *Глазков К.* Ментальные карты: ограничения метода и образ «чужого» в малом городе // *Laboratorium.* 2015. Т. 7, № 3. С. 106–117.
- Зиммель 2002 – *Зиммель Г.* Большие города и духовая жизнь // *Логос.* 2002. № 3/4 (34). С. 23–34.
- Линч 1982 – *Линч К.* Образ города. М.: Стройиздат, 1982.
- Маккензи 2003 – *Маккензи Р.Д.* Область человеческой экологии // *Личность. Культура. Общество.* 2003. № 3/4 (17/18). С. 174–188.
- Маккензи 2001 – *Маккензи Р.Д.* Экологический подход к изучению человеческого сообщества // *Личность. Культура. Общество.* 2001. Т. 3, вып. 4 (10). С. 128–143.
- Милграм 2000 – *Милграм С.* Человек в большом городе // *Милграм С.* Эксперимент в социальной психологии. СПб.: Питер, 2000. С. 25–126.
- Митин 2017 – *Митин И.И.* Ментальные карты города: история понятия и разнообразие подходов // *Городские исследования и практики.* 2017. Т. 2, № 3 (8). С. 64–79.
- Наивная география web – Наивная география: науч. проект // <https://naivemaps.ru>
- Нейросеть... web – Нейросеть определяет лучшее место жизни для каждого на основе гис-карт // <https://vk.com/@-202161779-neiroset-opredelyaet-luchshee-mesto-zhizni-dlyakazhdogo-na>
- Нефедова, Мкртчян 2017 – *Нефедова Т.Г., Мкртчян Н.В.* Миграция сельского населения и динамика сельскохозяйственной занятости в регионах России // *Вестник Московского университета. Серия 5, География.* 2017. № 5. С. 58–67.
- Парк 2002 – *Парк Р.* Город как социальная лаборатория // *Социологическое обозрение.* 2002. Т. 2, № 3. С. 3–12.
- Парк 2006 – *Парк Р.* Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // *Социологическое обозрение.* 2006. Т. 5, № 1. С. 11–18.
- Росстат... web – Росстат представил предварительные цифры о численности населения в регионах страны по данным Всероссийской переписи населения. 2022. 30 мая // <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/166784>
- Серапинас 2007 – *Серапинас Б.Б.* Мысленные геообразы и ментальные геоизображения // *Вестник Московского университета. Серия 5, География.* 2007. № 1. С. 8–12.
- Тённис 2002 – *Тённис Ф.* Общность и общество: основные понятия чистой социологии. СПб.: Владимир Даль, 2002.
- Толмен 1980 – *Толмен Э.* Когнитивные карты у крыс и у человека // *Хрестоматия по истории психологии.* М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 63–82.
- Яницкий 2018 – *Яницкий О.Н.* Российские мегаполисы в условиях глобальных социально-экологических вызовов // *Общественные науки и современность.* 2018. № 1. С. 5–16.
- Creative Maps Studio web – Creative Maps Studio // <https://creativemaps.studio>
- Jacobson 2006 – *Jacobson D.* Mental Maps // *Encyclopedia of Human Geography.* Thousand

- Oaks; L.; New Delhi: SAGE Publications, 2006. P. 299–301.
- Park, Burgess, MacKenzie 1925 – *Park R.E., Burgess E.W., MacKenzie R.W.* The City. Chicago: University of Chicago Press, 1925.
- Robinson 1948 – *Robinson R.* Progress in Mass Observation // International Journal of Opinion and Attitude Research. 1948. Vol. 2. P. 369–372.
- Tomlinson 1967 – *Tomlinson R.* Sociological Concepts and Research: Acquisition, Analysis and Interpretation of Social Information. N. Y.: Random House, 1967.
- Tuan 1975 – *Tuan Y.-F.* Images and Mental Maps // Annals of the Association of American Geographers. 1975. Vol. 65, №2. P. 205–213.
- Zelianskaia et al. 2020 – *Zelianskaia N.L., Belousov K.I., Galinskaia T.N., Ichkineeva D.A.* Naive Geography: Geoconceptology and Topology of Geomental Maps // Heliyon. 2020. Vol. 6, iss. 12. P. e05644. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2020.e05644>
- Milgram S., 2000. A Man in a Big City. Milgram S. *Eksperiment v sotsial'noy psikhologii*. Saint Petersburg, Piter Publ., pp. 25-126.
- Mitin I.I., 2017. Urban Mental Maps: History of the Term and the Diversity of Approaches. *Gorodskiyе issledovaniya i praktiki*, vol. 2, no. 3 (8), pp. 64-79.
- Naive Geography: Science Project*. URL: <https://naivemaps.ru>
- The Neural Network Determines the Best Place to Live for Everyone Based on Gis Maps. URL: <https://vk.com/@-202161779-neiroset-opredelyaet-luchshee-mesto-zhizni-dlya-kazhdogo-na>
- Nefedova T.G., Mkrtychyan N.V., 2017. Migration of Rural Population and Dynamics of Agricultural Employment in the Regions of Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*, no. 5, pp. 58-67.
- Park R., 2002. The City as a Social Laboratory. *Sociologicheskoe obozrenie*, vol. 2, no. 3, pp. 3-12.
- Park R., 2006. Urban Community as a Spatial Configuration and Moral Order. *Sociologicheskoe obozrenie*, vol. 5, no. 1, pp. 11-18.
- Rosstat Presented Preliminary Figures on the Population in the Regions of the Country According to the All-Russian Population Census, 2022*, May 30. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/166784>
- Serapinas B.B., 2007. Mental Geomages and Mental Geomages. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya*, no. 1, pp. 8-12.
- Tönnies F., 2002. *Community and Society: Basic Concepts of Pure Sociology*. Saint Petersburg, Vladimir Dal' Publ.
- Tolman E., 1980. Cognitive Maps in Rats and Humans. *Khrestomatiya po istorii psikhologii*. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, pp. 63-82.
- Yanitsky O.N., 2018. Russian Megacities in the Context of Global Socio-Ecological Challenges. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 5-16.
- Creative Maps Studio*. URL: <https://creativemaps.studio/>
- Jacobson D., 2006. Mental Maps. *Encyclopedia of Human Geography*. Thousand Oaks, London, New Delhi, SAGE Publications, pp. 299-301.
- Park R.E., Burgess E.W., MacKenzie R.W., 1925. *The City*. Chicago, University of Chicago Press.
- Robinson R., 1948. Progress in Mass Surveillance. *International Journal of Opinion and Attitude Research*, vol. 2, pp. 369-372.
- Tomlinson R., 1967. *Sociological Concepts and Research: Acquisition, Analysis and*

REFERENCES

Bankovskaya S.P., 1998. Leading Theorists of the Chicago School. Ideas and Approaches. Davydov Yu.N. (ed.). *The History of Theoretical Sociology*. In 4 Vols. Vol. 3. Moscow, Kanon Publ., pp. 117-139.

Burgess E.W., 2002. The Growth of the City: An Introduction to a Research Project. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*, vol. 4, iss. 1/2 (11/12), pp. 168-181.

Weber M., 1994. *City Favorites. The Image of Society*. Moscow, Yurist Publ., pp. 309-446.

Veselkova N.V., 2010. Mental Maps of the City: Issues of Methodology and Practice of Use. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoye modelirovaniye*, no. 31, pp. 5-29.

Wirth L., 2005. Urbanism as a Way of Life. *Izbrannye raboty po sotsiologii: sb. per.* Moscow, INION, pp. 93-118.

Glazkov K., 2015. Mental Maps: Limitations of the Method and the Image of a "Stranger" in a Small Town. *Laboratorium*, vol. 7, no. 3, pp. 106-117.

Simmel G., 2002. Big Cities and Spiritual Life. *Logos*, no. 3/4 (34), pp. 23-34.

Lynch K., 1982. *Image of the City*. Moscow, Stroyizdat.

McKenzie R.D., 2003. The Field of Human Ecology. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*, no. 3/4 (17/18), pp. 174-188.

McKenzie R.D., 2001. Ecological Approach to the Study of the Human Community. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*, vol. 3, iss. 4 (10), pp. 128-143.

Interpretation of Social Information. New York, Random House.
Tuan Y.-F., 1975. Images and Mental Maps. *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 65, no. 2, pp. 205-213.

Zelianskaia N.L., Belousov K.I., Galinskaia T.N., Ichkineeva D.A., 2020. Naive Geography: Geoconceptology and Topology of Geomenta Maps. *Heliyon*, vol. 6, iss. 12, p. e05644. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2020.e0564>

Information About the Authors

Lev V. Fursaev, Postgraduate Student, Department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, Lev.fursaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7466-4980>

Mariya B. Poltavskaya, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology and Politology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, poltavskaya@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7275-626X>

Информация об авторах

Лев Валерьевич Фурсаев, аспирант кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, Lev.fursaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7466-4980>

Мария Борисовна Полтавская, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, poltavskaya@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7275-626X>

www.volsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.12>

UDC 141.4
LBC 87.12

Submitted: 01.07.2023
Accepted: 03.07.2023

**REVIEW OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC
AND PRACTICAL CONFERENCE “MODERN ONTOLOGY – XI:
ONTOLOGY AND RELIGION”
(SAINT PETERSBURG, VOLGOGRAD, JUNE 26–30, 2023)**

Dmitry N. Bukin

Volzhsky Branch of Volgograd State University, Volzhsky, Russian Federation

Petr M. Kolychev

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg, Russian Federation

Svetlana B. Tokareva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The review of the international scientific and practical conference “Modern Ontology – XI: Ontology and Religion”, which took place from June 26 to June 30 at the Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation and Volgograd State University, is presented. The speeches of the conference participants were devoted to several significant topics on the stated issues. The first thematic block consisted of theoretical issues of the relationship between ontology and religion. Within the framework of this topic, the plenary report of P.M. Kolychev’s “Ontology and religion”, in which theology was considered as part of ontology became the key one. The second thematic block included the problems of human existence in the context of religion. Within the framework of this topic, S.B. Tokareva in the plenary report “Ontological consequences of human and angelic freedom: a modal approach” examined the interpretations of the real, possible and necessary, analyzed the ontological consequences of human and angelic freedom. Within the framework of the third thematic block, in which the problems of the relationship between ontology and religion were discussed in a historical and philosophical retrospective, the most interesting was the plenary report of I.I. Evlampiev “The problem of creation and the status of nothing in the metaphysics of mystical Pantheism”, which presented an original view on the development of the concepts of creation in the history of Christian thought. The fourth thematic block covered the problems of theory and practice of ontology. Within the framework of the conference, a fruitful discussion was held on the topic “What kind of philosophy do we need?”, dedicated to the problems of teaching philosophy for non-philosophical specialties. Most of the participants supported the idea of developing a unified program of a general philosophy course based on the domestic (including Soviet period) experience of teaching this discipline. The following structure of the philosophy course is proposed: 1) ontology; 2) philosophy of natural science; 3) philosophy of socio-anthropological reality; 4) philosophy of religion.

Key words: ontology, being, religion, theology, socio-anthropological reality, philosophy, worldview, free will.

Citation. Bukin D.N., Kolychev P.M., Tokareva S.B. Review of the International Scientific and Practical Conference “Modern Ontology – XI: Ontology and Religion” (Saint Petersburg, Volgograd, June 26–30, 2023). *Logos et Praxis*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 122-132. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.12>

**ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«СОВРЕМЕННАЯ ОНТОЛОГИЯ – XI: ОНТОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ»
(САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, ВОЛГОГРАД, 26–30 ИЮНЯ 2023 г.)**

Дмитрий Николаевич Букин

Волжский филиал Волгоградского государственного университета, г. Волжский, Российская Федерация

Петр Михайлович Колычев

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Светлана Борисовна Токарева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Представлен обзор Международной научно-практической конференции «Современная онтология – XI: онтология и религия», которая проходила с 26 по 30 июня в Санкт-Петербургском государственном университете аэрокосмического приборостроения и Волгоградском государственном университете. Выступления участников конференции были посвящены нескольким значимым темам по заявленной проблематике. Первый тематический блок составили теоретические вопросы взаимосвязи онтологии и религии. В рамках этой темы ключевым стал пленарный доклад П.М. Колычева «Онтология и религия», в котором теология рассматривалась как часть онтологии. Во второй тематический блок были включены проблемы человеческого бытия в контексте религии. В рамках этой тематики С.Б. Токаревой в пленарном докладе «Онтологические следствия человеческой и ангельской свободы: модальный подход» были рассмотрены трактовки действительного, возможного и необходимого, проанализированы онтологические последствия человеческой и ангельской свободы. В рамках третьего тематического блока, в котором проблемы соотношения онтологии и религии обсуждались в историко-философской ретроспективе, наиболее интересным был пленарный доклад И.И. Евлампиева «Проблема творения и статуса ничто в метафизике мистического пантеизма», представившего оригинальный взгляд на развитие концепций творения в истории христианской мысли. Четвертый тематический блок охватывал проблемы теории и практики онтологии. В рамках конференции состоялась плодотворная дискуссия по теме «Какая философия нам нужна?», посвященная проблемам преподавания философии для нефилософских специальностей и направлений подготовки. Большинство участников поддержало идею разработки единой программы общего курса философии на основе отечественного (включая советский период) опыта преподавания этой дисциплины. Предложена следующая структура курса философии: 1) онтология; 2) философия естествознания; 3) философия социоантропологической реальности; 4) философия религии.

Ключевые слова: онтология, бытие, религия, теология, социоантропологическая реальность, философия, мировоззрение, свобода воли.

Цитирование. Букин Д. Н., Колычев П. М., Токарева С. Б. Обзор Международной научно-практической конференции «Современная онтология – XI: онтология и религия» (Санкт-Петербург, Волгоград, 26–30 июня 2023 г.) // *Logos et Praxis*. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 122–132. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.12>

Введение

Международная научно-практическая конференция «Современная онтология – XI: онтология и религия» была организована совместно Санкт-Петербургским государственным

университетом аэрокосмического приборостроения, Волгоградским государственным университетом и Онтологическим обществом. Специальной темой конференции стала проблема соотношения онтологии и религии. В ходе конференции было заслушано 84 доклада (очно и

в онлайн-формате). В конференции приняли участие ученые из ведущих научных центров России: института философии Российской академии наук, института философии Национальной академии наук Беларуси, философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, института философии Санкт-Петербургского государственного университета, вузов Архангельска, Великого Новгорода, Волгограда, Воронежа, Екатеринбурга, Красноярска, Иваново, Курска, Нижнего Новгорода, Новокузнецка, Новороссийска, Новосибирска, Магнитогорска, Москвы, Омска, Самары, Санкт-Петербурга, Саратова, Тюмени, Уфы, Челябинска. Международная часть конференции была представлена учеными из Беларуси, Народной Китайской Республики, Ирана, Литвы.

1. Тематический блок

«Теоретические проблемы взаимосвязи онтологии и религии»

В рамках этой темы ключевым стал пленарный доклад П.М. Колычева (Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения) «Онтология и религия», в котором теология рассматривалась как часть онтологии. Если предмет теологии более или менее определен, то относительно предмета онтологии требуются специальные пояснения. Онтология понимается как такое знание о мире в целом, которое исходит из решения проблемы бытия. В докладе была представлена позиция релятивной онтологии, которая исходит из аксиомы «быть – значит различаться». В акте различения всегда присутствуют два аспекта: атрибут (свойство, по которому идет различение) и информация-определенность (результат различения). Сущность есть единство атрибута и информации-определенности. В соответствии с этим на изменение сущности влияют два типа причинности: атрибутивная (внешняя) и информационная (внутренняя). Глобальное развитие мира начинается с возникновения соматической сущности, в которой преобладает атрибутивная причинность; далее возникает антропологическая сущность, для которой характерно приблизительное равенство атрибутивной и информационной причинности; наконец, возникает теологическая

сущность, в которой преобладает информационная причинность. В соответствии с этой структурой бытия в релятивной онтологии выделяются три основных раздела: релятивное естествознание (онтология соматической сущности); релятивная антропология (онтология антропологической сущности); релятивная теология (онтология теологической сущности). Все эти разделы есть результат теоретического развертывания релятивной онтологии, задающей единую интеллектуальную среду, где не противостоят друг другу, а находятся в отношении взаимного и необходимого дополнения естественнонаучное знание (то, что принято называть наукой), гуманитарное знание и теологическое знание.

В своем стендовом докладе «Релятивная онтология как новая парадигма для науки и теологии» П.М. Колычев показал, что и естественнонаучное знание, и теология в итоге исходят из аксиом. Их взаимная критика (доходящая в крайних формах до отрицания) обусловлена различием этих аксиом. Для преодоления этого противостояния необходима новая аксиоматика, в которой аксиомы естественнонаучного знания и аксиомы теологии рассматривались бы в качестве частных решений проблемы бытия. Именно такую аксиоматику и предлагает релятивная онтология, где естественным наукам и теологии соответствуют различные виды сущности: предметом естественных наук являются соматические сущности, предметом теологии – теологические сущности. При этом оба вида сущностей представляют собой частный случай релятивного решения проблемы бытия. В стендовом докладе «Магия и гипотеза причинной аналогии» П.М. Колычев высказал гипотезу, согласно которой последующее состояние сущности (следствие) стремится быть аналогичным предыдущему (причина); при этом не требуется наличия какого-либо другого взаимодействия (например, близко- или дальнего действия) между причиной и следствием. Было показано, что эта гипотеза необходимым образом связана с законами сохранения в физике (теорема Э. Нётер), и она же объясняет все виды магии: имитативной, инициальной, парциальной. Представленная гипотеза намечает конкретный путь к построению общего дискурса для

гармонизации естественнонаучного и теологического знания.

Тема соотношения естественнонаучного и религиозного знания нашла свое продолжение в докладе И.Д. Невважая (Саратовская государственная юридическая академия) «Различие модальностей научной и религиозной онтологий», в котором была проанализирована проблема соотношения научного и богословского дискурсов. И.Д. Невважай оспорил как тезис о взаимной дополнительности науки и религии, так и тезис о том, что они находятся в вечном конфликте. Докладчик представил аргументы в защиту позиции, согласно которой религия и наука совершенно индифферентны по отношению друг к другу. Традиционная проблема соотношения веры и разума по-разному решается в религии и в науке. Опыт в науке и откровение в религии задают разные концепции знания. У религии и науки разные прагматические цели: господство над собой в религии и господство над внешним миром в науке. Религия и наука используют принципиально различные дискурсы: дескриптивный дискурс в науке и прескриптивный в религии. Следовательно, диалог между религией и наукой не имеет никакого смысла ни для религии, ни для науки, ибо они относятся к разным непересекающимся мирам. При обсуждении этого доклада П.М. Колычев отметил, что данный вывод не противоречит высказанной им точки зрения о качественном различии трех регионов мира («непересекающиеся миры»); кроме того, единство мира (единство регионов мира) свидетельствует о возможности существования единого для них дискурса, которым и является релятивная онтология.

Упор на дедуктивное разворачивание (в русле методологии В.Н. Сагатовского) системы онтологических категорий как способа данности субъекту метафизической и метаразумной реальности сделал в своем докладе «Онтология религии: сакрализация философии или синтез мировоззрений» Д.Н. Букин (Волгоградский государственный университет). Проводя аналогию с исследованием онтологических оснований математической реальности, докладчик сформулировал тезисы о «как-бытии», «сколько-бытии» и «где-бытии» божественного с выходом на категори-

альные «сетки», конструктивными элементами которых выступают категории отношения, качества, количества, меры и пространства. Выделенные «атрибутивные блоки» были дополнены темпоральным тезисом о «когда-бытии», определяющим новый угол зрения на модальный анализ сакрального бытия.

Историю соотношения науки и религиозного знания рассмотрел В.К. Шрейбер (Челябинский государственный университет) в докладе «Как религия помогла онтологии отделиться от метафизики», где указал на то, что в свое время религия предложила новый способ обоснования ценностей, особенно ярко проявившийся в авраамических религиях. Идея всемогущего и единственного творца способствовала, по мнению докладчика, становлению метафизики как особого целостного умозрения предельной реальности. Этот предельно широкий взгляд на сущее включал в свой состав и понятие Бога. Анализ божественных атрибутов привел богословов к ряду дихотомий. Одна из них, а именно противоречие между рациональностью и свободой божественной воли (дискуссия о котором разгорелась между томистами и оккамистами), способствовала не только развитию эмпирической науки, но и заложила краеугольный камень в грядущее отделение онтологии от метафизики.

Заданное историко-философское направление рассуждений о соотношении онтологии и религии продолжил С.Ю. Коломийцев (Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения) в своем докладе «Полемика церкви и науки в эпоху Нового времени в контексте современной философии науки». Докладчик обратил внимание на то, что в эпоху Средневековья именно знание, основанное на Библии и некоторых античных работах, считалось истинным. Начиная с Возрождения, стал появляться новый вид знания – наука, которая также претендовала на получение истинного знания, иногда входившего в противоречие с общепринятыми теориями. Доводом церкви в пользу утвердившихся и ставших общепринятыми теорий являлось то, что зачастую невозможно найти неоспоримые доказательства в пользу истинности научных теорий, поэтому они должны пониматься как гипотетические.

До XX в. в научной и философской среде господствовало представление о науке как способе получения именно истинного знания об окружающем мире, однако в рамках пост-позитивизма было показано, что современные научные теории все же правильнее понимать именно как гипотетические. Таким образом, получается, что именно понимание науки представителями церкви эпохи Возрождения и Нового времени является более близким современной философии науки. При обсуждении этого доклада П.М. Колычев отметил схожесть своей позиции о различных аксиоматиках естественнонаучного знания и теологии с позицией докладчика. Однако мало подчеркнуть сам факт различия, необходимо сделать следующий шаг, позволяющий преодолеть это различие, ведь предмет науки и предмет теологии – это части единого мира. Именно этот шаг и сделан в релятивной онтологии.

О преодолении разногласий между теистом и атеистом шла речь в докладе И.Е. Прись (Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск) «О квазифидеизме и рациональности религиозных убеждений». Исходным пунктом рассуждений докладчика стал квазифидеизм Д. Притчарда, утверждающего, что фундаментальные религиозные убеждения являются витгенштейновскими петлевыми предложениями («обязательствами»). Если существует религиозная форма жизни, то существуют и религиозные петлевые предложения. Интерпретация самих петлевых предложений, однако, не однозначна. Данная интерпретация петлевых предложений близка к интерпретации А. Колива, за исключением нескольких важных моментов. Докладчик, скорее, согласен со взглядом Витгенштейна на петли, управляющие языковыми играми в рамках формы жизни. Также докладчик рассмотрел вопрос о рациональности религиозных убеждений, проанализировал в свете квазифидеизма Притчарда проблему глубоких разногласий между теистом и атеистом и предложил вариант преодоления этих разногласий.

Оригинальную концепцию преодоления оппозиции региона мира вещей и региона феноменов сознания высказал А.Н. Спаськов (Институт философии Национальной академии

наук Беларуси, Минск) в своем докладе «Онтология планковского мира», где он привел метафизическое обоснование планковской онтологии на основе субстанциально-информационной концепции и принципа психофизического единства. Это позволяет сформулировать программу генетического построения квантовой монадологии в соответствии с метафизикой Г.В. Лейбница, идеал-реализмом Н.О. Лосского и квантово-информационным подходом. При этом вводится понятие цветового заряда как универсального информационного кода для характеристики внутренних состояний монад. Докладчик предложил модель нелокальной связи квантовых монад на основе комплементарной связности цветовых зарядов, а также сформулировал субстанциально-реляционную концепцию пространства-времени как многообразия комплементарно связанных квантовых монад. Кроме этого, докладчик ввел понятие переменного цветового заряда, задающего дискретно-непрерывный ход планковского времени, и вывел четыре типа волновых функций, описывающих жизненный цикл квантовых монад, на основе которых вводится понятие о фундаментальной внутренней симметрии, имеющей динамическую природу.

Близкая к рассмотренным выше докладам проблематика встречалась и в других докладах конференции, что свидетельствует не только об устойчивом интересе к проблеме двух регионов мира - мира вещей и феноменов сознания, но и о стремлении к преодолению непримиримого противостояния этих регионов и упорном поиске вариантов единого описания мира, объединяющего оба его региона.

2. Тематический блок «Проблема человеческого бытия и религия»

Центральным по этой проблематике стал доклад С.Б. Токаревой (Волгоградский государственный университет) «Онтологические следствия человеческой и ангельской свободы: модальный подход», где были рассмотрены трактовки действительного, возможного и необходимого в восточной и западной богословской традиции, проанализированы онтологические последствия человеческой и ангельской свободы. Докладчик

показал, что представители западной и восточной патристики решают проблему соотношения Божественного промысла и свободного выбора разумных существ (человека и ангелов) в разных модальных онтологиях. В западной патристике онтологические альтернативы промыслительному миру, возникающие в результате человеческого или ангельского выбора, рассматриваются как реализации логически возможных миров. При этом онтологический статус Бога, ангелов или человека не меняется, хотя все они оказываются в ситуации отклонения от промыслительного состояния. В восточной патристике, напротив, предполагается, что Божественное предопределение «работает» с учетом свободы разумных существ, а потому Божественный промысел реализуется не в предустановленной гармонии, но через синергию, со-делание, со-работничество с разумными творениями. При этом в каждом индивидуальном случае свободный выбор субъекта, действующего в согласии с Промыслом или в противлении ему, отражается на онтологическом статусе субъекта: его бытийность может как возрастать, так и умяляться – вплоть до полной утраты (но при сохранении индивидуальности). Таким образом, онтологические модели в богословском дискурсе фундированы различными трактовками Божественного промысла, свободы воли и природы зла.

Модальный анализ сакрального предложила А.А. Мёдова (Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва, Красноярск) в своем докладе «Природа сакрального в свете модального анализа», в котором было обосновано, что сакральное является фундаментальным модусом бытия человека в мире и находит выражение в священных предметах, представлениях и переживаниях. Сакральное не идентично религиозному – оно предшествует религии и вбирает ее в себя, будучи гораздо более объемным феноменом. При этом сакральное сложно локализовать на каком-то онтологическом уровне: его можно определять как аксиологическое, этическое или эстетическое явление, как объективную или субъективную реальность, априорную идею, культурную практику, индивидуальный или универсальный опыт и т. п. А.А. Мёдова полагает, что эта

сложность вызвана тем, что сакральное – это такой модальный объект, который реализуется одновременно в различных измерениях реальности, и поэтому его идентичность выражается в его самонесовпадении. Докладчиком был применен модальный анализ к феномену сакрального, что показало перспективность интерпретации сакрального в модальном ключе.

В.Б. Малышев (Самарский государственный технический университет) в докладе «Внечеловеческие инстанции в культуре», исходя из того, что человек – пересечение различных трансцендентных инстанций, показал, что тексты культуры, с одной стороны, раскрывают трансцендентные внечеловеческие инстанции, с другой – воспроизводят и организуют жизнь человека. Образ человека, являясь комбинацией модальностей, есть соединение несоединимого, *химера*. Поэтому образ человека оказывается синтетическим, сборным, он лишь «картинка», созданная некой высшей силой, силой природы или силой искусства. Человек способен воспринимать трансцендентное в экстатических состояниях. По сути, бесстрастные и равнодушные к нашим человеческим проблемам внечеловеческие инстанции создают человека *ex nihilo*, из ничего. Одна из этих инстанций – сама Природа. Священная игра внечеловеческих сил в экстатической вселенной происходит именно так: боги, обладая самодостаточным бытием (санскр. स्वभाव, *svabhāva*), как бы свидетельствуют об ограниченности человеческого существования, удел которого все вторичное и иллюзорное.

А.И. Лойко (Белорусский национальный технический университет, Минск) в докладе «Интегральная парадигма сверхчувственной реальности и сверхчувственная реальность: контуры совместимости», определяя культуру как онтологическую семантику реальности, детерминированную в общественном сознании взаимодействием человека с окружающей средой, показал, что в результате реализации сознанием человека обратной связи формируется потребность в адаптации к внешним условиям. Эта адаптация строится на диалоге с внешней средой, ключевую роль в которой играет феномен сверхчувственной реальности. При этом парадигму культуры,

полагает докладчик, нельзя отождествлять с парадигмой в науке, поскольку парадигма культуры не является консенсусом сообщества ученых. Она имеет интенциональную основу интегрального свойства. Это значит, что независимо от локальных и исторических особенностей культур смысловое ядро парадигмы культуры представлено универсальными концептами онтологической реальности, которую чувства человека не могут созерцать непосредственно.

Л.И. Насонова (Московская академия Следственного комитета РФ) и Л.И. Лазебный (Российский государственный социальный университет, Москва) в докладе «Религиозное сознание как способ духовного бытия человека» отметили, что в современной философии все большее распространение получает расширительная трактовка категории бытия, так что понимание онтологии как натурфилософии или учения о материальном объекте все больше осознается как один из вариантов онтологического учения. Категория бытия применима для анализа образований любой природы, в том числе духовной. Поэтому вполне закономерно философское понимание духа как бытийствующего сознания. Докладчики показали некоторые аспекты религиозного сознания как способа духовного бытия.

Н.В. Серова (Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова, Новороссийск) в докладе «О темпоральности религиозного сознания в русской философии» рассмотрела природу религиозного сознания в контексте темпоральной проблематики русской философии. Сравнительный анализ феноменологического и экзистенциального подходов к пониманию времени позволило докладчику выявить влияние религиозного сознания на темпоральную экзистенцию человека. Выводом в докладе стал тезис о том, что религиозное сознание способствует преодолению предопределенности времени, открывая для человека новые экзистенциальные возможности.

3. Тематический блок «Онтология и религия в истории философии»

Историко-философским вопросам соотношения онтологии и религии посвятило свои

выступления большинство докладчиков. Эту тему в первый день конференции поднял И.И. Евлампиев (Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета) в своем докладе «Проблема творения и статуса ничто в метафизике мистического пантеизма», где был предложен оригинальный взгляд на развитие концепций творения в истории христианской мысли. По мнению докладчика, мифологическая концепция творения, изложенная в ветхозаветной книге Бытия, описывает создание мира из предсуществующей хаотической материи, происхождение которой не проясняется, и точно так же описывает творение мира Филон Александрийский, а затем и Августин. И хотя Фома Аквинский говорит о создании мира из ничего волей Бога, однако конкретной философской разработки этой модели нет. Реальную философскую разработку в истории христианской философии получила только концепция творения гностического христианства, впервые ясно выраженная в Евангелии Истины, где из Бога в силу некоего непредсказуемого и «катастрофического» процесса появляется его несовершенная «копия», ограниченная началом ничто, которое также «выходит» из Бога, но оказывается независимым от него. Именно эта модель творения определяла развитие всех содержательных философских концепций Бога и его отношения к миру и человеку в европейской истории, которую мы находим в системах Оригена, Евагрия Понтийского, Ареопагитика, Мейстера Экхарта, Николая Кузанского, Шеллинга, Гегеля и др.

Д.А. Федчук (Институт философии человека Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург) выступил с докладом «От Первоначала в европейской средневековой метафизике к его вытеснению из поздней онтологии». Центральной темой своего доклада он сделал рассмотрение собственного предмета метафизики и его связь с Богом как предметом теологии. Свой анализ докладчик начал размышлений схоластики о том, что представляет собой объект первой науки – метафизики – и в чем его отличие от объекта теологии. Проследив развитие онтологии с XVII в., докладчик обратил внима-

ние на следующий момент: понятие Бога вытесняется из содержания онтологии по мере того, как последняя начинает отказываться от понятия субстанции. История субстанции отражает генезис философской мысли до XVIII в., в начале которого (и даже уже во второй половине века предыдущего) ряд английских философов (Локк, Юм) пытались представить субстанциальный подход к толкованию сущего как лишенный обоснованности, поскольку понятие субстанции было объявлено фикцией. Начиная с Канта ряд онтологических концепций трансформирует идею субстанции до такой степени, что в ней уже сложно усмотреть ее классическое, идущее от Аристотеля, содержание. С отказом от субстанции аргумент от Первоначала в последовательности дедуктивных обоснований каких бы то ни было онтологических положений перестает быть легитимным. И наоборот, когда предпринимается возвращение к субстанциальной позиции (Гегель, Шеллинг, Этьен Жильсон и др.), Бог как первоначало возвращается в контекст метафизики в качестве ее законного объекта.

А.Н. Фатенков (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского) в докладе «Экстремумы субъектности в онтологии Джорджа Беркли» показал, что у Дж. Беркли субъектность человека максимально высока – насколько это возможно в рамках религиозной идеалистической философии. Подобное положение достигается, по мнению докладчика, несколькими последовательными ходами: 1) постулативным запретом на делимость сущего до бесконечности и табуированием редукции макромира к элементам микромира; 2) резким отграничением субъекта от всего того, что им не является; 3) гипотетическим допущением солипсизма, в действительности остающегося всегда относительным; 4) сочетанием по принципу дополнительности солипсистского номинализма и теистического реализма.

Д.Р. Яворский (Волгоградский государственный университет) в докладе «Перспективы реализации принципа *coincidentia oppositorum* в теологии» остановился на разработанном Николаем Кузанским принципе *coincidentia oppositorum* («единство проти-

воположностей»), допускающем возможность рассматривать противоположности как формы реализации единого. В трактате «Об ученом незнании» Кузанский привел несколько демонстраций единства противоположностей в основном на математическом материале, представляя, тем не менее, этот принцип как универсальный, онтологический. Применение этого принципа в теологии позволяет выявить скрытые дискурсивные возможности христианского вероучения, которые разрабатывает в начале XXI в. так называемая «слабая теология» (*weak theology*). Принцип *coincidentia oppositorum* допускает тождество утверждений о предельной мощи и предельной слабости Бога. Это дает возможность пересмотреть христианский исторический дискурс («экономия» или домостроительство спасения), а также обогатить экзегезу евангельских текстов.

Сильный и слабый варианты теологии были рассмотрены также С.А. Коначевой (Российский государственный гуманитарный университет, Москва) в докладе «Слабая теология как постонтология», где докладчик сравнила сильную и слабую теологию Джанни Ваттимо, Джона Капуто, Ричард Кири. Показано, что для слабой теологии характерно стремление проститься с Все-богом (метафизическим Богом всеведения, всемогущества и всеприсутствия). Для постмодернистской теологии имя «Бог» не является именем Высшего бытия, или основания бытия, или мистического сверхбытия, но, скорее, обозначает «бытие-возможность», «быть-может», событие, которое вызывает и призывает возможность невозможного. В сильной теологии Бог предстает как всемогущий и всеприсутствующий правитель вселенной, в то время как теология события стремится показать, что слабая сила Бога оседает ниже в скрытых пустотах бытия, как разупорядочивающий порядок, тревожащий бытие изнутри. Имя Божие мыслится как имя события, проникающее в беспокойное сердце бытия, создающее путаницу в доме бытия, приводящее бытие в движение, толкающее к трансформации. Освобождая имя Бога из порядка бытия, слабая теология освобождает событие, освобождает провокативную и призывную силу имени события, которая, не ограничиваясь именован-

нием присутствующего сущего, рассеивается во всех направлениях.

А.Б. Паткуль (Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета) в докладе «Идея позитивной философии Ф.В.Й. Шеллинга и теология» отметил, что Ф.В.Й. Шеллинг понимает позитивную философию как оппозицию философии негативной, которая ограничивается только мышлением, а потому постигает сущее только в понятии, а не в действительном бытии. Постигнуть сущее в аспекте последнего может только позитивная философия, которая опирается на опыт. Причем речь идет не о каком-либо специфическом опыте, а об опыте «от начала и до конца». Такая философия исходит из факта упреждающего всякое мышление бытия и показывает на основании опыта истории, включающего опыт мифологии и откровения, что это бытие есть бытие Бога как полноты реальности, то есть всех мыслимых сущностей. При этом докладчик сделал особый акцент на шеллинговскую критику онтологического доказательства бытия Бога и его версию обращения этого доказательства.

А.М. Гагинский (Институт философии РАН, Москва) в своем докладе «Как Бог приходит в философию и как философия приходит к Богу?», обратившись к М. Хайдеггеру, реконструировал основные моменты хайдеггерского понимания отношения философии и богословия. При этом он выявил различия в трактовке Хайдеггером этого отношения до так называемого «поворота» в его мышлении (фундаментальная онтология) и после него (бытийно-историческая мысль). Отталкиваясь от работы немецкого философа, озаглавленной «Онто-тео-логическое строение метафизики», А.М. Гагинский показал, что центральный вопрос этой работы – «Как Бог приходит в философию?» – является односторонним. Он предполагает приоритет философии и связан со знаменитым «методологическим атеизмом» Хайдеггера. Но эти обстоятельства обусловлены тем, что его философия сама сформировалась в современную секуляризованную эпоху. Поэтому, согласно Гагинскому, следует спросить не только как Бог приходит в философию, но и куда и как приходит сама философия, когда она ведет речь о Боге.

4. Тематический блок «Теория и практика онтологии»

Кроме специальной темы «Онтология и религия» в рамках конференции обсуждались различные аспекты онтологии, в том числе и проблема бытия. О.М. Мухутдинов (Екатеринбург) в докладе «Идея бытия в контексте европейской онтоотеологии» обосновал точку зрения, согласно которой в западноевропейской метафизике идея бытия рассматривается из перспективы бытия сущего. Вне зависимости от того, рассматривается ли в качестве горизонта бытия феномен разума или феномен времени, бытие понимается как бытие сущего. Четыре основных тезиса о бытии, обсуждаемые в лекции М. Хайдеггера «Основные проблемы феноменологии»: 1) бытие не есть реальный предикат; 2) основными определениями бытия являются сущность и существование; 3) основные модификации бытия суть *res cogitans* и *res extensa*; 4) в суждении бытие представлено в виде связки), – опираются на представление о бытии как бытии сущего. В докладе обсуждается пятый тезис о бытии, который не рассматривался Хайдеггером в период работы над проектом фундаментальной онтологии, но повлиял на изменение принципиальной позиции Хайдеггера.

А.В. Чусов (Философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова) в своем докладе «Онтология Бердяева: существование между объектами и ничто» рассмотрел проблему бытия на материале русской философии. По мнению докладчика, неклассические онтологии разнообразно изменяют свой центральный концепт, изменяя или отказываясь от классического начала «бытие». В этой связи интерес представляет оригинальная неклассическая онтология Н.А. Бердяева, в которой «ничто» является изначальной основой человеческой свободы. Рассматривая многообразные ситуации существования человека в мире, Бердяев показывает, что экзистенция человека локальна и включает моменты бытия и небытия. При этом «ничто» как основание не только свободы и творчества, но и смысла, исчезает в объективациях разных уровней. Основанием связи между свободой духа и его освобождением является «существование» как базовый онтологический принцип, отлич-

ный от принципа «бытия». Методология Бердяева состоит в переходах между фиксацией характеристик непосредственно наличной данности как актуально экзистирующей и фиксацией характеристик опосредований экзистенции, выражающихся в завершении экзистенциальных актов в мире, в воспроизводящихся результатах повторяющихся актов.

Системной онтологии был посвящен доклад академика Д.И. Широканова (Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск) и М.К. Бусловой (Белорусский государственный университет физической культуры, Минск) «Онтологические основы философских категориальных структур». Докладчики исходили из того, что понятия служат для самого общего обозначения конкретных форм материи (предметов, вещей, процессов, свойств и т. д.). Явление как логическая категория в силу своей неопределенности выступает абстрактно – как «нечто» и в то же время при обозначении предметно-чувственного объекта – конкретно, имеет определенные свойства, отношения и т. д., которые связаны с сущностью, выражают ее. Логический анализ явлений невозможен без раскрытия их основы – такого носителя связей явлений, который обуславливает их единство, общность. Введение в систему понятий категории субстанции, выражающей основу явлений и выступающей по существу центральным звеном в системе, приобретает особую важность. В своем глубоком содержании она ведет к понятию материи. Без этой категории нельзя понять процесс формирования и развития понятий как логических категорий. Как выражение всеобщей основы явлений категория субстанции сыграла значительную роль в становлении и развитии логического мышления и его форм.

А.С. Червинский (Институт философии Национальной академии наук Беларуси) в докладе «Онтологические основы нормативного определения качества природной среды» рассмотрел вопросы практического применения онтологического знания в комплексной оценке качества природной среды, где проявляется взаимное противоречие результатов оценочной процедуры, когда различные критерии находятся во взаимном противоречии. Разрешение такого

противоречия представляется возможным на уровне философско-онтологической трактовки качества: качество есть совокупность сущностных компонентов, с утратой которых объект (предмет, система, процесс) теряет свою определенность. Различные сущности обуславливают различие производных от них свойств объекта и далее функций, реализующихся в системе социоприродных отношений. Оценку качества природной среды следует производить как определение состояния в контексте сохранения либо временной утраты исходных сущностей, свойств, функций.

Важной частью конференции стала **дискуссия «Какая философия нам нужна?»**, которая проходила в течение четырех дней и была посвящена проблемам преподавания философии на нефилософских специальностях и направлениях подготовки. Большинство участников поддержало идею разработки единой программы общего курса философии на основе отечественного (включая советский период) опыта преподавания этой дисциплины. Обмен мнениями участников конференции, подавляющее большинство которых преподают философию или имеют опыт ее преподавания, показал, что выбор единой структуры и содержания курса затруднен наличием альтернативных мнений относительно трех ключевых вопросов: 1) должна ли философия преподаваться как история философии; 2) является ли целью преподавания философии формирование мировоззрения; 3) должна ли философия преподаваться как теоретическая дисциплина, предметом которой является мир в целом.

Идея сведения курса философии к истории философии вызвала критику участников дискуссии в связи с тем, что при невозможности вместить огромный историко-философский материал в ограниченное количество часов и субъективных критериях выбора включаемых в курс философских направлений и персоналий содержание дисциплины становится неопределенным и утрачивает концептуальность. Это ставит под сомнение ее востребованность обществом и может обернуться отказом от философии как обязательного предмета изучения. Вторая точка зрения, согласно которой изуче-

ние философии должно быть направлено на выработку мировоззрения (что особенно актуально на современном этапе развития российского общества, находящегося в поисках путей духовного обновления), вызвала большую поддержку, а ее критика, по сути, свелась к неаргументированному отрицанию. Обсуждение третьей точки зрения развернулось вокруг выступления П.М. Колычева, предложившего в основу проекта единой программы преподавания философии положить следующую структуру курса: 1) онтология; 2) философия естествознания; 3) философия социоантропологической реальности; 4) философия религии. Такое представление философии, охватывая мир во всех его ключевых аспектах, могло бы, с одной стороны, стать основанием для выработки целостного мировоззрения, а с другой - способствовать поддержанию и развитию традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Заключение

Конференция показала актуальность и востребованность анализа самых разных аспектов взаимоотношения онтологии и религии: теоретических, историко-философских, логических, антропологических, экзистенциальных. Масштабный характер мероприятия позволил представить в настоящем обзоре выступления участников выборочно, однако очевидно, что дальнейшая разработка выделенной в ходе обсуждения тематики будет плодотворной для развития эвристического потенциала и онтологии, и религии.

Плодотворное обсуждение проблем преподавания философии в ходе многодневной дискуссии «Какая философия нам нужна?» позволяет надеяться на конструктивное сотрудничество представителей философского сообщества по разработке актуальных и востребованных учебных курсов по философии и их методического обеспечения.

Information About the Authors

Dmitry N. Bukin, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Economics and Social and Humanitarian Disciplines, Volzhsky Branch of Volgograd State University, 40 let Pobedy St, 11, 404133 Volzhsky, Russian Federation, bukin.dn@vgi.volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-2059-4022>

Petr M. Kolychev, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Advertising and Modern Communications, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Bolshaya Morskaya St, 67, lit. A, 190000 Saint Petersburg, Russian Federation, piter55piter@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7425-0833>

Svetlana B. Tokareva, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, tokareva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4274-6444>

Информация об авторах

Дмитрий Николаевич Букин, доктор философских наук, доцент кафедры экономики и социально-гуманитарных дисциплин, Волжский филиал Волгоградского государственного университета, ул. 40 лет Победы, 11, 404133 г. Волжский, Российская Федерация, bukin.dn@vgi.volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-2059-4022>

Петр Михайлович Колычев, доктор философских наук, профессор кафедры рекламы и современных коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, ул. Большая Морская, 67, лит. А, 190000 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, piter55piter@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7425-0833>

Светлана Борисовна Токарева, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, tokareva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4274-6444>

Миссия журнала «Logos et Praxis» – создание единого информационного и коммуникативного пространства для специалистов в области наук о человеке, обществе и культуре. Свою задачу редакция журнала видит как в привлечении к сотрудничеству известных ученых, так и в поддержке научной активности молодых исследователей. Журнал призван содействовать распространению результатов научных исследований и созданию дискуссионного поля для обмена научными достижениями и исследовательским опытом между представителями различных сфер социального знания. В журнале представлены теоретические статьи, а также результаты прикладных исследований социальной направленности.

Журнал «Logos et Praxis» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по следующим научным отраслям: «Социологические науки» (5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы, 5.4.7. Социология управления); «Философские науки» (5.7.1. Онтология и теория познания, 5.7.2. История философии, 5.7.7. Социальная и политическая философия, 5.7.8. Философская антропология, философия культуры).

Logos et Praxis is an academic journal aiming at creating a unified informational and communicative environment for scholars in the field of Human, Social and Cultural Sciences.

The editorial board of the journal aims at attracting both well-known academics and young researchers. We publish both theoretical and empirical Social Science articles. We invite authors from various Social Science disciplines, such as Philosophy, Sociology, Cultural Studies, Pedagogy, Social Psychology. Interdisciplinary studies in the field of Social Sciences are welcome. The journal accepts original articles only on the basis of peer review system.

The journal is included into “The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses” in the following scientific branches: “Sociological Sciences” (5.4.4. Social structure, social institutions, and processes; 5.4.7. Sociology management); “Philosophical Sciences” (5.7.1. Ontology and theory of knowledge; 5.7.2. History of philosophy; 5.7.7. Social and political philosophy; 5.7.8. Philosophical anthropology, philosophy of culture).

Уважаемые читатели!

Подписка на II полугодие 2023 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20989.

Стоимость подписки на II полугодие 2023 года 1 345 руб. 34 коп.

Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

Dear readers!

Subscription for the 2nd half of 2023 is carried out through “The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1. The subscription index is 20989.

The cost of subscription for the 2nd half of 2023 is 1345.34 rubles.

Distribution of the journal is carried out through the address system.

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «LOGOS ET PRAXIS»

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (jvolsu7@gmail.com). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции jvolsu7@gmail.com является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Logos et Praxis». Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить представленные статьи или отправить их на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см: <https://psst.jvolsu.com> (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS OF PUBLICATION IN LOGOS ET PRAXIS

1. The Editorial Staff of *Logos et Praxis* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant, must have a novelty and include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail jvolsu7@gmail.com. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail jvolsu7@gmail.com the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Logos et Praxis* printed periodical.

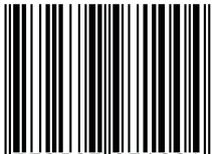
The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://psst.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

ISSN 2587-9715

9 772587 971004